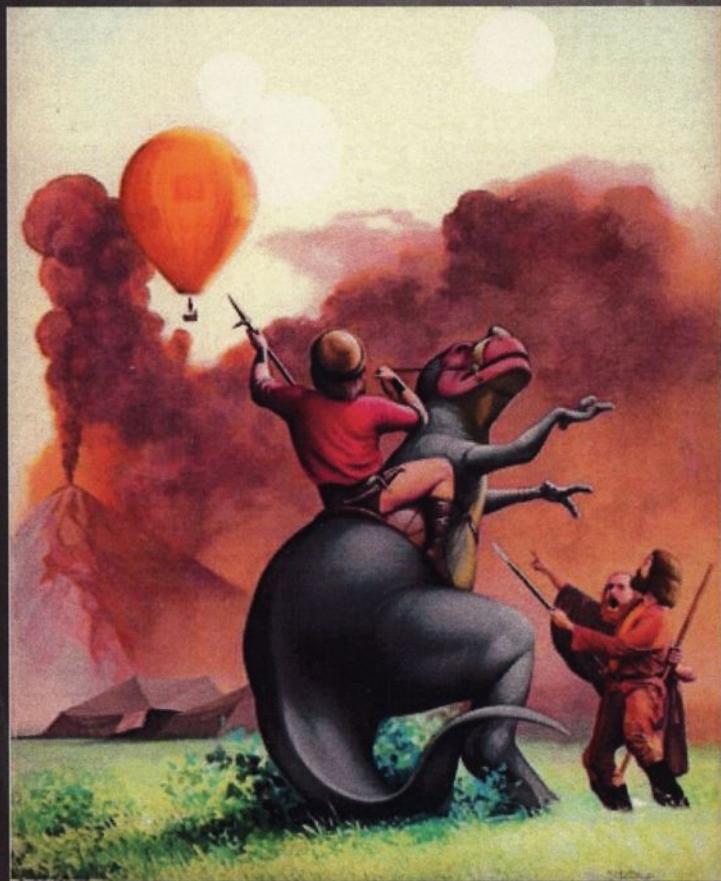

Великий фестиш

Лайон Спрэг Д€ Камп

Лайон Спрэг Д€ Камп

Великий
фестиш

Лайон Спрэг Де Камп

ВЕЛИКИЙ ФЕТИШ

*

РАССКАЗЫ

Литера-Т

2015

УДК 821. 111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

C74

Спрэг Де Камп Л.

Великий фетиш: Роман. Рассказы / Пер. с англ. Литера-Т, 2015. — 312 с., илл. (Литера-Т. Коллекция).

© Екатерина Абросимова, перевод, 2015

© Андрей Косухин, обложка, 2015

© Литера-Т, 2015

ВЕЛИКИЙ ФЕТИШ

1

Секретарь суда произнёс:

— Внимание! Сегодня, в пятнадцатый день Франклина, в год 1008 от Падения, Суд округа Скудра Византии начинает заседание. Все господа, у коих есть дела к уважаемому суду, приблизьтесь.

Когда вошел судья Копитар, секретарь добавил:

— Всем встать и обнажить головы.

Большая часть публики сняла овчинные шапки, защищавшие от утреннего холода. Огонёк в бронзовой печи не разгонял его. Мафрид (Эта Бутис) еще не взошёл. В Скудре, расположенном на возвышенности, было холодно, хотя находился он недалеко от экватора Кфорри. Когда шапки сняли, обнажились бритые черепа, на ма-

кушках которых оставались заплетённые косички. Челюсти ритмично двигались, разжёывая табак.

Судья провозгласил:

— Секретарь, пусть суд вознесёт молитву.

Секретарь встал и запел:

— Да здравствуют боги, пусть они оберегают нас и наблюдают за нами; пусть прощают нам наши прегрешения. Да здравствует священная троица — Йец, Момхам и Бад! Пусть Юстинн, бог закона, справедливо судит нас. Пусть Напоин, бог войны, даст смелости выполнить наш долг. Пусть Клиопат, богиня любви, вселит в нас сочувствие к нашим заблудшим товарищам. Пусть Ниато, бог мудрости, прибавит нам разума. И пусть Фройт, создатель душ, укрепит нашу волю, дабы мы смогли принять правильное решение. О боги, наполните нас мудростью Древних, коих во времена Падения вы послали из рая Земного, дабы учить нас цивилизации. И воззрите благосклонно на разбирательство сего суда. Аминь.

Секретарь поднял глаза и произнёс:

— Можете сесть... Эй, вы! Уберите трубку! И не плюйте на пол! Достоинство суда следует чтить.

Судья сказал:

— Доброе утро, собратья. Секретарь, объявит первое дело.

Секретарь сообщил:

— Первое дело — Кралат против Марко Прокопиу, двадцати одного года, из Скудры. Он обвиняется в том, что вольно и незаконно, работая учителем в общественной школе для мальчиков в Скудре, преподавал ложную и еретическую доктрину, называемую Падение или Анти-эволюция. А именно: будто Земля не плоскость духовного существования, откуда приходят наши души и куда они вернутся, а материальное место или мир, как Кфорри, а все люди не эволюционировали под надзором

богов из низших животных Кфорри, но прибыли с Земли во времена Падения в летающей машине. Кроме того, установлено, что вышеупомянутый Марко Прокопиу не только развивал эту ложную доктрину, но и отрицал, осуждал и осмеивал истинную веру, установленную Священной Синкретистской Церковью Византии, и официально принятую правительством Края как доктрина Эволюции. Что вы ответите на обвинение, Марко Прокопиу?

Марко Прокопиу, сын покойного кузнеца Милана Прокопиу, встал. Так как год на Кфорри короче земного по Терранскому времени, то Марко должно было исполниться тридцать два года. Он был немного выше среднего роста, но казался меньше из-за неправдоподобной ширины. Это становилось особенно заметно при сравнении с кфоррианцами, которые в основном были приземистыми, с толстыми ногами. Гравитация планеты, втрое выше земной, через пятьдесят поколений после Падения, привела к исчезновению длинных тонких ног и слабых сердец.

Поэтому Марко, как и его отец, больше походил на кузнеца, чем на школьного учителя из маленького городка; к тому же он не увлекался спортом. Черты его лица были крупными и грубыми. Светлые волосы отличали его от темноволосых местных византианцев.

Хотя старший Прокопиу никогда не говорил, откуда взялся Марко, в Скудре предполагали, что он англонианского или еропианского происхождения. Его экзотическое прошлое заставляло внимательных скудранцев смотреть на Марко с презрением и подозрением, даже после того, как он стал слишком большим и дородным, чтобы можно было открыто его задирать. От такого обращения природная замкнутость юноши еще более усилилась.

Марко осмотрел зал суда. Позади стоял, опершись на алебарду, судебный пристав, Айван Халиу; он носил всё тот же старый шлем, окисленный до черноты, который Милан Прокопиу выковал для него много лет назад. Айван Халиу смотрел прямо туда, где рядом с Павло Араксом сидел Бори Бендер. Семьи Бендера и Аркаса давно враждовали. Марко Прокопиу мельком взглянул на своих друзей и врагов. В первых рядах сидели друзья: мама, маленькая и остроносая; жена Петронелла, высокая и красивая; его постоялец Чет Монгамри, очень высокий, с острыми серыми англонианскими усиками. Именно Монгамри убедил Марко в истинности Антипадения.

Остальные соблюдали нейтралитет или были настроены враждебно. Например, Василио Йованови, отец ученика, которого Марко выпорол за то, что тот гонялся за своим одноклассником с ножом. Хотя наказание было вполне законным, так как убийства подросткам запрещались, Василио Йованови обвинил Марко из-за порки. Мальчик сидел рядом с отцом и явно злорадствовал. Без сомнения, Милтиаду вызовет его как свидетеля.

Там же находился и густобородый, черноволосый Теофрасто Влора, Митрополит Святой Синкремистской Церкви, который приехал из Стамбу, чтобы проследить за судом и выслушать обвинение. Даже если бы среди пятерых присяжных не было Сократи Йованови, двоюродного брата Василио Йованови, шанс, что они оправдают его в присутствии Митрополита, казался ничтожным.

— Не виновен! — громко сказал Марко и сел.

Судья изрёк:

— Подсудимый признал себя невиновным. Обвинитель, изложите суть дела.

Джорджи Милтиаду встал и начал:

— Ваша честь, мы рассчитываем доказать, что подсудимый, вопреки законам Кралата и правилам школьного совета, самовольно и незаконно... — Далее следовал список обвинений, содержащий детальное описание беззаконий, творимых Марко.

Когда Милтиаду закончил, судья обратился к адвокату Марко:

— Зашитник, изложите суть дела.

Ригас Лазареви встал и начал:

— Ваша честь, защита оговаривает, что мой клиент действительно обучал доктринаам, за которые его судят...

— То есть он признаёт себя виновным? — закричал Джорджи Милтиаду, вскакивая.

— К порядку! — сказал судья Копитар. — Займите ваше место, господин обвинитель; у вас будет шанс высказаться.

— Нет, — ответил Ригас Лазареви, — мы придерживаемся презумпции невиновности. Мы строим нашу защиту на том, что доктрины, о которых идет речь, правдивы, и что даже правительство не может заставить моего клиента преподавать неправду. Но есть закон выше правительства, это наш замечательный гость, Митрополит, — он кивнул на Теофрасто Влора, который неприветливо смотрел на защитника, выпятив колючую черную бороду, — может подтвердить. Мы должны предоставить...

— Возражаю! — закричал Джорджи Милтиаду. — Действия моего уважаемого коллеги нарушают правила, его доводы неуместны, а смысл его слов греховен. Это не церковный съезд и не собрание факультета Университета Сина, здесь не следует решать, что есть истина. В нашем случае истина ясно изложена в параграфе сорок два указа номер 230, в год 978 от Падения, в описании основ и содержания общественной школьной системы...

Всё утро они продолжали попеременно протестовать и спорить. Когда атмосфера накалялась, публика ёрзала на скамьях, расстегивая ворсистые овчинные куртки. Один даже принял снимать ботинки, но Айван Халиу остановил его, постучав по бритой голове концом алейбарды.

Предполагалось, что зрители должны молчать, но тишина постоянно нарушалась отдельными людьми, проталкивающимися меж скамей к ближайшей плевательнице или к выходу, чтобы сделать глоток сливицы. Другие перешёптывались и бормотали, пока судья Копитар не пригрозил очистить зал суда.

Свидетели обвинения, собранные Джорджи Милтиаду, не были допрошены, так как защита привела прецеденты, согласно которым от допроса следовало отказаться. В свою очередь Милтиаду поднял вопрос об истинности доктрины Анти-падения, который был исключен как не относящийся к делу, поэтому у Ригаса Лазареви не было возможности показать книги, которые он принес как вещественные доказательства. Этому Марко только обрадовался. Многие книги были иностранными, а Марко хорошо знал о ненависти скудранцев ко всему иностранному.

К обеду, когда Мафрид почти достиг зенита, осталось только произнести заключительные речи. Суд сделал перерыв. Марко пообедал с другими подсудимыми: им подали прессованный творог, местные кфоррианские грибы и немного барабанины. Подсудимый, судья, присяжные, свидетели, служители и зрители разошлись, чтобы пообедать и размяться во время трехчасового перерыва.

После этого Марко и остальные вернулись к финальным прениям. Джорджи Милтиаду напомнил об иностранном происхождении Марко:

— ...оный чужестранец не только пытался отравить умы нашего молодого поколения лживыми и нечести-

выми убеждениями. Он даже примкнул к другому чужаку, иностранцу, — он указал на Монгами, который свирепо посмотрел на него, — от которого перенял отвратительную доктрину, будто все люди являются чужаками в собственном мире. Вы когда-нибудь слышали о чем-то более невизантианском? Не обманывайте себя благовидными доводами моего коллеги, что обязанность учителя — следовать за правдой, куда бы она ни вела. Неужели Марко Прокопиу — бог, неужели он может говорить правду, когда видит её, в то время как люди, превосходящие его мудростью, не согласны с этим? Конечно, нет. Можем ли мы позволить человеку, зараженному чужой кровью, учить наших детей, что черное — это белое, или что Кфорри плоская, а Мафрид холоден, только потому, что капризы природы или зловредные иноземные влияния сбили его с пути? Или нам следует нанять почитающих Эйнштейна ведьм Мнаенна преподавать их смертельное искусство и чары в наших школах? Или пригласить чернокожих отшельников Афки, утверждающих, что они — избранные люди бога? Кто должен решать, что есть истина? Что ж, правительство его Пресветлого величества, Края Массимо, может обратиться к самым проницательным умам в Кралате и к божественной мудрости Священной Троицы, воплощенной в Синкристской Церкви...

Когда он закончил, сердце Марко упало. Ригас Лазареви, когда пришла его очередь, решительно обвинил Джорджи Милтиаду в давлении на присяжных с использованием происхождения Марко. Но, возражая изо всех сил, он не мог скрыть тот факт, что Марко нарушил закон.

Когда присяжные удалились, секретарь объявил:

— Следующее дело — Кралат против тридцатичетырехлетнего Михая Скриаби из Скудры. Он обвиняется в том, что одиннадцатого числа месяца Ашока текущего

года вел своего паксора по улице Канкар, напившись; более того, вышеупомянутый паксор сломал две подъездные колонны дома ювелира Констана Сенопулу, на неся его жилищу серьезные повреждения...

Когда это слушание закончилось, присяжные по делу Марко вернулись с вердиктом: «Виновен».

Зрители зааплодировали. Марко сжался. Что, во имя Юстинна, он им сделал? Когда он выйдет отсюда, то уедет подальше от этой нетерпимой, провинциальной деревни, с ее междуусобицами и ксенофобией. Какой же он дурак, что оставался здесь так долго, пребывая в пленау иллюзий, будто его судьба — просвещать их диких отпрысков!

Судья проговорил:

— Марко Прокопиу, я приговариваю вас к заключению в окружной тюрьме на три года, начиная с сего дня, и штрафу в размере одной тысячи долларов, либо еще году тюрьмы.

Тут раздался еще один взрыв аплодисментов. А также удивленный шепот, вызванный строгостью приговора. Марко надеялся, что некоторые зрители считают его несправедливо осуждённым.

Марко поймал взгляд Джорджи Милтиаду, который пожимал руку Митрополиту, а потом подошли друзья. Жена и мама взяли его за руки. Чет Монгамри сказал с англонианским акцентом:

— Это ужасная ситуация, Марко, но она станет основой для моей книги. Подожди, ты сможешь прочитать главу об этом суде!

Марко резко посмотрел на Монгамри. Такое отношениеказалось ему странным, особенно потому, что именно Чет подвигнул Марко преподавать доктрину Анти-эволюции.

В месяц Аристотеля (или Ристоли, как называют его византианцы) Монгамри прибыл в Скудру с кучей запи-

сей. Гость объяснил, что он англонианец, который зарабатывает на жизнь путешествиями по стране, а затем чтением лекций о своих впечатлениях. Он искал место, чтобы несколько месяцев спокойно работать над книгой перед возвращением домой в Ланн. Так как никакая другая семья в Скудре не приняла бы чужеземца, разве что за фантастически высокую плату, Монгамри, естественно, оказался в доме наиболее терпимого и космополитичного Марко Прокопиу.

Много ночей просиживал Марко со своим постояльцем, обсуждая мир за Холмами Скудры, и идеи, волнующие умы людей других стран. Марко думал, что Чет Монгамри его лучший друг. Честно говоря, у него было всего несколько друзей, но среди них ни единого настоящего близкого друга. Теперь Марко понял, что для Монгамри он всего лишь глава в книге.

— Идём, Марко, — сказал Айван Халиу, сжав локоть Прокопиу.

Тот позволил увести себя.

2

Марко Прокопиу сидел на табурете в углу камеры. Он положил локти на колени, подбородок на кулаки, и пристально смотрел в пол перед собой. Снаружи, за окном, забраннным решеткой, шёл дождь.

Несмотря на то, что одиночество — это наказание, Марко радовался, что у него нет соседа по камере. Ему хотелось просто сидеть на табурете и предаваться отчаянию.

Лицо его было угрюмым и неподвижным, но эмоции бурлили в душе заключенного. С одной стороны, он гордился собой, потому что страдал за правду. С другой — стыдился, что понёс наказание во имя простой теории, которая могла оказаться ложью. Потом появилась мысль, что всё кончено, что он может убить себя, затем он стал утешать себя мыслью, что по крайней мере его мать, жена Петронела и друг Монгамири сохранят правду...

Лязгнул замок, и дверь со скрипом открылась. Ристоли Васу, тюремщик, сказал:

— Твоя мать пришла повидать тебя, Марко. Идём.

Марко молча последовал за тюремщиком в комнату для свиданий. Там стояла маленькая Ольга Прокопиу в старом шерстяном плаще, пропитанном смолой ступы.

— Мама! — воскликнул он, едва сдержав порыв обнять женщину, когда увидел, что она держит в руках пирог.

— Держи, Марко, — сказала мать. — Не ешь всё в один присест.

Она отдала ему пирог, пристально посмотрев на сына.

— А теперь садись. Не хочу, чтобы ты упал, услышав новости.

— Какие новости? — спросил Марко, встревожившись.

— Петронела сбежала с этим Монгами.

У Марко отвисла челюсть.

— Что... когда...

— Всего час или два назад. Поэтому я и пришла. Я же тебе говорила, что этот чужестранец не принесет добра нашему дому. Он один из них. У англонианцев нравственности не больше, чем у кроликов.

Марко откинулся, ожидая, пока оглушенный разум вновь сможет работать. Его мать резко произнесла:

— А теперь не плачь. Ты взрослый мужчина, и тебе не подобает показывать такие эмоции. Ты знаешь, что должен делать.

Марко осмотрел стены, оббитые толстыми ступовыми досками.

— Как?

— Кое-что может измениться, — мать посмотрела на пирог, который расплющили огромные руки Марко.

— Аааа.... — протянул Марко. Он вытер набежавшие слезы и собрался с силами. Наконец он смог соображать.

— Расскажи, что случилось.

— После обеда я отдыхала. А когда проснулась, позвала Петронелу помочь мне с посудой, но никто не ответил, даже когда я постучала в её дверь. Тогда я вошла в твою комнату и обнаружила признаки её поспешного бегства, а на комоде нашла это.

Она протянула сыну кусочек бумаги, на котором Петронела написала на плохом византианском: «Мой дорогой Марко. Прости, что покидаю тебя, но я не могу ждать тебя так долго. Мне не подходит жизнь в Скудре, и, в конце концов, ты будешь счастливее с женщиной твоего круга. Прощай. Петронела».

Марко прочитал записку дважды, смял её и бросил в угол комнаты с такой силой, что бумага отскочила от пола. Он спросил:

— Чет тоже ушёл?

— Да. Я вспомнила, что карета Комнену отъезжает во время сиесты. Я пошла по улице Златкови к конюшне Комнену, и увидела, что он готовит паксора к поездке в Чеф. Там не было Петронелы или Монгамри, поэтому я спросила Комнену, не видел ли он их. Он сказал, что видел, как они садились на карету до Сина час назад. Они были веселы, смеялись и держались за руки. Комнену сказал: он предположил, что они направляются в Син, желая нанять адвоката опытнее Ригаса Лазареви.

Марко поднял смятый комок бумаги, разгладил его и прочитал снова, как будто, перечитывая, он смог бы изменить написанное. Но слова оставались всё теми же; они не могли смягчить душевые страдания, которые парализовали разум. Наконец он произнёс:

— Мама, что мне делать?

— Дождись ночи, — Ольга заговорила тише, посмотрев на открытую дверь в комнату тюремщика. — Потом съешь пирог, и делай, что посчитаешь нужным.

— Спасибо. Приходи ещё.

— Я увижу тебя быстрее, чем ты думаешь. До свидания. И не унывай. У твоего отца было поменьше ума, но у него был характер.

Ольга Прокопиу надела плащ, и ушла, тяжело ступая; она выглядела очень маленькой в этом широком одеянии и тяжелых ботинках, но подвижной для своих лет.

Марко вернулся в камеру с запиской и помятым пирогом. Он поставил пирог в угол, а сам сел в противоположный. Он уставился на пирог, кусая губы. Ударил кулаком по ладони, подпрыгнул, измерил шагами комнату, затем снова сел. Постучал костяшками по голове, поко-

лотил кулаками по коленям. Его губы дрожали; могучие волосатые руки сжимались и разжимались.

В конце концов, потеряв над собой контроль, он вскочил с хриплым звериным криком, чем-то средним между рёвом и воем. Он свирепо посмотрел на пирог, не зная, что сделать — пнуть его или растоптать — лишь бы высвободить бурную силу, нараставшую внутри. Тем не менее, у Марко осталось достаточно разума, чтобы понять: пирог ему ещё понадобится; кроме того, это был подарок матери. Вместо пирога он схватил табурет и швырнул его о решётку камеры с такой силой, что отломал ножку, за которую держался.

— Эй! Эй! — закричал Ристоли Васу, переходя на бег.
— Что ты делаешь, Марко? Прекрати сейчас же!

Марко поднял остатки табурета и начал колотить ими по решётке, пока они не превратились в щепки. Затем он начал прыгать по ним, топча ботинками.

— Ты лишишься ужина! — закричал тюремщик.

Марко только вопил на Васу, гремел дверью камеры, пинал стены и осыпая ударами свою голову и тело.

— Это недостойно! — кричал Ристоли Васу. — Марко, ты ведёшь себя, как разгневанный ребенок!

Эти слова проникли в затуманенный разум Марко, припадок прекратился, и он упал на тюфяк, плача. Это тоже было не по-византиански, но ему стало всё равно.

Когда слезы иссякли, Марко сел на пол, потому что табурета уже не было. Он смотрел невидящим взглядом, его ум наполняли фантазии об ужасных вещах, которые он собирался сделать с Четом Монгами и Петронелой; но вещи, которые он хотел сделать с ней, были не такими ужасными. Он всё ещё любил её.

Марко не понимал, как такое могло случиться. Он никогда не замечал, что Петронела недовольна своей жизнью в Скудре, не наблюдал и взаимного интереса, вспыхнувшего между ней и Монгами, когда тот пере-

ехал к ним. Такую чужестранку, как Петронела, вряд ли приняли бы скудранцы, даже если бы она вышла замуж за самого популярного человека в городе. Став женой самого непопулярного, она поняла, что ее не примут никогда. А для Петронелы общественное одобрение и общественная жизнь были очень важны.

Оставшись без ужина (в наказание за разбитый табурет), Марко съел пирог. Никто, подумал он, не делал таких ватрушек, как его мама. Откусив от пирога в третий раз, он совершенно неожиданно обнаружил напильник. Марко посмотрел на напильник, потом на решётку на окне, за которым всё ещё шёл дождь. На его широком лице медленно расцвела улыбка.

После полуночи Марко Прокопиу постучал в окно спальни своей матери. Старушка сразу же встала и впустила его.

— Боже! — сказала она. — Я знала, что мой сын не прогнёт, когда потребуется встать на защиту чести. Как ты доберешься до Сина?

Марко усмехнулся:

— Я прихватил коня судьи Копитара, затем вломился в школу и украл школьные деньги. У меня был ключ от потайного сейфа.

— Зачем, Марко? Теперь у моего кроткого сына просто ужасный характер!

— Ха! Что мне законы и правила? Вот, держи. Тебе понадобятся деньги на жизнь. Но не будь расточительной, иначе люди заподозрят, что деньги не твои.

Он отдал матери часть украшенных денег, и пошел в гостиную, скромно обставленную в сельском стиле Скудранских холмов. Маленький ручной терсор Ольги Прокопиу спал на жёрдочке, завернувшись в перепончатые крылья. Марко подошёл к богато украшенному сундуку, который Милан Прокопиу привез из Чефа, и достал боевой топор своего отца. Он вынул топор из кожаного чехла, чтобы убедиться, что оружие в порядке, а потом засунул обратно.

Милан Прокопиу сделал это оружие для себя. У топора было двухфутовое стальное топорище, к которому крепилась деревянная рукоятка. На конце висел кожаный ремешок, который можно намотать на запястье, чтобы оружие не потерялось.

Марко развязал пояс овчинной куртки, продел в него ремешок чехла, и снова затянул пояс потуже. Чехол был достаточно большим, и стальной шип на краю топорища с одной стороны, и другой, изогнутый шип напротив лезвия, находились на безопасном расстоянии от владельца.

Все стальные части топора были выкрашены в синий цвет и густо смазаны. Так делали со всем железом на Кфорри, иначе во влажной, богатой кислородом атмосфере металл быстро покрывался ржавчиной.

Также Марко снял со стены круглый щит с единственной ручкой, крючком для фонаря и ремешком для того, чтобы вешать щит за спину.

— А еда? — спросил он.

— Я соберу, — сказала мать. Конечно, в путь от Скудры в Син можно было не брать еду, так как вездесущих грибов вполне хватило бы для пропитания. Но все знали, что от питания одними грибами может развиться слабость и болезни.

Пока Ольга Прокопиу сутилась, Марко спросил:

— Куда они могут направиться после Сина?

— Не знаю, они могут вернуться в Англонию.

Марко размышлял:

— Если они сбежали в Син, то они возьмут корабль, чтобы переплыть Медранианско море. Когда они доберутся до Сина, они пересекут Саар с караваном.

— Тебе лучше знать, сынок; ты путешествовал.

— Я должен поймать их, — сказал Марко.

— Подумай, что ты сделаешь, — мать нежно посмотрела на сына. — Предай их ужасной смерти; такой, чтобы я гордилась тобой.

Марко взял запасную одежду и вещи, которые могли ему пригодиться, обнял мать, и вышел на улицу, под дождь. Коня судьи Копитара он привязал за домом Прокопиу. Как и все лошади Кфорри, это животное было средней величины, приземистое и массивное.

Марко привязал походную сумку к седлу и сел на лошадь. Она размяла ноги и тяжело замотала головой. Лошадь чувствовала, что Марко не её хозяин, но вес всадника был очень велик, выбросить его из седла лошадь не могла. Марко натянул капюшон пониже — так,

чтобы он скрыл лицо — и повернул лошадь к дороге на Син.

Марко хорошо знал все местные тропы; однажды он побывал в Сине, два года назад, когда был свободен от лекций. По правде сказать, он изъездил всю Византию. Он посетил морские порты Чеф, Стамбу, Моски и Бакрес, огромные ступовые леса полуострова Борсия и, наконец Син, где учился в университете.

В Чефе он познакомился с Вошоном Сеумом, представителем англонианской торговой фирмы Чоэрша и Джэакса. Сблизившись с Вошоном Сеумом, он повстречал и его дочь Петронелу. Они полюбили друг друга и поженились, Марко привез её в Скудру, к матери, ставшей не показывать своего ужаса, и товарищам. Он никогда не был популярен в городе, а женитьба на иноземке для многих жителей стала последней каплей.

Миновав окраины Скудры, Марко оглянулся на центр города. Всё было темно и тихо под барабанящим дождём. Он отвернулся и посмотрел на северную дорогу. Её лишь слегка подремонтировали, поэтому единственным препятствием для быстрого роста грибов оставались копыта и колёса повозок. Они просто давили всю растильность, превращая её в склизкую грязь. Несмотря на подковы с шипами, лошадь судьи скользила и спотыкалась на пригорках. Когда дорога пошла круто вверх, Марко пришлось спешиться и вести лошадь за собой, жалея, что он не украл вместо лошади паксора. Это были слоноподобные травоядные рептилии, которых люди Кфорри одомашнили и использовали как тягловых животных. Дождь прекратился. Марко продолжал идти. Мокрые ветви и стебли — достигшие размеров деревьев травы или мхи — нависали над дорогой и задевали путника. Действующий вулкан пылал тускло-красным цветом на фоне дождевых туч и дыма. Между облаками появились просветы, сквозь которые Марко мельком увидел Галлио, ближайшую и ярчайшую луну, одну из трёх.

3

После десяти дней путешествия, первого числа месяца Напоина (или Наполеона), Марко Прокопиу въехал в Син. По дороге его преследовали неприятности — на Зетсканских холмах за ним гнался трансор, самый большой на планете динозавр-хищник. Несколько ночей он не спал, но смирился с этим. Его отец, отличный охотник, брал Марко во многие походы.

Около Скиато трое неосторожных грабителей подстерегли его и пробили стрелой его плащ. Пока Марко разворачивал лошадь, он успел вытащить топор, и вскоре стрелок лежал среди грибов с расколотым черепом, а его спутники спасались бегством. Марко забрал у разбойника хороший стальной лук, чехол для лука из кожи ящерицы и колчан со стрелами.

Все это было интересно, но никак не связано с целью его поисков. Когда Марко приехал в Син, большой город, полностью построенный из мрамора (распространенный материал на Кфорри, так как хорошее дерево было редкостью), он сразу нашёл себе жильё. Затем потратил день, прочёсывая город в поисках Монгами и Петронелы.

Он расспрашивал о них во всех постоянных дворах, бродил по паркам и лавкам, но не добился успеха. Он слонялся по центральной площади, где составлялись караваны, чтобы пересечь Саар и попасть в Ниорк и другие города Арабистана. Он спросил распорядителя каравана, не уезжали ли похожие на Петронелу и Монгами люди с предыдущими караванами.

Распорядитель заверил его, что не видел никого похожего. Более того, последний караван, направляющийся в арабистанский Ашам, ушёл два дня назад. Но этот

город находился далеко от Ниорка. Караваны не уходили в Ниорк десять дней, а следующий был через четыре.

Марко был уверен, что его добыча всё ещё в Сине. Беглецы направлялись в Англонию. Они думали, что он в Скудре, поэтому не торопились. Если Марко не найдёт их в течение трех дней, то точно перехватит, когда караван на Ниорк соберётся на площади. Он хотел поймать беглецов как можно раньше, прежде чем новости о его побеге из тюрьмы Скудры достигнут Сина и выйдет ордер на его арест.

Также Марко беспокоился, что Петронела и Монгамири исчезнут из Византии, потому что слышал — в некоторых странах убийство считалось преступлением, как и гражданские правонарушения. После побега из тюрьмы Марко хотел пренебречь всеми правилами из-за совершённой несправедливости, но теперь его законопослушная натура напомнила о себе.

На третий день, после недолгих поисков жены и её любовника в центральной части города, Марко направился во владения университета. Там он отыскал профессора, который был его факультетским наставником во время учёбы.

Гатокли Ноли беседовал с чужестранцем: маленьким, седовласым, с выпуклым черепом, острым носом и покатым подбородком. Он носил англонианскую одежду: трикотажные короткие штаны и обувь с ярким верхом и острыми носами, вместо типично византианских мешковатых пестрых брюк, заправленных в тяжёлые ботинки. Чужестранец носил очки, мингквоанское изобретение, редкое в Византии. Он говорил с англонианским акцентом, произнося свистящий византианский звук «р» глоухо и мягко, почти как гласный. Вместо косички на голове у него были подстриженные волосы длиной в полдюйма; причёска напоминала серую щётку.

— Великий фетиши Мнаенна, да это же Марко! — воскликнул Гатокли Ноли. — Заходи, старина. Марко, это доктор Боэрт Халран из Ланна, выдающийся философ.

Марко приветствовал его с истинным достоинством византианского жителя холмов.

— Что привело вас в Син, доктор Халран?

— Я приехал купить смолу из ступы, сэр.

— Она не продается в Англонии? — спросил Марко.

— Продаётся, но только в малых объёмах. Мне же требуется значительное количество, поэтому дешевле приехать сюда и приобрести смолу по оптовой цене.

— Вы используете её в каких-то экспериментах?

— Да, сэр; в самом удивительном эксперименте эпохи, если позволено так сказать. — Халран сиял от самодовольства.

— В самом деле, сэр? Могу я узнать, в каком?

— Вы когда-нибудь слышали о воздушных шарах? — спросил Халран.

— Нет. Это слово мне незнакомо.

— Что ж, известно ли вам о такой гипотезе: если зашачать горячий ак в мешок, то он поднимется, как пузырь в воде?

— Об этом ходили разговоры в университете, когда я учился. Но я посещал курсы педагогики, поэтому немножко знаю об иных науках.

— Что ж, я сделал это.

— Мешок поднялся?

— Да, мешки разной величины, — маленький человечек сиял от восторга. — Один из самых больших поднял меня на высоту сотни футов и завис на два часа. Крестьяне испугались до смерти, когда мешок опустился на их поля, поэтому следующую модель я снабдил тормозной веревкой, чтобы шар не уносило. Далее я сконструировала воздушный шар такого размера, чтобы он вмещал несколько человек. Мешок уже сшит; остаётся только

ко растопить ступовую смолу, чтобы сделать его герметичным.

— А как вы разогреете воздух? — спросил Марко.

— С помощью большой торфяной печи.

— Понятно. Но после того как механизм поднимется, не станет ли он внутри холодным, и не упадете ли вы вниз?

— Со временем, да. Но этот воздушный шар оснащен маленькой печкой, повешенной над корзиной, поэтому, накачав больше горячего воздуха в мешок, я смогу оставаться на высоте намного дольше.

— Я бы с радостью посмотрел на это, — сказал Марко.

— Если вы будете в Ланне примерно третьего Перикла, приходите. В этот день я планирую надуть шар для полёта на Философский съезд в Виене.

Марко сказал:

— Я слышал об этих философских съездах и хотел бы побывать на одном из них. Как вы делаете это? Я имею в виду, кем нужно быть или что сделать, чтобы попасть туда?

— Просто заплатить небольшой регистрационный сбор.

— И всё? И не надо иметь особого звания?

— Нет; мы, философы, только радуемся, когда публика интересуется нашими достижениями. Эти съезды начались только десять лет назад, но они становятся больше с каждым годом. В этот раз ходят слухи, что братья-философы из Мингкво расскажут о каких-то сенсационных открытиях, которые они сделали. Если это так, Прем из Еропии не решится начать войну или убивать врагов в это время.

— Он опасен? — спросил Марко, до которого доходили только неясные слухи о причудах Алзандера Мирабо.

Халран присвистнул, закатил глаза и сложил ладони, как священник.

— Очень опасен. Умный, безжалостный, непредсказуемый и невероятно амбициозный. Если он думает, что ты стоишь у него на пути, в один день он может очаровать тебя приветливостью, а в другой твою голову отрубят на площади в Виене. Палата избрала его Премом, потому что он обещал свергнуть власть магнатов, что он и сделал. Затем он прибрал их земли и фабрики к своим рукам. С тех пор он держит страну в ежовых рукавицах покрепче, чем магнаты.

— Почему европианцы не восстают? — спросил Марко.

— Они? Большинство похожи на него. Он выступил как защитник народа против эксплуататоров, и так достиг показной популярности...

— Но он провёл несколько настоящих реформ, — вставил Ноли.

Халран пожал плечами:

— Ты имеешь в виду превращение судебной системы в инструмент наказания его личных противников? Но этим его амбиций не ограничились. Затем он усилил армию, и теперь ходят слухи о вторжении в Ивериану. Конечно, когда мой воздушный шар будет усовершенствован, война не состоится. Но надо решить ещё много проблем.

— Как это остановит войну, сэр? — спросил Марко.

— Сделает её слишком рискованной и ужасной. Как может правительство защитить страну от полчищ, летящих на воздушных шарах с наветренной стороны границы, которые могут приземлиться в любом месте государства? Это изобретение заставит народы наконец отказаться от войн.

Марко спросил:

— Вы уже приобрели смолу ступы, сэр?

— Нет, это займёт несколько дней. Правительство Края требует множество подписанных документов, чтобы я мог вывезти материал; это странно, ведь деревья ступы — главный экспортный товар Византии.

— Ничего странного, — сказал Гатокли Ноли. — Эти бумаги нужны, чтобы убедиться: никто не рубит деревья сам, в обход закона. — Он повернулся к Марко. — А теперь позволь спросить: что заставило тебя спуститься с твоих туманных гор? Как поживает твоя прекрасная жена?

Этот вопрос о жене мог бы возмутить Марко. Византианцы считали неприличным говорить о супружеской жизни. В конце концов, все знали, чем занимаются женищины. Но Ноли был старым другом, и люди в университете оставались немного свободнее в таких вещах, чем сограждане Марко.

Что касается Халрана, все знали, что у англониццев не существовало подобных запретов. Марко сглотнул и ответил:

— В общем-то из-за неё я и оказался здесь. Она решила, что любит своего земляка больше, чем меня, и я преследую их, чтобы отправить обоих на Землю.

Он коснулся своего топора.

Халран заметно вздрогнул. Ноли просто поднял бровь.

— Ох. Я не должен был спрашивать. Сочувствую твоей беде и желаю успеха.

— Вы видели кого-нибудь из них? — Марко, подкрутив невидимые усы, описал своего вероломного друга Монгамири.

— Нееет, — протянул Гатокли Ноли. — Но я буду внимателен.

Харлан произнес:

— Во имя Клиопат, вы так спокойно говорите об убийстве человека. Вы действительно имеете это в виду, или это просто шутка?

— Никаких шуток, сэр, — ответил Марко. — То, что я собираюсь сделать, не просто законно, это практически обязательно. Если я не попытаюсь убить виновных, ко мне будут относиться с отвращением и презрением.

Харлан пожал плечами.

— В Англонии мы считаем такие вещи варварством.

— Не сомневаюсь, сэр. Конечно, такой невежественный горный житель, как я, не имеет права голоса. Но вы в Англонии цените человеческую жизнь абсурдно высоко, вы не воспринимаете честь и чистоту так серьёзно, как мы.

— Но, дорогой друг, нельзя сравнивать убийство человека и недолгое безвредное удовольствие, которое получают особи того или иного пола.

— Безвредное удовольствие! Это только доказывает, как развращены и безнравственны... — с жаром начал Марко, но Гатокли Ноли его прервал:

— Другие страны, другие обычаи. Ну вот, к примеру: почему бы тебе, Марко, не оставить в покое человека, который наставил тебе рога, если Боэрт поклянется в вечном целомудрии?

— Но я женат! — возразил Харлан.

Марко заметил:

— Это не честно. В возрасте доктора Харлана...

— Мне это уже нравится! — воскликнул Харлан. — Что вам известно о моей личной жизни, господин Прокопиу?

— Господа, господа, — сказал Ноли. — Давайте сменим тему, которая становится слишком скользкой. Ты пойдёшь завтра на присуждение степеней, Марко?

— Я не знал, что оно будет, — ответил Марко, — но я с радостью приду.

— Как выпускник, — сказал Ноли, — ты считаешься таким же представителем университета, как и обучающиеся два года суб-бакалавры. Поэтому ты сможешь

сесть вместе с выпускниками, надев университетскую мантию.

— Ого! — удивился Марко. — Если бы я знал, то привез бы свою из Скудры, но раз уж...

— Всё хорошо, я дам тебе мантию, — сказал Ноли. — Встретимся здесь завтра в три.

Марко провёл остаток дня, тщетно разыскивая своих жертв. На следующее утро он явился в кабинет Гатокли Ноли в назначенное время.

Гатокли Ноли набросил на него короткую чёрную накидку обладателя простого диплома, а сам облачился в широкую алую рясу профессора. Боэрт Халран явился в пурпурной мантии англонианского доктора философии.

Они торжественно надели друг на друга академические шапочки и пошли через университетский городок к месту вручения дипломов. Там натянули огромный парусиновый тент; хотя в это время и показался Мафрид, было бы наивно ожидать, что небеса Сина удержатся от дождя хотя бы на полчаса.

По дороге Гатокли Ноли рассказывал:

— Сократи Попу произнесёт выпускную речь и получит почетную докторскую степень. Это может вызвать шум.

— Почему? — спросил Боэрт Халран. — Попу непопулярен?

Гатокли Ноли закатил глаза:

— Он глава Движения Распределения.

— Что это? — осведомился Халран. — Мне трудно следить за политическими изменениями в своей стране, не говоря уже о других.

Гатокли Ноли объяснил:

— Как вы знаете, основное богатство Края — это великие ступовые леса полуострова Борсайя.

— Да.

— Кроме того, одного такого дерева вполне достаточно, чтобы построить маленький город. Больше нигде в мире, насколько его изучили, не существует деревьев такого размера.

— Понятно, — сказал Харлан.

— Что ж, — продолжил Ноли. — В минувшем поколении частные лесорубы уничтожили немало лесов. Край того времени, Джорджи Второй, был дальновидным человеком. Он понял, что деревья вырубают быстрее, чем они успевают вырасти, и что весь процесс попросту расточительство. Поэтому он национализировал леса и создал программу контроля вырубок и посадок. Это действовало, пока к власти не пришёл нынешний Край. Край Массимо, — Ноли огляделся, — совсем не такой человек, как его отец. Появились жалобы, что лесная служба наводнена политиками-бездельниками, которые только перебирают бумажки. Поэтому группа магнатов начала бороться за то, чтобы правительство продало им леса по дешевке. Для продвижения этой идеи они воспользовались финансовыми неприятностями Кралата, жалобами людей, которым требовалось неограниченное количество ступового дерева для строительства, давлением союза лесорубов и многими другими средствами. Но студенты в основном стоят за сохранение — то есть, против Распределения — поэтому они могут оказаться препятствием...

Они достигли места вручения; расставленные здесь сиденья быстро заполнялись. Гатокли Ноли показал Марко и Харлану их места. Марко оказался в секции обладателей дипломов. Когда он сел, рукоять его топора, до сих пор скрытого накидкой, коснулась ноги соседа. Тот изумленно посмотрел на Прокопиу и сказал:

— Сюда нельзя это приносить!

Марко улыбнулся и неопределённо пожал плечами. Он начал осматривать соседние секции из-под своей широкой академической шапочки.

Профессора собирались на помосте. Студенты теснились в большой центральной секции. Они развлекались, толкались, пересказывали грубые шутки; университетские работники не пытались их останавливать. Затем Марко увидел Чета Монгамри и Петронелу, появившихся в одном из проходов и усевшихся вместе с остальной публикой. Они находились далеко от Марко, поэтому ему приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть их. Дыхание Марко участлилось, и он отвернулся, чтобы они не узнали его. Холодная ярость переполняла Прокопиу, поэтому он едва слышал, что происходит вокруг. Марко стиснул кулаки и кусал губы. Его сосед осторожно отодвинулся, испуганный ужасным видом гостя.

В конце концов, все собрались. Служители стояли в проходах, держа жезлы, как будто собирали подорожный сбор. Ректор университета, Матаи Влора, начал произносить речь. Университетский оркестр заиграл «Победоносную Византию». Ректор представил епископа Сина. Епископ призвал богов, особенно Даи, бога образования, благословить университет и его студентов.

Речь ректора показалась Марко не очень проникновенной; потом ректор начал представлять получателей почетных степеней. Среди них были Маккимо Вак, убийца, который подарил университету десять тысяч долларов; Айван Ласкари, заявивший, что доказал существование атомов; после нескольких других был вызван и Сократи Попу. Его единственным достоинством, казалось, было то, что как глава сторонников Распределения, он мог стать богатейшим человеком страны, если его план сработает.

Сократи Попу оказался невысоким большеголовым человеком, лысым и мордастым. Он позволил ректору

повязать желтую накидку почётной степени вокруг шеи. Оба склонили академические шапочки. Сократи Попу подошел к трибуне на краю помоста, положил перед собой пачку бумаг, поднес лорнет к глазам и начал читать выпускную речь.

— Сокурсники и преподаватели, — произносил он дребезжащим голосом. — Для меня великая честь...

После нескольких абзацев обычных штампов выпускной речи, он перешел к делу:

— ...Византия стоит на распутье. Какое направление нам выбрать? Одно ведёт нас в болото государственной монополии, которая уничтожит гордый народ Еропии и приведёт мирового лидера к ужасному бюрократическому застою. Другое приведёт государственный корабль обратно к вершинам процветания, и предпринимательство будет стоять на страже святыни экономического здравия...

В этот миг в секции студентов встал человек и бросил яйцо терсора в Сократи Попу. Снаряд не попал в цель и разбрзгался о стену Здания гуманитарных наук, на фоне которого совершилась церемония.

Тотчас двое служителей, стоявших ближе к секции студентов, бросились в толпу черных плащей и схватили метателя. Они вытащили его, несмотря на попытки других студентов помешать им, и потащили к выходу.

— Этот сегодня не получит степень, — сказал сосед Марко, который заметил топор.

Сократи Попу продолжил речь, но теперь студенты начали ритмично скандировать:

— Я — хочу — денег; я — хочу — денег; я — хочу — денег...

Служители, находившиеся поблизости, ворвались в секцию студентов и побили парочку самых шумных своими палками. Скандирование прекратилось; Сократи Попу упрямо продолжал:

— Чего действительно хотят эти невежественные бюрократы? Сохранить ступовые леса для потомков, как они говорят? Ерунда! Мы никогда не сможем искоренить ступовые леса, и кроме того, что потомки сделали для нас? Бюрократы хотят власти! Не совершайте ошибки, мои пылкие друзья...

Другой студент швырнул еще одно яйцо терсора. Служители попытались пройти к нему, но теперь студенты схватили их и повалили на пол. Марко заметил, как один из служителей взмахнул жезлом, а затем исчез в черной лавине толпы. Студенты скандировали:

— Лес — для — Попу; лес — для — Попу; лес — для — Попу...

Другие встали и бросали не только яйца, но и куски съедобных грибов, в разной степени подгнивших. Неожиданно появился ректор, выкрикивая угрозы студентам, которые повторяли грубые лозунги и швыряли снаряды. Они попадали не только в выступающего, но и в ректора, профессоров и других гостей. Ректор отдавал приказы служителям, которые бросались в толпу, опуская свои палки на все студенческие головы, которые им попадались.

Сражение перекинулось в проходы. Посреди всего этого за кафедрой стоял Сократи Попу, сырое яйцо терсора стекало по его лицу, но он настойчиво продолжал свою речь. Марко видел, как шевелятся его губы, хотя не слышал ни слова.

Марко отвлёкся от скандала и повернулся к зрителям. Они все встали, чтобы получше видеть происходящее. В толпе Марко разглядел широкие англонианские усы Чета Монгами.

Помня о своём долге, Марко встал; сердце у него забилось сильнее, он расстегнул чехол топора и начал проторять себе дорогу по проходу. Он увернулся от пары

дерущихся, пробежал до конца, перебрался в левую часть зала и двинулся по левому внутреннему проходу. На бегу он вытащил топор из чехла.

Марко увернулся от служителей, выталкивающих наружу студентов, и напал на Чета Монгамри, который занимал место у прохода. Он прицелился сзади в голову Монгамри, чтобы опустить на неё лезвие топора, но тут служитель, распознав преступное намерение Марко, выпустил своего студента, и схватил Марко за рукав, закричав:

— Эй, ты!

Марко высвободил руку, толкнул мужчину в грудь, бросив его на пол, затем повернулся, чтобы закончить дело. Но служитель закричал, и к нему присоединились другие. Шум толпы на мгновение стих, поэтому эта внезапная вспышка заставила многих посмотреть назад. Одним из тех, кто обернулся, был Чет Монгамри.

Марко увидел, что у Монгамри отвисла челюсть, и в глазах Чета появился страх, когда он заметил Марко. Марко замахнулся топором и бросился вперед. Петронела, стоявшая рядом, пронзительно закричала. Монгамри вышел в проход и побежал к сцене впереди Марко. Тот, кто выше Марко, он смог развить поразительную скорость. Марко бросился за ним, а служители преследовали Марко.

Монгамри вскочил на левый край помоста и побежал дальше. Марко запрыгнул за ним. В середине сцены ректор Влора по прежнему выкрикивал указания служителям и угрозы студентам, а Сократи Попу продолжал произносить неслышную речь. В задней части помоста профессора и почётные гости стояли на коленях, держа перед собой легкие стулья как щиты против дождя снарядов.

Монгамри протиснулся между ректором и Попу и побежал к правому краю сцены. Ректор и Попу оглянулись и увидели, как приближается Марко с топором. С ужасным криком Сократи Попу нырнул к съёжившимся профессорам, а Матаи Влора спрыгнул с помоста в кипящую толпу студентов.

Марко побежал дальше. Он достиг правого края сцены и обнаружил, что Чет Монгамри уносится по правому внутреннему проходу. Преследователи почти настигли его. Марко спрыгнул с края сцены, напряг мускулы для бега, но тут в голове у него что-то взорвалось, и он отключился.

Когда Марко Прокопиу пришел в сознание, сначала появилось ощущение, что он лежит на кровати, а потом — пронзительная головная боль. Он поднял руку к голо-

ве, и обнаружил на макушке, прямо около хохолка волос, шишку размером с яйцо терсора.

— Очнулся, да? — прозвучал чей-то голос с акцентом. Через несколько секунд Марко понял, что голос принадлежит Бэрту Халрану, маленькому англонианскому философу. Марко, застонав, сел.

— Где я? — спросил он.

— В моей комнате, — ответил Халран.

— Как я сюда попал? Последнее, что я помню — как преследовал этого разврата Монгамри...

— Служитель сломал свою дубинку о вашу голову, когда вы пробегали мимо него. Он бы задержал вас, потому что оказалось, что в Сине есть какой-то необычный закон: убивать людей во время выпускных, церковных служб и других общественных собраний уголовно наказуемо. Но бунт оказался важнее, и служитель занялся дерущимися студентами. Я думал, что только англонианские студенты занимаются такими вещами.

— Не знаю как англонианские, а студенты Сина самые буйные дикари в Кралате. Я нокаутировал нескольких, когда был здесь в прошлый раз. Продолжайте, пожалуйста.

— Что ж, мы с Ноли проложили себе путь сквозь толпу, и принесли вас в его кабинет; точнее, мы попросили студента помочь нам, потому что вы самый тяжёлый человек, которого я когда-либо пытался поднять. Мы не могли привести вас в сознание. Должно быть, у вас лёгкое сотрясение.

— Где мой топор? — спросил Марко.

— Это убийственное орудие здесь. Пока вы были в кабинете, приходили несколько агентов полиции, разыскивая вас. Ноли спрятал вас в шкаф. Они объяснили, что у них есть ордер на ваш арест, который прислали из Скудры, это связано с побегом из тюрьмы. Я представить себе не мог, что у вас такой характер

— Я таким не был, — вздохнул Марко. — Я просто пытался выполнить свой долг.

— Что ж, они также рассказали, что вас осудили за преподавание Анти-падения, и Ноли заявил им, что понятия не имеет, где вы. Как он позже мне объяснил, он сам Эволюционист; но, веря в свободу слова, он был обязан защитить вас. Наконец, они ушли прочёсывать город. Затем Ноли попросил спрятать вас. Я не хотел вмешиваться во внутренние дела другой страны, но я уважаю Ноли, поэтому позволил себя убедить.

Мозг Марко начал работать, несмотря на то, что невидимый кузнец, казалось, использовал его голову как наковальню.

— Какой сегодня день?

— Пятое Наполеона. Вы были без сознания почти двадцать четыре часа.

Марко застонал:

— Они уедут с караваном! Где моя лошадь!

— Боюсь, вы не найдете свою лошадь.

— Что? Почему?

— Полицейские предупредили, что нашли лошадь, которую вы украли у судьи в Скудре. Это вы тоже сделали?

— Да, — Марко на несколько секунд схватился за голову. — Вы не знаете, когда отходит следующий караван в Ниорк?

— Одиннадцатого. С ним я и поеду.

— Тогда я должен идти.

— Ох, — произнёс Беэрт Халран с ноткой тревоги в голосе.

— Почему нет? Я могу оплатить дорогу, и, похоже, в Кралате будет слишком опасно для меня, — Марко встал и осторожно повертел головой. — Немного кружится, но пройдет. Я пойду к себе на квартиру, не хочу больше обременять вас.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил Харлан. — Было бы очень неблагоразумно потерять сознание на улице.

— Потребуется дубина потолще, чтобы проломить мой череп. Спасибо за гостеприимство.

— Пожалуйста, друг мой. Да, прежде чем вы уйдёте, Ноли попросил меня взять у вас деньги за университетскую шапочку, которую он вам одолжил. Она развалилась от удара, и если вы не заплатите за неё, он вас заставит это сделать.

Марко заплатил и ушёл. Он вернулся в свою комнату неузнанным и провёл большую часть следующих пяти дней там. Он бы предпочёл обыскать город ещё раз, чтобы убедиться, что Монгами и Петронела действительно уехали с караваном пятого числа. Но Марко боялся, что его заметят.

Однинадцатого Наполеона, когда взошёл Мафрид, Марко Прокопиу, неся свою сумку, направился к центральной площади, где собирался караван. Так как у него не было лошади, ему следовало купить место на верблюде до Ниорка.

Караванный проводник, темнокожий арабистанец, стоял посреди толпы путешественников, определяя места и собирая оплату. Среди пассажиров Марко узнал Боэрта Халрана. Кроме багажа у него была большая ручная тележка с четырьмя огромными кувшинами. Несколько рабочих стояли у колёс тележки.

Четыре лучника в хорошо смазанных кольчугах держали поводья лошадей. Они должны были охранять караван от грабителей и диких зверей. Так как у проводника была защита, он собирал плату даже с тех, у кого имелись собственные лошади или другие средства передвижения — за сопровождение.

— Всё в порядке, — сказал проводник Халрану. — Я повешу эти четыре кувшина на одного верблюда, а вам дам место на другом. Вы умеете управлять верблюдом?

— Да.

— Тогда дайте подумать, кто займёт второе место на старом Мутасиме... Вы! — Проводник обращался к Марко. — Вам тоже нужно место?

— Да, — сказал Марко. — До Ниорка.

— Вы можете управлять верблюдом?

— Я никогда не пробовал.

— Тогда не можете. Вы займёте заднее место на этом животном. Мне надо было бы взять с вас дополнительную плату из-за вашего веса, но сегодня я великодушен.

Халран лукаво посмотрел на Марко:

— Кажется, вы мне суждены самой судьбой, мой кровожадный юный друг. Вы когда-нибудь путешествовали на верблюде?

— Нет, сэр.

— Тогда вам многому придется научиться. Пристегните сумку сюда.

Боэрт Халран показал Марко, как взобраться на зверя. Потом он ушёл помочь рабочим, проводнику и караванному распорядителю снять кувшины с тележки и повесить их на следующего позади верблюда. Когда это было сделано, Халран вернулся и забрался на сиденье впереди Марко.

Караванный распорядитель взглянул на большой вертикальный циферблат, расположенный на декоративном фонтане в центре площади.

— Осталось пятнадцать минут, — сказал он проводнику. — Опыт подсказывает мне, что нам следует выехать вовремя.

Распорядитель ударил в гонг около солнечных часов длинной колотушкой. Проводник выкрикивал приказы.

Захрипев, верблюд поднялся. Марко из осторожности схватился за поручень впереди себя, поэтому он не упал, в отличие от некоторых других пассажиров. Верблюд позади Марко, нагруженный четырьмя амфорами ступовой смолы, тоже встал.

Сиденье Марко было частью продуманной конструкции, которая окружала горб; через отверстие в центре выступала косматая верхушка горба. Позади горба располагалось сиденье Марко. Впереди — место, которое занимал Боэрт Хадран, опустивший ноги на шею верблюда.

Весь караван состоял из тридцати двух верблюдов, несущих седоков и грузы. Но в него входили также: телега, которую везли два верблюда, повозка, запряженная парой лошадей, и конные стрелки. К хвостам верблюдов были привязаны палочки с флагшками, указывавшими на принадлежность.

— Поехали! — закричал проводник, которого звали Слим Кадир. Процессия сформировалась, когда животные и люди выстроились в линию; караван медленно двинулся с главной площади Сина.

Они прошли по главной площади, по улицам и по западной дороге. Потом проехали по аллее ступовых деревьев, которую Джорджи Первый посадил много лет назад. Деревья были моложе по сравнению с деревьями на полуострове Борсайя, ни одно из них не достигало двадцати футов в обхвате.

Когда караван достиг холмов Пиндо, северной оконечности скудранских и зетсканских холмов, деревья стали меньше и реже. На их месте росли густые, похожие на бамбук какинсони. Небо заволокли тучи; начался дождь. Они поехали по дороге Борго, между вулканами Эликон и Парнассо, а затем вниз по склону по направлению к Саар.

На следующий день после сиесты Марко впервые увидел Саар. Песок простирался до горизонта; изредка виднелись клочки фосфорной травы и грибы. Тут и там росли группы луковичных грибов, скаллионисов. Слим Кадир предупредил караван, что местная растительность, хоть и напоминает с виду обычные луковичные грибы, смертельно ядовита. Когда они подойдут ближе к Медранианскому морю, грибы снова станут съедобными.

Время медленно тянулось, пока они тряслись по крайней пустыне. Её сухость была вызвана длинной цепью холмов, которые с севера Экваториальный Хребет отделял от полуострова Борсайя. Холмы Скудры, Зетская и Пиндо соединялись в цепь, которая забирала большую часть влаги, которую приносили северо-восточные ветры, дувшие в этих местах чаще всего.

Местность менялась от часа к часу. Иногда это были районы с медленно перекатывающимся песком, редкими грибами и колючими кустарниками. Иногда — безжизненные дюны. Караван миновал низкие крутые холмы, состоявшие из зубчатых горных пород и древесных зарослей, а иногда конусы дымящихся вулканов.

Иногда путешественники видели живность: случайные стада дромсorов, маленьких бегающих ящериц, формой напоминавших пресмыкающихся страусов, или группы терсorов, похожих на летучих мышей.

Однажды на привале Слим Кадир запретил разводить костры.

— Грабители, — объяснил он. — Банда Заки Риадхи рыщет среди этих холмов.

— Ох, — сказал Халран. — Надеюсь, мы с ними не встретимся.

На севере полуострова Византия, который формой напоминал букву «L», находился Хлифат Арабистана, которому принадлежало не только основание острова, но и огромный, находящийся вдалеке от берега, остров Махриб. Территория Хлифата простиравась вдоль южных берегов Медранианского моря и занимала весь Саар. В эпоху слабого Хлифа Юбали Третьего Саар практически никем не контролировался.

В первые дни после отъезда из Сина Марко научился управлять верблюдом. Также он пытался заговорить с Боэртом Халраном. Хотя он нелегко заводил друзей, но испытывал такой интерес к Халрану, что, не сомневаясь, беседовал с ним. Марко стал по-настоящему болтливым; он открыто рассказывал о своих идеях, о взглядах на человечество и Вселенную.

Халран, как обычно сдержанный, оставался отчужденным и молчаливым. Отношение философа стало таким очевидным, что Марко, поняв это, спросил:

— Доктор Халран, я... эээ... утомил вас? Может, как-то обидел вас? Знаю, я просто неотесанный мужлан...

— Нет, сэр, — ответил Халран. — Я считаю вас привлекательным и милым молодым человеком. Меня оскорбляет ваша кровожадность в решении общественных вопросов.

— Да? Почему? Я же не причинял вам вреда!

— Вы не понимаете. Вы едете в Англонию, где убийство — самое серьезное преступление; а вы открыто намереваетесь убить сбежавшую пару. Когда вы это сделаете, вас схватят и повесят. Из-за того, что вы общаетесь со мной, могут доказать, что мне было известно о ваших планах. В этом случае по закону меня как минимум бросят в тюрьму до конца жизни.

— Но я не прошу вас принимать участие в моей затее!

— Тем не менее, я буду, что называется, соучастником. Моё молчание и отказ передать вас полиции для лишения свободы или выдворения из страны сделают меня пособником преступления. Теперь вы видите, в какое сложное положение меня ставите? Насколько я знаю, вы можете решить, что безопаснее убивать всех, кому известны ваши намерения, и раскроить мне череп этим ужасным топором.

Марко был поражен.

— Я не знал об этом! Я... не знаю, что сказать. Я вас ни к чему не принуждаю.

— Что ж, теперь вы понимаете, как это может выглядеть со стороны.

— Знаю. Я никогда не мог понять, как думают другие люди. Но неужели англонианин, чью жену соблазнили и похитили, не обратится за помощью? Неужели он просто скажет: «Да, сэр, спасибо, сэр, еще что-нибудь, сэр?»

Халран пожал плечами:

— Во-первых, по нашим законам человек не считается собственностью. Да, человек может украсть собственность, но он не может «украсть» жену или мужа. И тот простой факт, что один из супругов предпочитает кого-то другого, не наносит вреда.

— Не наносит вреда? И не разрушает дом и семью?

— Что ж, если её удерживать против воли, ваша жизнь с ней всё равно будет несчастливой, поэтому не

лучше ли её отпустить? Если вы сможете доказать видимый ущерб — например, лишение её услуг как домохозяйки — вы получите компенсацию, обратившись в суд. Но наши суды идут медленно и обходятся дорого, а компенсация чаще всего незначительна.

— Но как же потеря чести...

— Честь — это субъективная, неосызаемая потеря. Вполне понятно, что наши суды не обращают внимания на неё.

— Одно могу сказать, — произнес Марко. — У большинства англонианцев так мало чести, что из-за этого не стоит беспокоиться. Простите меня за эти слова. А есть ли какой-нибудь способ, чтобы закон не проявлял интереса к таким пустякам?

Халран рассмеялся, откинув назад голову:

— Наверное, есть. Тем не менее, мы действительно думаем, что, не учитывая столь субъективных и сентиментальных понятий, как «честь» и «непорочность», мы достигли высокого уровня разумности в юридической системе, и этот уровень пока недостижим для других народов.

— Может, это и разумно, но что в результате? Многие люди по природе похотливы и полигамны. Поэтому мы воздвигаем строгий барьер из обычаев и законов, чтобы сдержать эти порывы. А вы говорите, что можно позволять делать людям то, что они хотят? В результате вы, англонианцы, меняете партнеров каждый год, ваши дети не придерживаются никаких правил и растут беспомощными и безответственными из-за постоянно меняющихся родителей. У нас есть поговорка: «Не доверяй трем вещам: дикорастущим грибам, потухшему вулкану и слову англонианца».

— О, мы не так уж плохи. Подождите, пока не приедете в Англонию, а потом уж судите нас.

— Теперь я ещё сильнее хочу увидеть её, сэр.

— Например, — продолжал Халран. — Я женат на одной и той же женщине пятнадцать лет, и оба мы до этого состояли в браке только дважды. Друзья считают нас странными.

— Что ж, англонианцы не должны жениться на византианках и затем жить по англонианским моральным стандартам. Мы не терпим таких вещей. Петронела знала, что я хотел быть её первым, последним и единственным мужчиной...

— Почему вы решили, что были у неё первым? Ни одна нормальная англонианская девушка не выходит замуж прежде, чем наберется опыта.

— Добрые боги, — охнул Марко. — Я никогда не думал об этом!

Этот разговор продолжался несколько дней. Наконец, Марко сказал:

— Сэр, я всё ещё думаю, что должен убить виновную пару. Но я не хочу, чтобы меня повесили — я не так храбр, и я боюсь втянуть вас в неприятности. Поэтому я не убью их, по крайней мере пока они не вернутся в Византию, где это будет законно.

— Хорошо! — ответил Халран. — Это правильное решение. Теперь вы вернётесь в Византию, как только мы достигнем другой стороны Саар?

— Нет, сэр. Вы забыли, что там мне грозит тюремный срок. Может ли такой человек, как я, заработать на жизнь в Англонии?

— Ммм... думаю, может. Есть много вариантов: наёмник, учитель византианского и так далее.

— Кроме того, — сказал Марко. — Даже если я не убью Монгами и свою жену, мой долг — посмотреть им в глаза и потребовать объяснений.

— Что здесь объяснять, кроме того, что она предпочла вам его?

— Что ж... эээ... возможно, Петронела, поняв, что Монгами хуже, захочет вернуться ко мне, — задумчиво сказал Марко.

— Вы ничего не поняли после одного печального опыта? Советую вам оставить их в покое, — сказал Халран.

— Может возникнуть конфликт, который закончится какими-нибудь увечьями, невзирая на ваши добрые намерения.

— Неужто нельзя убивать даже ради самозащиты?

— Можно, но убийца должен оправдаться. Простите их.

— Не могу. Вы не представляете, как мне стыдно, что я отказался от мысли убить их. Я слабый, нерешительный, безнравственный, бесчестный плут. Единственное, что мне остаётся — найти их и посмотреть им в глаза.

Путешествие продолжалось. Отказавшись от планов убийства, Марко заметил, каким дружелюбным стал Халран. Маленький человек не был приспособлен к путешествию в караване, он не любил пачкать руки и не навидел неудобства, связанные с ездой на верблюде и сном под открытым небом. С другой стороны, он хорошо сходился с другими людьми, организовывал их в команды и группы для выполнения разных задач, от добычи воды до хорового пения. Его любимым выражением было: «Давайте организовываться», и он всегда находил способ сделать задачи легче, планируя их решения.

— Лень, — пояснил он Марко, — это мать открытый, а я ленивейший философ в Англонии.

Также он был опытным игроком в карты. За три дня, пока остальные караванщики не заподозрили его, Халран выиграл у них половину стоимости своего билета.

На шестой день караван остановился на отдых в оазисе Сива. Оазис находился в широком углублении, пересеченном беспорядочными выходами горных пород.

Он издалека выделялся на фоне бесплодного пейзажа из-за скоплений какинсони, копьевидные листья которых добавляли зелёные пятна в тускло-коричневое, серо-жёлтое пространство.

Слим Кадир подвёл своего верблюда к колодцу и заставил животное лечь, крича другим, чтобы они держали верблюдов позади, пока не начерпают воду для людей. Начались шум и путаница, ржание лошадей и бормотание верблюдов, пытающихся подойти к воде, крики седоков, стремившихся удержать животных.

Марко слышал, как Слим Кадир кричит на охранников на арабистанском. Марко понял всего несколько слов, но ему показалось, что стражи должны разойтись по краям оазиса и нести караул на случай неожиданного нападения, вместо того, чтобы набивать животы и наслаждаться первыми глотками воды.

Верблюд Марко и Харлан, а также верблюд, везущий кувшины ступовой смолы, находились ближе к концу процессии. Марко сказал:

— Поторопитесь, Халран, или вода замутится.

— У нас много времени, — ответил Халран.

Когда Марко и Халран остались практически единственными в караване, кто еще не спешился, кто-то закричал. Марко услышал топот копыт. Когда он обернулся, раздался треск тетивы и свист стрелы. Стрела вонзилась в тело, Марко посмотрел вниз и заметил одного

убитого около верблюда, прямо у его левой ноги. Верблюд испугался и заревел.

Отряд конников вылетел из-за ближайшей скалы; всадники бросились на штурм оазиса. Это были невысокие темнокожие мужчины на приземистых пони. Кроме обычных овчинных курток некоторые из всадников носили цветные шарфы на головах и другие нелепые украшения.

Люди в караване, казалось, походили с ума. Они беспорядочно носились, кричали и пытались забраться обратно в седла. Халран что-то пищал и неистово дёргал повод Мустаима.

Марко же оставался спокоен. Он подумал, что ему надо сделать, и занялся этим. Он вытащил из чехла стальной лук, который забрал у грабителя около Скиато, и начал стрелять в приближающихся всадников.

— Что нам делать? — кричал Халран. — Что нам делать? Они убьют нас! Мне страшно!

— Разверни зверя, — сказал Марко.

Марко увидел, что его четвёртая стрела поразила одного из арабистанцев, которые были уже близко. Некоторые из них, стреляя, окружали оазис. Некоторые ехали прямо к воде, бросая копья и размахивая мечами. Вокруг кричали люди.

Марко продолжал стрелять, изворачиваясь в седле, чтобы пускать стрелы туда, где он видел грабителей. Те,

кто проехал оазис, разворачивались и возвращались назад. Позади атакующих ехал мужчина на белой лошади, с головы до ног одетый в блестящую кольчугу; на голове у него сверкал мозаичный стальной шлем. Возможно, подумал Марко, это сам Заки Риадхи.

Марко потянулся за стрелой, чтобы попробовать сделать выстрел издалека в предводителя разбойников, и заглянул в колчан. У него оставалась последняя стрела. Пока Марко натягивал тетиву, он заметил, что один из лучников Слима Кадира упал на землю, когда грабитель на пони ударил его палашом; другой вскочил на лошадь и умчался в пустыню. Толстый купец из Беграта пробежал мимо верблюда Марко, но потом копьё грабителя вонзилось ему в спину, свалив с ног.

Другой нападающий со стрелой в руке догонял верблюда Марко. Когда они поравнялись, тот натянул тетиву и выпустил стрелу. Марко, который уже видел доспехи главаря, прицелился в ближайшего грабителя и выстрелил. Его стрела попала мужчине в верхнюю часть грудной клетки, а стрела бандита со свистом пролетела рядом с головой Марко. Нападающий выронил лук, выбросил руки вперёд и вылетел из седла. Лошадь без всадника пробежала мимо, прямо под верблюдом Марко. А Прокопиу уже обдумывал новый план.

Боэрт Халран развернул верблюда лицом от оазиса. Груженый верблюд тащился за ними. Марко повесил лук на седло и прыгнул с верблюда на лошадь, которая склонилась под его тяжестью. Он повесил на руку щит, вытащил топор и крикнул вверх:

— Езжай как можно быстрее. Я постараюсь задержать арабистанцев.

Марко натянул поводья (той рукой, в которой держал щит) и развернул лошадь. Разбойники рассеялись по оазису. Некоторые убивали оставшихся караванщиков.

Несколько налётчиков сражались с самим Слимом Кадиром, который отважно размахивал ятаганом, повернувшись спиной к зарослям какинсони; потом один грабитель метнул копье сквозь заросли в спину Слима. Тот упал.

Остальные бандиты бесцельно носились кругами. Стрелы перестали свистеть, потому что у лучников опустели колчаны.

Вслед убегающему верблюду Марко что-то закричал мужчина в броне. Небольшая группа всадников бросилась в погоню за Марко и верблюдами, всадники выстроились по четыре в ряд.

Марко ударил в бока лошади широкими, лопатообразными концами стремян. Лошадь помчалась вперёд так внезапно, что Марко едва не свалился назад. Он направил лошадь прямо на мужчину в кольчуге, размахивая топором.

Между Марко и главарём банды носились всадники с мечами наготове. Один, который находился немного впереди остальных, едва не ударил ятаганом прямо по голове Марко. Марко отразил выпад щитом, в то же время справа ударил топором. Топор пробил край щита из кожи паксора, который опустил грабитель, чтобы защититься, и врезался в ребра нападавшего. Сила удара, в который Марко вложил всю сил своих могучих мускулов, выбила мужчину из седла.

После этого Марко ударил слева следующего всадника. В этот раз топор попал мужчине между шеей и плечом и застрял в руке. Когда мужчина вывалился из седла, Марко выдернул топор. Марко проехал сквозь строй атакующих всадников и направился к их командиру.

Лошади часто едут не в том направлении, куда хотят их наездники. Лошадь Марко отклонилась от главаря, который мчался прямо вперёд, на добрых двенадцать

футов. С такого расстояния они смогли помахать оружием друг другу.

Другие всадники либо не поняли, что Марко прорвался сквозь их ряды, либо не смогли развернуть лошадей, чтобы прийти на выручку главарю. Они проскакали ещё почти сто футов, прежде чем начали останавливаться и разворачиваться.

Марко заставил лошадь ходить по кругу. Командир сделал так же, и теперь они шли колено к колену.

С лязгом ударился изогнутый меч Заки Риадхи о круглый щит Марко, с лязгом топор Марко прошелся по щиту Заки, который тоже был сделан из куска стали. Марко ударил по голове Заки, на которой был надет барбут, почти полностью скрывавший черты лица. Заки снова отразил удар щитом. Хотя топор опускался с огромной силой и мог сломать руку, Заки смог удержать щит под таким углом, что удар Марко прошёл по касательной линии. Топор вылетел из руки Марко. На миг он

подумал, что потерял топор, но его удержал ремешок на запястье.

Затем лошади разъехались, разделив воинов, поэтому следующий удар Заки Риадхи рассёк воздух. Марко повернул лошадь и оказался прямо напротив Заки Риадхи как раз в тот момент, когда пальцы сжали рукоять топора.

Не в силах дотянуться до всадника, Марко ударил его лошадь, направив лезвие топора в лоб животного. Это был нечестный удар, но у Марко не оставалось времени на угрызения совести. Лошадь упала замертво, выбросив Заки Риадхи через голову, почти к правой ноге Марко.

Марко ещё раз опустил топор сзади на шлем падающего бандита. Лезвие рассекло шлем и череп. Шлем слетел, открыв смуглые черты Заки и его горбатый нос. Заки лежал, сражённый, около головы своей лошади. Кровь и мозги забрызгали песок.

Через десять секунд — ровно столько потратил Марко на убийство лидера грабителей — остальные развернули лошадей и бросились назад. Когда Марко посмотрел на своих верблюдов, которые находились в нескольких сотнях шагов от него, бандиты уже были впереди него и с обеих сторон.

— С дороги! — закричал Марко. Он поднял топор, с которого всё ещё стекали мозги Заки, вонзил в бока лошади шпоры и бросился вперед.

Арабианцы расступились, кружась и огрызаясь, но, не осмеливаясь приблизиться к мужчине, вдвое превосходившему их размерами, который уложил троих нападавших замертво на песок за полминуты. Марко оставил позади их и Саар, догоняя Халрана и верблюдов.

Когда Марко воссоединился с Боэртом Халраном, оазис Сива стал просто грязно-зелёным пятном в отдалении. Несколько грабителей преследовали их, но потом вернулись к оазису. Марко предположил, что они боялись пропустить делёж награбленного и выборы нового главаря. Боэрт Халран сказал, наклоняясь:

— Счастлив вновь видеть тебя, Марко. На миг я подумал, что они тебя убили, а ты — это ещё один из тех, кто преследует меня. Теперь надо подумать, какой путь выбрать.

Марко заметил:

— Если мы поедем на запад, то достигнем Медрания через несколько дней. Затем надо найти воду. Поворачивай зверя налево.

— Как мы найдем воду?

— Ищи зелёные пятна, указывающие на водяные колодцы. Если мы не найдем ни одного, у нас начнутся проблемы. Кроме того, здесь растет колючее растение с тонкими листьями. Если срезать колючки, можно добить влагу из листьев.

Халран произнёс:

— Слим Кадир говорил мне, что верблюды могут обходиться без воды несколько дней.

— Но мы не верблюды. Люди, подобные Слиму, знают расположение всех оазисов. Они прыгают от одного к другому, словно человек, пересекающий море от острова к острову.

— Ты совершил выдающийся подвиг, Марко. Никогда не думал, что школьный учитель может так управляться с оружием. Раз-два-три! И три арабистанца мертвые.

Марко взмахнул рукой и со смущённой улыбкой посмотрел вдаль.

— Ерунда. Я намного больше них, поэтому всё напоминало убийство пауков.

— И всё равно я думаю, что ты единственный в караване действительно мог отправить нескольких из них на Землю.

Марко пожал плечами:

— Больше удача, чем умение. Если бы Слим контролировал своих стрелков, эти грабители никогда не напали бы. Они сражаются за добычу, не ради чести, и они отступают, если риск слишком велик.

Они подстегнули навьюченного верблюда и продолжили путь. После обеда стало слишком жарко, поэтому странники сняли куртки.

Лошадь Марко начала изнемогать и спотыкаться; она опустила голову, и Марко дал ей отдохнуть, попросив Халрана поменяться с ним местами.

— Эти мелкие арабистанские кролики не созданы для людей моего размера, — сказал он.

Когда опустился Мафрид, взошли луны Галлик и Кооперн. Поднялся Арктурус. Температура быстро упала. Марко разбил лагерь. В таких вещах он разбирался лучше, чем его спутник, который отличался рассеянностью.

Марко расчищал место под лагерь, убивая кровососущих арахнидов, и тут взглянул на Халрана. Он тотчас вскрикнул:

— Эй! — и схватил товарища за руку.

— Что такое? — спросил Халран.

— Я думал, вы знаете, что они ядовитые!

— Оoo... — Халран уронил луковичный гриб, от которого собирался откусить кусочек. — Действительно, я вспомнил, как Слим говорил...

— Что ж, в следующий раз вспоминайте пораньше!

На другой день они тащились на запад, не находя воды. Растительность встречалась всё реже, пока не осталось ничего, кроме редких маленьких побегов фосфор-

ной травы, которую не стали бы есть даже животные. Также они увидели одно из колючих тонколистных растений и срезали несколько листьев, нарезав их на кусочки, чтобы съесть, несмотря на горький вкус. Должно быть, другие путешественники прошли здесь раньше и подобрали всё съедобное.

Марко спросил у Халрана:

— Доктор, вы знаете, что меня судили за преподавание Падения. А какой веры вы придерживаетесь?

— Что ж, науки о жизни вне моей компетенции, но на основании того, что я слышал и читал, должен сказать, аргументы в пользу Падения очень убедительны. Мои коллеги до некоторой степени подтвердили эволюционные гипотезы относительно не-млекопитающих Кфорри. Они сделали это, обнаружив окаменелости и соединив их. В некоторых случаях древние создания, казалось, были примитивными предками существующих сейчас форм. Но таких ископаемых предков не нашли для млекопитающих, включая человека. Конечно, это могло произойти потому, что млекопитающие более разумны, поэтому не попадали в болота или подобные места, где могли стать окаменелостями.

— Но дело ещё не закрыто?

— Не до такой степени, чтобы общественность Кфорри могла прекратить обсуждение, хотя, думаю, шансы, по крайней мере, десять к одному в пользу Падения.

— Тогда кем же были Древние?

Халран пожал плечами.

— Существует столько же толкований мифов, сколько и исследователей. Одно из правдоподобных толкований сводится к тому, что они были лидерами группы поселенцев, которые каким-то образом явились с Земли и умерли или были убиты после приземления. Вы знаете историю об Оди Смите, который, отказавшись от по-

чётного места на Пиру Древних, стоял в дверях и убивал их всех волшебными стрелами?

— Да.

— Без сомнения, это связано с реальным случаем, но мы не знаем, с каким именно.

Марко спросил:

— Что насчет мифов о земных богах: о соперничестве бога воды Нельсона и бога войны Наполеона за благосклонность богини любви Клеопатры?

— Не знаю, хотя существуют разные предположения. Есть предание, что ключ к этим тайнам лежит на острове Мнаенн, но ведьмы не позволяют посторонним появляться вблизи их священного острова.

На следующий день они по-прежнему не обнаружили признаков воды. Страдая от жажды, Марко высматривал главный караванный путь. Ничего не увидев, он предположил, что они прошли рядом, не заметив тропы. На пути не было постоянной разметки, а ветер вскоре стирал следы животных, заметая их песком. Халран непрерывно жаловался. Марко дважды терял терпение и кричал на старика, стыдясь себя после этого.

На следующий день Халран начал пошатываться в седле. Они, как могли, растягивали оставшуюся еду. Марко, перекатывая гальку во рту, чтобы уменьшить жажду, жадно всматривался в стада дромсолов вдали. Если бы он убил одного, его кровь могла бы утолить жажду. Но у Марко не было стрел, а звери могли бегать со скоростью лошадей.

На следующие день Марко дремал на верблюде, почти засыпая — и тут резкий толчок заставил его открыть напитые кровью глаза. Он моргнул, затем крикнул Халрану:

— Посмотри! Вода! Море!

Халран огляделся.

— Что? Где?

— Там! Наверное, тебе не видно, потому что я сижу выше.

Халран протёр очки:

— Или из-за моего плохого зрения.

Марко заслонял глаза от света, всматриваясь в тонкую синюю линию, которая показалась на горизонте, между пригорками бесплодной серости и темно-жёлтой равниной. Ноздри животного расширились, а шаг ускорился.

Когда Марко приблизился к морю, он увидел, что Саар тянется до конца склона, который спускается к песчаному пляжу. Прежде чем Марко доехал до пляжа, справа он увидел залив. Путешественник направился туда. В низине, где находился залив, росли редкие луковичные грибы, создававшие контраст с почти полной безжизненностью Саар. Тем не менее края залива не об разовывали пляжа. Подстилка из виноградных лоз, похожих на водоросли, вытягивалась в зеленую полосу от десяти до двадцати шагов шириной, а потом переходила в некое подобие болота.

Халран пинал и бил лошадь, чтобы она перешла на рысь. Подъехав к зеленой полосе, он свернул налево и двинулся параллельно береговой линии, пока заросли не поредели. Затем он спрыгнул с седла и побежал к краю воды, перепрыгивая через остатки лоз.

Лошадь последовала за ним. Кровососущие арахниды, размером с больших песчаных крабов, покрытые длинной красной шерстью, стремительно разбежались. Лошадь окунула морду в воду и начала шумно пить, Халран упал на живот рядом с ней и тоже начал глотать драгоценную влагу.

Верблюды тоже выказывали нетерпение. Марко ударили Мутасима по голове концом кнута, чтобы успокоить его, и приказал ему встать на колени.

Когда оба верблюда легли, Марко спешился. Он опустил поводья Мутасима вниз, чтобы животное не убежало, настороженно приглядываясь к голове зверя, чтобы к верблюду не подобрались ядовитые пауки. Затем его внимание привлек крик Боэрта Халрана.

Философ боролся с длинной лозой. Пока он пил, усик лозы, наполовину скрытый песком, обвился вокруг ноги и начал пробираться через ботинок. Дёрнувшись, Халран дотронулся рукой до другого усика; тот тоже обвился вокруг тела. Философ пронзительно кричал, когда корешки проникали под его кожу.

Марко поймал свободную руку Халрана и потянул, но смог только вытащить лозу из песка на несколько футов, пока не показались толстые стебли; хватка усиков не слабела. Третий усик присосался к другой ноге Халрана. Старик закричал:

— Ты оторвёшь мне руку!

Марко ослабил захват и вытащил топор. Три удара отрубили усики, державшие Халрана. Обрубки, источая зеленовато-белую жидкость, упали на землю, и безвольно замерли, как обычная безвредная лоза.

Халран отшатнулся от края залива и сел, чтобы освободиться от усиков, прицепившихся к его руке и ногам. Сначала надо было отрезать усик от корней. Затем снять ботинки и куртку, оставив корешки в коже. Наконец, вытащить корешки один за другим; они оставляли маленькие дырочки, которые обильно кровоточили.

— Я покойник! — вопил Хадран. — Я истеку кровью до смерти, или, по крайней мере, не смогу продолжить путешествие!

— Выглядит всё не так уж плохо, — ответил Марко. — Я слышал о подобном, но никогда не видел. Не мог поверить, что они прицепятся так быстро.

— Я знал об этом, — сказал Халран. — Но я ошибочно полагал, что такое количество не опасно. Или, возмож-

но, я так хотел пить, что не мог думать. Я плохо переношу лишения. Одного они уже поймали.

Он показал на запад; на берегу виднелись кости дромсора, разбросанные среди стеблей лозы.

Поняв, что с Халраном всё хорошо, несмотря на незначительные ранения, Марко направился к тому месту, где пил Халран. Он обрубал все лозы, которые видел, то-пором, и засыпал песком, чтобы они остались внизу. Потом он попил, морщась от вкуса воды. Питьевая морская вода на Кфорри могла и не убить человека, но ее большое количество расстраивало пищеварение.

После этого Марко провел верблюдов по тропе, которую прорубил, и животные смогли напиться. Халран преследовал лошадь, которая убежала, когда он отпустил поводья. Тем не менее, животное было так измучено, что не смогло далеко уйти.

Когда они ели, Халран сказал:

— Ты странный парень, Марко. Ты дважды спас мне жизнь в этом путешествии, отказался от убийства человека, который сбежал с твоей женой, и самой жены; теперь ты подумаешь, убивать ли этих.

Он указал на лохматых арахнид.

— Не вижу в этом ничего странного, — сказал Марко.

— Ты мой друг, а Монгами обидел меня, вероломно и злорадно. Поэтому правильно, что я должен убить его. Но я отказался от этого плана из уважения к тебе.

— Да, да. Я забыл.

Они ехали севернее восточного берега Медранианского моря, иногда замечая на горизонте белый треугольник паруса или черный столб пароходного дыма. Одним из желаний Марко было путешествие на пароходе, несмотря на то, что бронзовые котлы иногда взрывались с ужасными результатами. Но потом Халран объяснил, что пароходы изобрели полвека назад, и они еще не идеаль-

ны. В свободное время Марко любовался парой таких кораблей, пришвартованных к пирсам Чефа. Он бы хотел подняться на борт, чтобы осмотреть их, но робость не позволила ему спросить разрешения.

Марко засыпал Халрана вопросами, отчасти потому, что это была хорошая возможность узнать что-то новое, отчасти — чтобы попрактиковаться в англонианском. Единственной проблемой оставалось то, что открыв рот, Халран говорил не переставая, поэтому у Марко было мало шансов поговорить на каком бы то ни было языке.

На следующий день они достигли берега моря, отыскав главный караванный путь. У них заканчивалась еда. Но это не представляло трудностей, поскольку луковичные грибы здесь были съедобными. Их хватило бы, чтобы продержаться какое-то время. Но продолжительный отказ от всякой иной пищи мог вызвать гниение зубов и другие болезни.

Также они встретили несколько караванов, шедших в другую сторону. Каждый раз у людей вызывала такой восторг история о набеге Заки Риадхи, что они угождали Марко и Халрана едой и напитками, какие у них были.

Когда они повернули к северо-восточному побережью Медранианского моря, местность стала зеленее. Иногда моросил дождь. Появились возделанные земли, затем деревни, населенные людьми смешанного арабо-англонианского происхождения. Они пересекли охраняемую границу Арабистана и Республики Англония. Марко беспокоился, так как у него не было паспорта, необходимого в Англонии и Еропии. Но Халран заверил Марко, что проведёт его как своего помощника. Так и вышло.

Марко мало знал об Англонии, кроме того, что говорилось в византианских учебниках географии: «... в основном плоская, но с возвышенностями на севере... люди дружелюбные и веселые, но бесстыдные, легкомыс-

ленные и ненадежные... их дети избалованы ... главные предметы вывоза: пшеница, волокна броня, железная руда, чистокровный домашний скот и хитроумные механические приспособления...» Поэтому он с интересом осматривался по сторонам.

Как он заметил, англонианцы были высокими и красивыми. У многих были светлые волосы и синие глаза. Также широко распространено было ожирение. Большинство людей старше двадцати (кфоррианских лет) оказались тучными и пузатыми.

Они не выглядели легкомысленными. По крайней мере, они не были ленивыми. Они работали и отдыхали с неистовой силой. Они любили скорость, и их лёгкие повозки неслись сквозь толпы во весь опор. Англонианцы не просто отличались дружелюбием; они были нахально и ненасытно любопытны. Каждый раз, когда Марко с Халраном сидели в кафе, англонианцы толпились вокруг, представляясь. Они расспрашивали о деталях прошлого Марко, его настоящем и будущем. Они спрашивали о его личной жизни, пока он не покраснел от стыда, и не стал притворяться, что ничего не понимает.

Если англонианцы ни о чём не спрашивали, то рассказывали о себе. Марко никогда не встречал таких болтливых людей. Насколько он понял, главными темами разговоров были еда и секс, в основном шумное хвастовство своей доблестью и в том, и в другом. Мужчины и женщины одевались безвкусно, использовали духи, выставляя на публику пьянство и ссоры. Считая их упадочными, Марко отдавал предпочтение суровому достоинству и холодной сдержанности своей родины.

Халран предположил, что Марко мог бы избежать этого дружелюбного преследования, если бы выглядел как англонианец. Поэтому Марко купил пару трикотажных коротких штанов, как у Халрана, и положил свои

мешковатые брюки в сумку. Новые штаны смущали его, так как были узкими, но англонианцы теперь обращали меньше внимания на него. Он оставил свои ботинки, так как привык к ним. Кроме того, они походили на англонианские ботинки для верховой езды.

Волосы на голове и подбородке Марко выросли. Марко сбрив хохолок, оставил короткую светлую щетину, которую носили англонианцы. Также он начал отращивать усы. Марко купил трубку для табака и начал, кашляя и плюясь, курить ее, вместо того, чтобы жевать табак, как византианцы.

Четырнадцатого Ньютона они остановились в кафе в Камбре. Марко только приступил к еде, как Халран сжал его запястье, и сказал:

— Не оборачивайся, Марко, но будь готов оплатить счет и уйти.

— Что такое?

— Делай, что я говорю. Я потом всё объясню.

Поворчав, Марко сделал так, как сказал Халран. Когда они снова были в пути, он спросил Халрана, что случилось. Халран ответил:

— Ты не заметил трёх молодых людей у стойки, которые смотрели на нас?

— Мельком, а что?

— По их действиям было понятно, что они хотят напасть на нас.

— Да? Если бы они сделали это, я бы просто столкнул их головы с такой силой, что раздавил бы их.

— Этого я и боялся. Если бы, превысив пределы самообороны, ты ранил одного из них, на нас бы напали толпой. Если бы мы выжили, закон бы строго с нами обошёлся.

— О Напоин! Почему же?

— Это были подростки; никто не может причинять вред подросткам в Англонии. Они не несут ответствен-

ность за свои действия, но если наносят вред им, это сурово карается.

— Иногда, — сказал Марко, — англонианцы ведут себя разумно, но в основном это раса сумасшедших. Почему вы так почитаете подростков?

— Что ж, видишь ли, мы верим: если мешать исполнению желаний ребенка или подростка или как-то его сдерживать, он вырастет угрюмым, расстроенным, психически больным взрослым. Поэтому им позволяют делать всё, что им хочется, основываясь на том, что они освободятся от своих антисоциальных порывов, прежде чем достигнут совершеннолетия. Поэтому все взрослые англонианцы такие уравновешенные.

Марко плонул в пыль.

Восемнадцатого Ньютона Марко и его спутник прибыли в порт Ниорк, чьи изящные шпили и кричащие кварталы высились в дельте реки Миззипа.

6

Когда Марко Прокопиу и Боэрт Халран приехали в Ниорк, Марко пожелал остаться там на несколько дней, чтобы убедиться, что в городе нет его жертв. Халран же спешил в Ланн, чтобы в срочном порядке закончить воздухоплавательный эксперимент перед съездом философов. Они договорились расстаться. Халран взял лошадь и нагруженного верблюда, заплатив Марко половину стоимости лошади. Он сказал:

— Теперь прощай. Если будешь в Ланне, навести меня.

— Конечно, сэр, — ответил Марко.

Халран ускакал, потащив за собой гружёного верблюда, качавшегося под тяжестью четырех гигантских кувшинов со ступовой смолой. Марко провёл остаток дня на рынке. Ощущая себя бедным торговцем, он был уверен, что более словоохотливый Халран вел бы дела лучше.

На деле Марко был не так плох, как он думал. Смущение, вызванное торговыми, заставило его напустить на себя строгий и непреклонный вид. Это, вкупе с его чудовищными мускулами, заставляло торговцев думать, что Марко более уверен в себе, чем на самом деле. В конечном счете, он выменял верблюда на большую лошадь и несколько дларов сверху.

Он потратил следующие несколько дней, разыскивая Монгами и свою жену. Эти поиски завели его в бесконечные ряды алкогольных лавок, публичных домов и притонов зависимых от марвана. Иногда странные субъекты угрожающе пялились на него или ворчали, но уходили ни с чем, напуганные его топором и мускулатурой.

Ниоркцы, как он заметил, были еще шумнее англонианцев; они разражались вспышками гнева по пустякам. Они скакали вверх-вниз, как терсоры на жёрдочках, и выкрикивали угрозы и оскорблении. Но в миг, когда Марко сурохо сжимал губы и тянулся за топором, они находили причину уйти.

Подозрительная, невоспитанная и грубая раса, лишенная чувства достоинства, думал Марко. Его озадачило распространенное у ниоркцев слово «коп» (произносилось как «къеп» или «чоп»), пока он не понял, что это сокращенный остаток древнего ниоркского диалекта, имя богини любви Клеопатры, или, как произносят византианцы, «Клиопат». Также, несмотря на утвержденную святость человеческой жизни в Англонии, он привык к виду мёртвых тел в сточных канавах.

С другой стороны, если Марко был дружелюбен с ниоркцами, они охотно предлагали совершить совместное мародёрство или другое преступление. Он предположил, что так они проверяли незнакомца.

Марко много раздумывал о том, как поступить с Монгамри и Петронелой. Пока он не уверился окончательно, что он был прав, пообещав Халрану не убивать их, и он не мог не выполнить обещание, не почувствовав себя еще виновнее, чем прежде, когда пожалел их. Византианцы держат данное слово с такой же серьёзностью, как соблюдают сексуальную нравственность. Но как гласит пословица: «В Роуме веди себя как роумианец».

Идея придерживаться свободных принципов англонианцев приобрела для Марко зловещую привлекательность. Но, воспитанный в месте, где такие вопросы были окружены высокой стеной пуританской сдержанности, он не мог сделать непристойное предложение женщине — как не мог ходить по Медранианскому морю. От одной мысли у него по телу ползли мурашки.

Марко прибыл в Ланн, старый город, построенный из темно-серого известняка, добываемого в этом регионе. Сняв квартиру, он отправился по узким, извилистым улочкам искать Монгамри.

Сначала он зашёл в библиотеку. Спросив книги Монгамри, он узнал имена его издателей. Он обнаружил, что достаточно неплохо понимает литературный ланнский, но невнятный завывающий диалект рабочего класса поражал его.

Затем он узнал, где эти люди ведут дела. Это оказалось непросто, так как в Ланне не было рациональной системы названий и нумерации улиц. У одной улицы могло быть пять разных названий на протяжении десяти кварталов.

Марко зашел в первую контору, обозначенную в его списке, и спросил, где живет Монгамри. Он представился другом Монгамри, с которым тот встретился в своих путешествиях. Издатель дал адрес, что показалось Марко необдуманным и недальновидным. В Византии осторожно делились такой информацией, потому что проситель мог оказаться кровным врагом той или иной семьи.

Марко вернулся в свою квартиру отдохнуть. Позже он детально выяснил дорогу к дому Монгамри и набросал карту. Так как указанное место находилось в далеком пригороде, он поехал на лошади.

Дом оказался маленьким и не оправдал ожиданий Марко. У него сложилось странное представление, что ученый англонианец должен жить как византианский магнат. Но дом был каменным бунгало в небогатом районе.

Марко так и не решил, что сделает с беглецами. Он не убьёт их, разве что в порядке самозащиты, но ради самоуважения он должен был наказать вероломного Чета. Что касается Петронелы ... Если она захочет к нему вернуться, это было бы возможно, пока он находился в Анг-

лонии. Но он не мог привезти её обратно в Византию, так как его постыдная неспособность убить неверную жену станет очевидна всем. Конечно, он может не возвращаться в Византию...

Марко открыл чехол топора и потянулся к дверному кольцу. Потребовалось всё его самообладание, чтобы постучать. Что он скажет, если... Дверь открылась. В проходе стояла Петронела; высокая и ширококостная, она выглядела как типичная молодая англонианская домохозяйка. Марко почувствовал, что в нем бушуют противоречивые эмоции.

Петронела узнала Марко, несмотря на начавшие расти усы. Она закричала и попыталась захлопнуть дверь, но Марко просунул ботинок в щель. Петронела отпустила дверь и бросилась в дом. Марко последовал за ней, предполагая, что она приведёт его к Монгамри.

— Чет! — закричала Петронела на англонианском. — Он здесь! Она вбежала в заднюю комнату. Монгамри сидел за столом, на котором были разбросаны бумаги и сигаретные окурки, и исправлял написанное. Когда Марко протиснулся в комнату, Монгамри сказал:

— Кьеp! Это ты?

Марко заговорил холодно и язвительно:

— Да, свинья, это я. Возможно, ты будешь так любезен объяснить...

Монгамри схватил большой арабистанский нож, который держал на столе для разрезания бумаги и открывания писем. Он сделал выпад в сторону Марко, подняв руку для удара.

Марко вскинул левую руку. Острое ножа пронзило кожу и плоть, и застряло в кости, а правой рукой Марко нашупал топор. Когда Монгамри вытащил нож для повторного удара, Марко достал топор. Он не смог замахнуться, поэтому ткнул шипом в грудь Монгамри с такой силой, что тот перелетел через всю комнату.

Монгамири упал спиной на стол, с грохотом разбив лампу. Марко стоял на месте, приподняв топор. Монгамири сползл вниз, пока не сел на пол, прижавшись спиной к столу. Он что-то пробормотал (Марко рассыпал только слово «полиция»), упал на бок и больше не шевелился.

— Ты убил его! — закричала Петронела. Она посмотрела на топор, который Марко опустил. С шипа капала кровь. Петронела помчалась к двери.

— Петронела, — сказал Марко, — если ты пообещаешь...

— Я буду смотреть, как тебя повесят! — крикнула Петронела и убежала.

— Эй! — позвал Марко. — Я не хотел... если ты...

Хлопнула передняя дверь. Марко бросился за Петронелой, уверенный, что, если он останется на месте, то будет вовлечён в разбирательство по неизвестным законам этой странной страны.

Когда он выглянул в переднюю дверь, то не заметил следов Петронелы. Он остановился, чтобы придумать план. Затем вернулся в кабинет Монгамири, чтобы убедиться, действительно ли тот мёртв. Так и оказалось. Марко вышел из дома, сел на коня и быстро поскакал к себе. Там он перевязал свою легкую рану, заплатил за квартиру, собрал вещи и уехал. Он направлялся к дому Бозрта Халрана.

— Очень хорошо, очень хорошо, — сказал Халран, наморщив нос. — В конечном итоге ты спас мне жизнь. Согласно твоему рассказу, ты действовал в рамках самообороны. Поэтому можешь здесь спрятаться. Но если кто-нибудь станет интересоваться, ты ничего не говорил мне о своём поступке, понятно?

— Я понял, сэр, — произнёс Марко, глядя в пол и краснея. — Я постараюсь не причинять хлопот.

— Просто предупреждаю, если что-то подобное случится... Ого! — воскликнул Халран, проницательно посмотрев на Марко. — Это натолкнуло меня на мысль. Когда я вернулся домой, то обнаружил, что мой ученик, чтоб его, уехал и не пожелал возвращаться.

— Ты не можешь его выпороть? — спросил Марко.

— Не в Англонии. Мне пришло на ум, что ты не можешь просто так покинуть Ланин, если полиция наблюдает за тобой. Я сомневаюсь, что ты достаточно богат, чтобы откупиться взяткой, если тебя схватят.

— И что тогда? — сказал Марко.

— Станешь моим новым помощником! Ты покинешь Ланин по воздуху, и никто не сможет поймать тебя.

— Что, я полечу в твоей машине? — закричал Марко.

— Определенно. Ты боишься?

— Скудранин боится? Нет, но сама идея пугает меня. Ты уверен, что я не слишком тяжёлый?

— Нет. Воздушный шар был сконструирован, чтобы поднять моего ученика и меня, а он был даже тяжелее тебя.

Марко едва не спросил, заплатит ли Халран ему. Но вспомнил, что, как беглец, он уже попросил обо всём, о чём только мог. Он сказал:

— А теперь я могу посмотреть на воздушный шар?

— Идём сюда.

Халран вывел Марко на задний двор. Его заполняла огромная бесформенная масса ткани, сшитая вместе и образующая чёрно-белые полосы. Вокруг ткани толпилось множество женщин всех возрастов, кистями размазывавшие ступовую смолу, которую Халран привез из Византии. Они стрекотали как стадо терсолов, когда поднимали тяжелые кисти, чтобы покрыть смолой каждый квадратный дюйм.

— Подойди и познакомься с моей семьей, — сказал Боэрт Халран. — Дорти, это Марко Прокопиу, мой но-

вый помощник. Марко, это моя жена и дочери Битрис, Вики, Грета и Хенрит.

Марко официально представился, как его учили много лет назад. Халран сказал:

— Остальные женщины — домохозяйки из Ланна, в основном подруги моей жены по игре в бриж. Я собрал их.

Он ухмыльнулся и начал рассказывать о воздухоплывании, расхаживая и жестикулируя, чтобы передать математические понятия.

Шесть дней спустя, пятого Периклеса, смола высохла, и шар был готов. Боэрт Халран сказал:

— Я отправлю одну из дочерей, чтобы она обошла все газеты и попросила направить репортеров засвидетельствовать это великое событие.

— Эй! — воскликнул Марко. — Если они увидят меня...

— О, я и забыл. А ты не можешь надеть маску?

Марко покачал головой.

— Это может показаться подозрительным.

Халран вздохнул:

— Хорошо. Но мне нужна реклама, чтобы получить больше финансовой поддержки; эти эксперименты дьявольски дороги. Будем надеяться, что наш полет над крышами Ланна вызовет соответствующее волнение. Я пошлю Вики просто получить прогноз погоды. Не то чтобы это сильно помогло; старый Ронни оказывается прав так часто, как будто сидит дома и гадает.

Когда Мафрид сел, младшая Вики Халран вернулась с сообщением, что не было признаков изменения северо-восточных пассатов. Марко с более чем теоретическим интересом разглядывал четырех дочерей Халрана (пятая жила с мужем в Ниорке). Все они были красивыми, весёлыми девушками. Тем не менее, дальше он не заходил. Помимо строгих нравов родной культуры и собственной ограниченности, его сдерживали непонятные отношения с Петронелой.

Что касается девушек, Марко думал, что они относились к нему как к дружелюбному и забавному чудовищу. У всех четырех были поклонники.

Марко ужаснулся, когда один из этих юношей присёл вечером и выразил свое почтение (непринуждённо

и нагло) старшим Халранам. Затем они с девушкой удалились в спальню, откуда вскоре донеслись характерные скрипты.

Терпение Марко лопнуло следующим вечером. Девушки спорили о том, что у каждой есть любовник, но им не хватает спален. Вики вышла из положения, спросив Марко, не одолжит ли он свою койку на чердаке. Марко, красный как рак, смог только кивнуть.

— Если это не затруднит вас, — сказала Вики, очевидно ошибочно приняв его молчание за отказ. — Я могу заплатить вам за...

— Н-нет, нет, не об этом думать, — ответил Марко на ломаном англонианском. — Я только очень рад буду.

— Да? Если вы сомневаетесь на счёт вашей жены, Петронелы, то она вам больше не жена.

— Нет?

— Нет. Моя сестра Хенрит видела уведомление о разводе во вчерашней газете. Мы хотели вам сказать, но такая ерунда выскочила из головы. Теперь вы развлече-
ние для всех нас.

— Спасибо. Я есть очень заинтересован, — Марко церемонно поклонился.

В течение следующих нескольких дней Марко думал, что он полный дурак, раз не понял, что предлагала Вики. Мужчина, однажды познавший женщину, но потом лишившийся ее, тяжелее переносит безбрачие, чем тот, кто не знал женщин вообще. Марко оставался без женщины довольно долго, поэтому первобытный инстинкт сводил его с ума.

В семье Халрана, тем не менее, он демонстрировал вежливость, чувство собственного достоинства и юмор. Он улучшал свои познания в языке и подмечал мелочи в поведении англонианцев. Но в душе его одолевали противоречивые эмоции.

Когда Халран узнал, что будет хорошая погода, он приказал Марко и своей семье надуть воздушный шар. Три луны прошли по тёмному небу, когда они исполнили свою обременительную задачу. Халран зажёг огонь в главной торфяной печи.

— Я хотел улететь несколько дней назад, — объяснил он Марко. — Вот-вот начнётся сезон ураганов. Но, думаю, всё пройдет хорошо, и мы прилетим к началу съезда.

Для того, чтобы надуть шар, понадобилась целая ночь. Марко и Халран по очереди поддерживали огонь и спали. Когда водные часы показали один час до рассвета, мешок воздушного шара качался в вышине, туго натягивая веревки. Халран пояснил:

— Если надувать его ночью, то можно погрузить больше балласта. Когда Мафрид осветит мешок, он нагреет воздух и шар еще выше поднимется. Ты готов?

Они нагрузили корзину оборудованием, включая и топор Марко, но не взяли из-за большого веса щит. Марко забрался по верёвкам к маленькой печке над корзиной и разжёг там огонь.

Женщины Халрана обняли его, девушки расцеловали Марко. Раньше его шокировала свобода, с которой люди в Англонии целуются на публике. Теперь, однако, он привык к их свободному поведению и даже наслаждался этим.

Марко и Боэрт Халран забрались в корзину, сбросили балласт и помахали руками, прощаясь. Сердце Марко едва не выпрыгнуло из груди, когда они поднялись над тёмной землей и увидели огни Ланна. Люди остались уже далеко.

Марко думал, что их подъём не заметят, так как небеса еще не осветились. Но отблески от маленькой печки в воздухе вскоре привлекли внимание. Люди кричали, бежали, смотрели вверх и указывали на них.

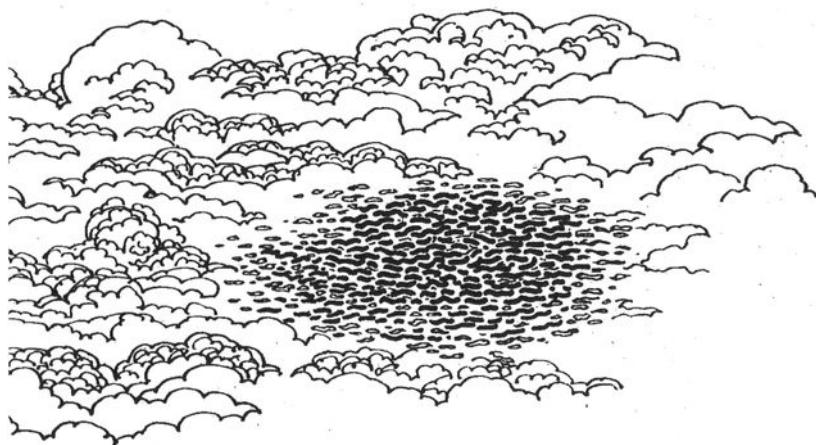
Быстрый подъём шара, тем не менее, вскоре заставил умолкнуть шумные голоса. Через несколько минут Марко больше не мог измерить скорость подъёма. Когда они поднялись, скорость горизонтального движения тоже выросла. Вскоре огни Ланна сместились к северо-востоку. Температура упала, и Марко надел овчинную куртку.

— Если мои подсчёты верны, — сказал Халран, — ветер должен опустить нас вниз завтра, всего в нескольких милях от Виены.

— Надеюсь, ты прав, — ответил Марко.

Час или два ничего не происходило. Мафрид светил сквозь тонкие полоски облаков, которые вскоре стали настолько плотными, что укрыли луну. Марко и Халран поели. В промежутках между лазаньем по верёвкам, чтобы положить ещё брикет торфа в печку, Марко свешивался с края корзины, глазея на домики и фермы, ставшие словно игрушечными.

— Теперь запомни, — сказал Халран. — Когда мы коснёмся земли, потяни разрывной шнур за секунду до

того, как корзина приземлится, иначе мы просто вывалимся. Я подам тебе сигнал.

Разрывной шнур, как узнал Марко, открывал огромный разрыв в верхней части шара. Болтливый маленький философ продолжал:

— Я отправил сообщение своим коллегам в Виене, прося официально объявить, что если с неба опустится огромный мешок, а в корзине будет сидеть мужчина — это всего лишь безвредный научный эксперимент, а не визит с Земли. Когда я совершил первый пробный полёт, я приземлился на ферме недалеко от Ланна. Крестьяне подумали, что я дьявол, и убили бы меня вилами, если бы я не продолжил полёт. Они бы и шар разорвали на кусочки.

Он метался по корзине, измеряя высоту устройством с пересекающимися проволочками. Один раз он сбросил песок из мешка с балластом и приказал Марко прибавить огонь в печке. Потом они поднимались слишком быстро, и Халрану пришлось уменьшить огонь, чтобы опустить шар.

Время проходило быстро, рядом с ними и под ними появились маленькие тёмно-серые облака. Сначала они были так малы и редки, что их едва удавалось заметить, но Халран пробормотал:

— Мне это не нравится. Черт побери, если бы я только мог проверить наше местоположение по Мафриду!

Облака в вышине стали такими огромными, что не пропускали солнечный свет. Маленькие облачка множились и росли, пока воздушный шар не стал, казалось, дрейфовать посреди их огромной массы. Марко понял, что они плыли в центре гигантского урагана. Шар плыл по ветру, и путешественники не замечали ни движения, ни порывов.

Шар, тем не менее, стало трудно контролировать. Он то взлетал, пока Халран не убавлял пламя, то падал, пока философ не сбрасывал балласт, а Марко не прибавлял огонь. Марко понял, что когда кончится либо балласт, либо торф, им придется приземлиться.

Во время одного снижения они застряли в массе облаков. Туман вокруг них становился темнее и темнее. Марко удивился, что за капающий звук их окружил — а потом понял, что это дождь барабанит по шару. Холодный дождь заставил шар снижаться быстрее, чем когда-либо, пока они не пробились сквозь пласт облаков.

Марко изумился, увидев землю всего в семидесяти пяти футах ниже; она приближалась с головокружительной скоростью. Под ними деревья гнулись на ветру, который ревел, проносясь по земле. Дождь лил стеной, но мешок воздушного шара действовал как зонт. Марко не знал, куда они летят, потому что шар кружило и вертело, а пейзаж кружился в противоположную сторону внизу. Марко увидел англонианского ковбоя в шляпе с широкими полями, который гнал маленькое стадо скота в загон.

Халран закричал на него, затем выкинул три мешка балласта. Они снова поднялись, в этот раз так быстро, то Марко ощутил сопротивление ветра. После бесконечного промежутка времени, когда они не видели ничего, кроме сверкающих огненных молний, и были оглушенны громом, они снова оказались наверху. Внизу Марко видел сплошную массу чёрных облаков, кипящих как горячие вулканические болота северной Византии.

— Нам лучше остаться здесь, — сказал Халран. — Чёрт, если бы я только знал, где мы...

Поддерживая сильный огонь, они были в безопасности поверх урагана в течение нескольких часов. Путешественники поели. Марко ёжился от холода. Халран проверял оставшиеся запасы горючего и песка. Он закудахтал от страха, посмотрел в сторону и пронзительно закричал, как болотный терсор.

— Смотри! — крикнул он, показывая вниз.

Марко увидел через разрыв в облаках бурную поверхность Медранианского моря.

Пролетали часы. Облака начали расходиться, как вверху, так и внизу шара. Заходящий Мафрид стрелял золотыми лучами сквозь разрывы, освещая шар и внутреннюю сторону облаков. Марко, посмотрев на свинцовое море, закричал:

— Доктор Халран! Остров!

Халран взглянул вниз. В скользящей пустыне воды, наполовину скрытый бегущими облаками, впереди замаячил тёмный силуэт.

Халран, нахмурившись, смотрел на самодельную карту. Он сказал:

— Большой остров, Марко. Думаю, ветер понесёт нас дальше.

— Может, нам приземлиться там?

— Придётся. В противном случае ураган унесёт шар за море, и когда у нас закончится торф, нам придётся спускаться волей-неволей. Единственное, что меня беспокоит — это приём, который нам окажут.

— Что такое? — удивился Марко. — Не стоит опасаться горстки рыбаков.

— Если я не ошибаюсь, это остров Мнаенн.

— На котором живут ведьмы?

— Так их называют, хотя кто они на самом деле, я не могу сказать. Единственные посетители, которых они принимают, это те, кто приехал заниматься толкованием снов в их Храме Эйнштейна и получать зелья.

— Что такое толкование снов?

— Гадание по снам. Ты спиши в храме, и на следующий день рассказываешь ведьмам свой сон для толкования.

— Ты веришь в это, доктор?

— Думаю, это суеверная чушь, но я могу ошибаться. Есть много всего, что мы не можем до конца объяснить. Конечно, некоторые гости ведьм меньше интересуются доказательствами магических способностей ведьм, чем той близостью, что они получат в награду.

— Зачем ведьмам нужно, чтобы посетители были с ними близки?

— Потому что это полностью женское общество, и таков единственный способ сохранения населения.

Марко сказал:

— Не думаю, что многие гости откажутся. За исключением тех, которые прибыли из моей страны, где моральные принципы строже. Но почему какой-нибудь соседний правитель не присоединил остров? Горстка женщин не сможет остановить завоевателя, даже если девушки будут вооружены.

— Эти могут. Остров окружён высокими скалами, там есть только одна или две бухты. У девушек достаточно времени, чтобы сбросить валуны на головы захватчиков.

Марко заслонил глаза и всмотрелся в землю, к которой они приближались.

— Забавно.

— Что тебя насмешило?

— Я не вижу скал. Остров — если это остров — окружён широкими пляжами.

— Да! — воскликнул Халран, посмотрев туда. — Ты прав, насколько могут видеть мои чертовы глаза. Кроме того, этот остров слишком велик для Мнаенна.

— Тогда что же это?

— Афка, полагаю. Или в этой части моря есть острова, о которых я не знаю. Афка находится северо-восточнее Мнаенна. О боги, должно быть, мы пролетели прямо над Мнаенным и не заметили его!

— Я слышал об Афке, но знаю о ней немного. Какая она? Мы никогда не были там, потому что говорят, что афканцы неприветливы с незнакомцами.

Халран пожал плечами.

— В Англонии известно не больше. Говорят, жители чернокожие и слишком гордые, чтобы смешиваться с меньшими народами. Что ж, скоро узнаем. Будь готов к посадке. Что там?

— Где?

— Похоже на ступовые леса. Но нас не могло отнести прямо к полуострову Борсай!

— Ты уверен, что это единственное место, где растут громадные деревья, доктор?

— О других неизвестно, но мы всё скоро выясним. Выпусти воздух, пожалуйста.

Воздушный шар мягко опустился на мшистую землю, между пляжем и лесом. Эти деревья, конечно, были ступами, хотя и не такого огромного размера, как на полуострове Борсай. Дальние достигали в высоту тысячи футов. С другой стороны, эти деревья были намного больше карликовых ступ, растущих на заселённых землях.

Марко и Халран складывали и связывали мешок, когда мужчины приблизились к ним и окружили. Они были высокими, с кожей такого коричневого цвета, что она казалась чёрной. Курчавые чёрные волосы были причудливо подстрижены. Мужчины носили копья и арбалеты. Их лидер, облачённый в подобие алой тоги, жестикулировал и что-то угрожающе говорил.

После того, как Марко и Халран попробовали общаться на нескольких языках, оказалось, что один из копьеносцев немного знает византианский. Используя его как переводчика, командир сказал, что чужаки пойдут с ним.

— А что делать с моим воздушным шаром? — спросил Халран.

— Больше о нём не беспокойтесь, — сказал вождь. — Теперь идите!

Другие чернокожие мужчины образовали квадрат вокруг путешественников. Они маршировали, сохраняя строгий порядок по команде лидера: «Моя, мбили, тату, ине, моя, мбили, тату, ине...»

— Во что вы опять нас втянули? — проворчал Марко.

— Ох, друг мой! Не вините меня; вините ураган. Но, признаюсь, я был глупцом, что не приземлился, когда погода ухудшилась. Мы обречены, насколько я знаю; у этих парней плохая репутация.

— Что ж, будем настороже. Всё может измениться.

Халран покачал головой:

— Ох, я больше никогда не увижу свою семью! — Затем он поднял голову: — Во имя Ньютона, это интересно!

— Что?

Они вошли в лес и двинулись по прямой тропе. Между стволов ступовых деревьев во все стороны тянулась система труб, которую поддерживали столбы на уровне глаз. Со стыков труб на лесную землю падали легкие брызги воды.

— Так вот как они охраняют леса от пожаров! — воскликнул Халран.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, Марко, что полуостров Борсайя — единственное место, которое хорошо исследовано и которое производит подходящее количество твёрдой древесины. Причина этого — высокая влажность, постоянный дождь и туман. Из-за того, что не могут возникнуть лесные пожары, деревья спокойно растут тысячи лет — пока какой-нибудь жадный предприниматель, вроде Сократи Попу, не вырубит их. Поэтому здешние жители,

поняв, что у них есть хороший запас древесины, приняли меры, чтобы защитить его, сделав Афку искусственным подобием Борсии.

— Могу сказать кое-что еще, — добавил Марко. — Это не естественный лес. Они посадили его.

— В самом деле! Как ты узнал?

— Посмотри на эти ровные ряды! Естественный лес никогда не растёт так.

Халран протёр очки.

— Во имя богов, ты прав! Своими слабыми глазами я никогда бы не заметил этого при недостаточном освещении. Афканцы, должно быть, владеют передовыми технологиями.

После этого путешественникам понадобилось беречь дыхание для ходьбы. Захватчики, окружив их частоколом копий, бодро шли вперёд. Оба пленника уже утомились и стёрли ноги, когда час спустя подошли к краю леса.

Впереди лежали обработанные земли, с которых афканцы шли домой ужинать. Они шагали группами, с каждой был наблюдатель со свистком.

В сумерках среди полей открывался вид на идеально квадратный город. Оштукатуренные дома из бревён, ровные и квадратные, однообразные, стояли рядами, образуя что-то вроде решётки. Афканец зажигал фонари на перекрёстках с помощью приспособления с длинной ручкой.

— Очаровательным это место не назовёшь, — сказал Халран. — Похоже на огромный барак.

— По крайней мере, — ответил Марко, вспомнив запутанные улицы Ниорка и Ланна, — здесь легко найти дорогу.

Сопровождающие остановились около здания, отличавшегося от остальных только своим огромным размером. Двое часовых, вооружённых мечами и арбалетами,

застыли прямо у входа. Свет лампы отражался от их отполированных бронзовых кирас и шлемов.

Главарь в тоге зашел внутрь. Спустя долгое время он вернулся в компании нескольких человек.

— Следуйте за нами, — приказал он через переводчика.

Внутри здание было пустынным и функциональным. Путешественников проводили в большую комнату. Чернокожие мужчины невозмутимо сидели в креслах. Марко и Халран остались стоять, рядом с каждым было несколько копьеносцев для охраны.

Следующий час путешественников подробно расспрашивали о происхождении, намерениях и свойствах летающей машины Халрана. На первый взгляд дознаватели выглядели одинаково, тем более что они ни разу не проявили никаких эмоций и не нарушили спокойствия. Тем не менее Марко начал их различать. Один мужчина, немного ниже и крикливее других, казалось, представлял сторону защиты.

Затем появился еще один чернокожий. Это был старый мужчина в белой тоге, с конической шляпой на курчавой голове. Он поговорил со следователями, а потом, на хорошем англонианском, обратился к путешественникам.

— Мы можем отказаться от этого неуклюжего перевода, — сказал он. — Я Ндобу, высший жрец Лаа. Это — (он показал на крепкого мужчину) Чака, Кабака Афки. Остальные — его министры. Я отсутствовал, когда вы прибыли, но пришел, как только узнал. Пожалуйста, повторите вкратце то, что сказали Кабаке.

— Скажите, сэр, можем ли мы присесть? — спросил Халран. — Я уже теряю сознание от усталости.

Ндобу кивнул и приказал копьеносцам принести стулья. Когда Халран рассказал всё заново, высший жрец заметил:

— Звучит правдоподобно. Вы сказали, это летающее приспособление — ваше изобретение?

— Да, сэр.

— Хмм. Печально, что нам придётся убить человека с такими способностями, как у вас, профессор.

— Но что мы сделали, чтобы заслужить такое?

— Вы ступили на священную землю Афки — вот что вы сделали. Сотни лет мы провозглашали за границей, что не хотим контактировать с чужаками, и что любой, кто окажется здесь без специального разрешения, примет смерть. Вы отяготили своё преступление изобретением прибора, с помощью которого другие могут легко совершить нечто подобное и нарушить нашу изоляцию.

— Почему вы так настаиваете на своей драгоценной изоляции?

— Чтобы сохранить чистоту крови. Если здесь появятся чужаки, раньше или позже они вступят в любовную связь с одной из наших женщин. Наша расовая чистота окажется под угрозой.

Марко спросил:

— Сколько времени у нас осталось, сэр?

— До утра. Мы ведём здесь дела в должном порядке, и у суда уйдёт много времени, чтобы разобрать ваш случай. Но поймите — здесь мы задаем вопросы, а не вы!

Высший жрец поговорил со стражниками, и те начали выталкивать Марко и Халрана из комнаты.

— Святой отец! — закричал Халран. — По крайней мере, вы должны нам дать... эээ... духовное утешение, не так ли?

Охранники заколебались, в то время как на лице высшего жреца появилась слабая улыбка — первое человеческое выражение, которое Марко увидел на лице афканца.

— Полагаю, да. Я навещу вас позже вечером, после ужина, который вы так некстати прервали.

Придя в их камеру, Ндобу спросил:

— Как я понимаю, истинная вера Лаа неизвестна в вашей варварской земле?

— Действительно, неизвестна, — ответил Халран. — Просветите нас, умоляю.

— Что ж, вначале Лаа создал небеса и землю. Также он сотворил первых мужчину и женщину, которых звали Конго и Кения соответственно.

Много веков потомки Конго и Кении счастливо жили на земле. Затем некоторые люди начали грешить. Не буду вдаваться в подробности, достаточно сказать, что Лаа проклял грешников, отбелив их кожу. До этого всё человечество было чернокожим, как мы.

Прошло ещё время. Проклятые белокожие множились. Однажды они превзошли добродетельных чернокожих и сделали их своими рабами. Много поколений они заставляли чернокожих трудиться над решением сложных задач.

Наконец, Лаа послал порабощённым чернокожим лидера по имени Мозо, который должен был освободить их от рабства. Мозо предупредил короля бледнокожих, что, пока он не отпустит людей, избранных Лаа, его народ будет страдать.

Но король не поверил этому. Он выгнал Мозо с презрением и оскорблением. В результате его народ пострадал от нападения трансортов и других паразитов, засухи, эпидемии и других несчастий. После семи таких наказаний, постигших бледнокожих, их король, наконец, согласился отпустить народ Лаа. И так они пошли вперед предводительством Мозо.

Затем король раскаялся в том, что сдался на угрозы Мозо, и отправился со своей армией преследовать их. Когда чернокожие достигли берегов Медранианского

моря, Мозо помолился Лаа, который разделил воды моря. Так народ Лаа достиг Афки, не замочив ног. Но когда король бледнокожих и его армия пожелали последовать за Мозо, воды сомкнулись, утопив их.

Перед смертью Мозо собрал свой народ и объявил им свод законов. Среди этих законов, кроме запрета обычных прегрешений, вроде лжи, воровства, убийства, отсутствия набожности и других, он предписал, что все афканцы должны быть умелыми, энергичными и трудолюбивыми. Им следует вооружиться до зубов и всегда быть готовыми защитить себя и землю, которую дал им Лаа.

Проклятые однажды поработили их, сказал он, потому что они относились к жизни слишком легко. Радуясь жизни, они позволили бледнокожим обогнать их в организации и технологиях. Такое, сказал он, никогда не должно повториться. Предписано, что чем больше человек отказывается от радостей жизни в этом мире, тем совершеннее будет его удовольствие на Земле.

— Вы, афканцы, похожи на мрачный пуританский народ, — сказал Халран. — Извините меня за мои слова.

Ндобу просиял:

— Не нужно извинений. То, что вы сказали, здесь высшая похвала. Сейчас Мозо также настаивает на рабовой чистоте народа, если люди хотят, чтобы Лаа продолжал их любить и защищать. Действительно, во времена рабства произошло некоторое смешение двух рас, так, многие чернокожие стали несколько светлее. С тех пор, если новорожденный младенец выдаёт присутствие светлой крови своим цветом, его убивают. Так мы очистили кровь от крови проклятых и поклялись сохранить эту чистоту любой ценой. Теперь вы понимаете?

Камера была пуста, но решетки крепки и замок прочен, кроме того, путешественникам неоткуда было ждать помощи. Охранники в коридоре не перемолвились ни словом с заключенными и игнорировали их попытки заговорить. Халран оплакивал свою судьбу.

После бессонной ночи Марко и Хадрана вывели наружу со связанными за спиной руками. На эшафоте их ждал высший жрец Ндобу.

— Я подумал, что такие одарённые чужаки, как вы, заслуживают духовного утешения на высочайшем уровне, — сказал он. — Давайте соединим наши голоса в молитве к Лаа, милосердному и сострадательному.

Во время молитвы палач проверял лезвие топора большим пальцем. Зубы Халрана заметно стучали. Марко чувствовал, что может сказать что-то, способное изменить их судьбу; вот только он не понимал — что именно следует сказать.

Ндобу бубнил:

— ...И тогда, когда ваши головы упадут, пусть ваши души улетят в высшую сферу со скоростью стрелы из арбалета...

— Сэр! — закричал Марко. — Послушайте меня!

— Да, сын мой?

— Слушайте, вы судите нас за изобретение воздушного шара, не так ли?

— Да. Я же объяснил это.

— А если мы изобретём что-то, что удержит чужаков на расстоянии, это нас спасёт?

— Хммм... — протянул Ндобу. — Что вы придумали?

— Если это сработает, вы нас отпустите?

— Не могу обещать этого; решают кабинет министров и верховный суд.

— Что ж, спросите их.

Палач заметил:

— Святой отец, я не могу стоять здесь всё утро. У меня есть и другие дела.

Ндобу ответил:

— Так, своей властью я дарую вам однодневную отсрочку; мы всего лишь люди. Но надеюсь, что это не уловка, чтобы выиграть несколько дней жизни.

Он приказал охране отвести Марко и Халрана обратно в камеру. Когда они остались вдвоем, Халран спросил:

— Что это было, Марко? Надеюсь, ты не просто блефовал. Если да, они могут придумать для нас более медленный способ казни.

— Надеюсь, нет. Помнишь последнюю фразу об арбалетных стрелах?

— Да.

— У этих людей такие же арбалеты, как и у нас. Мне пришло в голову, что если бы мы смогли изготовить огромный арбалет, стоящий на рамке или подставке, он мог бы стрелять стрелами, размером с копья, и намного дальше, чем обычное оружие.

— Но с какой целью? Этот народ кажется довольно неплохо вооружённым и без нашего дополнения к их арсеналу.

— Такие суперарбалеты, установленные на побережье острова, могли бы обескуражить нежеланных гостей.

Халран задумался:

— Кажется, я вспомнил кое-что из древней литературы о таком устройстве. Оно называлось «орудие» или «катапульта». Насколько я помню, оно выстреливало вспышкой и ударом грома и выбрасывало металлический шар.

— У нас нет ни одного из этих легендарных оружий, но у афканцев много хорошего, крепкого дерева для строительства огромного арбалета.

Несколько дней спустя Марко Прокопиу и Боэрт Халран стояли на северном берегу Афки, наблюдая, как группа афканских солдат накачивает их воздушный шар. Высший жрец сказал:

— Мне не следовало отпускать вас, пока ваше оружие не будет закончено и опробовано. Я наслаждался нашими разговорами и новостями, которые вы принесли из внешнего мира. К счастью, меня считают достаточно святым, — Ндобу слабо улыбнулся, — и я могу подвергнуть свою душу опасности, общаясь с проклятыми.

— Спасибо, святой отец, — ответил Халран.

Ндобу продолжил:

— Полковник Мкубва уверен, что, узнав свойства вашего приспособления, он сможет, с помощью наших умелых мастеров, закончить его самостоятельно. Кабака беспокоится, что, покидая нашу святую землю, вы похитите наших женщин. У нас верят, что все бледнокожие сверхчеловечески похотливы и неисправимо распутны.

— Теперь вы льстите нам, — сказал Халран.

Когда шар наполнился воздухом, и Марко с Халраном забрались в корзину, высший жрец выкрикнул: «Лаа да пребудет с вами!» — и взмахнул рукой. Мягкий юго-восточный ветерок понес воздухоплавателей прочь от Афки в направлении Ланна.

Халран признался:

— Никогда не любил священников; но Ндобу показался наиболее человечным из них. Однако не следует ему об этом говорить. Он не сочтёт подобное утверждение комплиментом.

Марко произнёс:

— Черт, Боэрт, неужели люди не могут совладать со скоростью ветра? В прошлый раз мы попали в неприятности, потому что он дул в два раза сильнее ожидаемого. В этот раз он обещает сделать то же, дуя в половину слабее.

Мафрид висел близ горизонта на востоке. Впереди, уже в тени, лежал остров Мнаенн.

Халран вздохнул и пожал плечами:

— В таком случае мы прибудем к середине съезда. У нас есть выбор: либо приземлиться на Мнаенне, либо продолжать лететь на северо-запад и опуститься на море, когда топливо и балласт закончатся, возможно, нолью. Ты предпочтёшь последнее?

Теперь вздохнул Марко:

— Полагаю, нет. Эти ведьмы, возможно, тоже захотят убить нас, как и афканцы. Вдруг у них найдётся что-то более утончённое и мучительное, чем быстрое отсечение головы?

— Мы нашли выход в прошлый раз, — сказал Халран.

— Как ни удивительно, мы сможем сделать это снова.

— Да? Ты знаешь старую пословицу о том, что нельзя приносить кувшин к одному фонтану слишком много раз. Меня не так часто осеняет.

— Мы делаем то, что можем, а не то, что хотим, — Хадран начал возиться со шнуром клапана. Марко услышал свист выходящего воздуха. Воздушный шар начал опускаться.

Последние лучи Мафрида стали алыми, затем багровыми, когда перед ними появился остров. Линия горизонта поднялась, заслоняя диск светила.

В сумерках в центре острова можно было разглядеть группу строений. Среди них доминировало куполообразное здание, напоминавшее священный монумент. Вокруг домов располагалась возвышенность, необычный пейзаж нарушали несколько карликовых ступ, в основном росших между клочками обрабатываемой земли.

Марко произнёс:

— Доктор, не уверен, что ветер перенесет нас через это плато. Он может опустить нас в левой части острова.

— Я тоже так думаю, — ответил философ. — Если бы я точно не знал, что мы должны перелететь скалы, то посадил бы шар на воду и попытался бы доплыть до земли.

Он указал на крошечную полоску пляжа, откуда тропинка вела к скалам. Там, на выступе, она обрывалась. Прямо над выступом, на краю скалы, Марко увидел нечто похожее на верёвочную лестницу, свернутую в рулон. Марко посмотрел на поверхность воды, туда, где неспокойные волны разбивались об основание скалы, и сказал:

— Я был лучшим пловцом в Скудре, но не думаю, что смогу выдержать это. Здешние воды яростнее, чем кажется отсюда.

— Мы не осознаём силу ветра, потому что двигаемся вместе с ним. Если сможем опуститься на вершину, замечательно. Если я пойму, что не сможем, то посажу нас на воду. Возможно, мы сможем проплыть между скалами, когда море поутихнет.

Марко с сомнением взглянул на воду, когда небольшие скалы показались над волнами. Он произнёс:

— Надеюсь, шар сделает или то, или другое. Ненавижу тянуть остановочный шнур и лишаться опоры под ногами.

— Приготовься тянуть, — сказал Халран.

Марко сжал шнур. Он зачарованно смотрел, как на них надвигается скала, а взглядам открывается земля. Шар двигался по касательной к краю скалы. Ярд вправо — и они найдут спасение на горе; ярд влево — и они упадут в воду гораздо ниже.

— Тяни! — закричал Халран, перебрасывая ногу через край корзины.

Марко потянул, затем потянул ещё. Он услышал звук разрыва, и внезапно корзина начала падать. Она ударила о землю с громким звуком. Марко пошатнулся, снова обрёл равновесие и стал вылезать следом за Халраном, который спрыгнул на землю в момент посадки.

Прежде чем Марко успел это сделать, ему в голову врезалась торфяная печка — рухнувший мешок наклонил её, и она повалилась в корзину. Затем корзина перевернулась, потому что ветер потащил мешок дальше. Марко мгновенно окинул взглядом мешок (теперь слабый и едва качающийся), печку, верёвки и корзину, которые катились по земле единым клубком, в центре которого оказался он сам. Марко вывернулся и упал в мокрую светящуюся траву.

— Помоги! — закричал Халран, который ухватился за складку ткани и пытался оттащить её от обрыва. Они приземлились так близко к краю, что часть мешка свесилась со скалы. Сильный порыв ветра мог унести весь шар в море.

Марко помог Халрану вытянуть тяжёлую ткань, складку за складкой, пока она не оказалась далеко от обрыва. Он помог философу поставить якорь и вбить в землю пару кольев, когда голоса заставили его обернуться.

Он увидел группу женщин, одетых в юбки или килты, длиной по колено. Хотя он не был уверен из-за сумерек,

но большинство из них выглядели молодыми. Марко подошёл к ним и сказал:

— Прошу прощения, дамы, но...

Девушки развернулись и убежали, пронзительно крича; все, кроме одной, которая осталась на своем месте. Она казалась самой младшей, почти маленькой девочкой. Она спросила:

— Кто вы?

Девочка говорила на англонианском, но на таком диалекте, который было сложно понять.

— Меня зовут Марко, а это доктор Боэрт Халран, философ. Это ведь Мнаенн?

— Конечно. Что вы здесь делаете?

— Ураган сбил нас с курса.

— Что вам нужно?

— Нужно? Тебе лучше спросить доктора Халрана, но я думаю, нам нужно убежище на ночь или до тех пор, пока ветер не подует в правильном направлении, и помочь в надувании нашего воздушного шара.

— Как вы назвали эту вещь?

— Воздушный шар. Доктор Халран недавно изобрёл его.

— Ааа... Другие подумали, что вы демоны. Вам, может быть, трудновато окажется убедить стрингиарха, что вы всё-таки не демоны.

— Кто ты? — спросил Марко.

— Мое имя Синти.

— А дальше?

— Просто Синти. У нас нет фамилий. Откуда вы?

— Мы вылетели из Ланна на рассвете, несколько дней назад. Мы были в Афке, и теперь возвращаемся назад.

— Великий Эйнштейн! Вы, должно быть, летели на крыльях ветра.

— Именно это, — сказал Халран, присоединяясь к ним, — мы и делали, юная леди. Теперь, если вы сможете

те обеспечить нам пропитание и крышу над головой, у нас больше не будет проблем.

— Надеюсь, смогу, — ответила Синтии. — Стрингиарх будет в ярости, что вы высадились без разрешения. Полагаю, вы побывали в Ниорке, Роуме, Виене, Багдеаде и других крупнейших городах.

— Да, — сказал Халран.

— Я тоже хотела бы там побывать.

— Они не позволили тебе поехать? — спросил Марко.

— Нет. Родилась ведьмой — так ведьмой и останешься.

Они медленно шли к поселению. Марко спросил:

— Каким же видом колдовства вы занимаетесь?

— Я учусь пиромантии. Я хотела смешивать любовные зелья, но они сказали, что у меня нет таланта.

— А что такое культ Эйнштейна?

— Ну, это основы поклонения Эйнштейну, богу науки, — ответила Синти.

Марко сказал:

— Наша Синкристическая Церковь Византии признает Ньютона как бога мудрости, вместо со второстепенными богами Наполеоном, Колумбом и Чайковским. Но в нашем пантеоне нет Эйнштейна.

— Здесь Эйнштейн не только главный бог; он единственный настоящий бог, остальные просто полубоги или святые. Мы говорим: «Нет бога, кроме Эйнштейна, и пророка его Девграна».

— Кто такой Девгран?

— Дэвид Грант; думаю, так изначально произносилось — Древний, который основал Мнаени во времена Падения.

— А это храм? — Марко указал на куполообразное строение.

— Да, — ответила Синти.

— И что в нём?

— Обиталище Великого фетиша Эйнштейна.

— Я слышал об этом, — сказал Марко. — Мы сможем его увидеть?

— Ох, нет! Чужакам запрещено это видеть. Мы проводим там специальную службу раз в год, только тогда ворота открываются.

— Что такое этот фетиш? — спросил Марко.

— Не думаю, что могу рассказать вам.

— Статуя, не так ли? — небрежно поинтересовался Халран. — Золотая статуя Эйнштейна, держащая гору в одной руке, и метающая молнию другой...

— Нет! — закричала Синтии. — Эйнштейн, будучи чистым духом, бестелесен и не может быть изображён во плоти.

— Ох, меня, должно быть, ввели в заблуждение, — сказал Халран. — Тогда верна история о том, что это геометрическая фигура с драгоценными камнями по углам...

— Ничего подобного! Фетиш — это груда коробок примерно такой высоты, — она показала рукой примерно на ярд от земли. — Каждая коробка... — Синтии прикрыла рот рукой. — Вы, жители континента, слишком умны для меня!

— Ну-ну, — заметил Халран по-отечески. — Теперь, когда мы знаем так много, ты можешь рассказать остальное. Мы не собираемся никому вредить или осквернять священный предмет.

— Хорошо. Все коробки сделаны из прозрачного материала, как стекло, только гнующееся, а внутри каждой коробки множество карточек, размером с вашу руку. Эти карточки пятнистые, но на них ничего не написано. Пророчество Айлы говорит, что власть ведьм Мнаенна закончится, когда мальчик из Мнаенна прочтёт мудрость Древних на карточках фетиша. Но, конечно, это невозможно.

— Почему? — спросил Марко.

— Айла сделала пророчество сотни лет назад. Тогда же стрингиарх приняла решение об убийстве при рождении всех детей мужского пола, появляющихся в результате сделок, поэтому правление ведьм никогда не закончится.

— Поэтому, — сказал Марко, — вы, ведьмы, используете мужчин-покупателей для продолжения рода?

— Да. Но у меня не было ни одного. Старшие ведьмы всегда первые. После того, как посетители заканчивают с ними, им не интересны младшие ведьмы.

Марко неодобрительно хмыкнул. Только могучий мужчина сможет справиться с этой иерархией.

В сумерках зазвучала труба, и появились бегущие фигуры. Луч света коснулся Марко и Халрана.

— Сдавайтесь! — прозвучал высокий женский голос с мнаенским акцентом. — Брось топор, чужак, или мы истыкаем тебя стрелами!

Марко увидел, что некоторые из подошедших подняли арбалеты. С такого расстояния они вряд ли промахнутся, даже в почти полной темноте. К тому же на мужчинах не было доспехов. Даже если они спасутся, то не смогут покинуть остров без посторонней помощи — ведь им нужно надуть шар.

— Они поймали нас, — сказал Халран. — Зачем вообще я затеял это рискованное дело...

Марко вытащил топор из чехла и бросил на землю.

— Вперёд! — выкрикнул тот же высокий голос.

— Госпожа, — начал Марко, — мы просто безвредные путешественники, которые...

— Молчать!

В городе Мнаенне дома были маленькими, но прочными, построенным из островного черного базальта. Они оказались широкими и приземистыми, как будто строители боялись, что ураганы унесут их.

Ведьмы появлялись в дверях домов, с искренним любопытством разглядывая пленников. Марко слышал отзывы о своей внешности и сомнительные характеристики, которые заставили его покраснеть.

Дома стали больше, когда они достигли храма в центре. Храм возвышавшийся на три этажа над остальным городом. От огромного центрального купола в девять сторон отходили крылья.

Сопровождающие втолкнули Марко и Халрана в дверь в конце одного из крыльев и повели по коридору.

В свете внутренних ламп Марко удалось лучше рассмотреть захватчиц. Это были вооруженные женщины, одетые в блестящие латунные кирасы, приспособленные для женских форм, килты; а на головах у них красовались шлемы с забралом. Некоторые несли арбалеты, а некоторые — лёгкие пики. У всех были клинки — то ли большие кинжалы, то ли маленькие мечи, свисавшие с

пояса. Они не выглядели угрожающе; но, напомнил себе Марко, будь он хоть в два раза больше, удар острым наконечником копья лишил его жизни, и не важно, кто нанесёт такой удар.

Женщины не пользовались косметикой, как в англонианских городах, но они были изящнее и привлекательнее неряшлиевых грязнуль, обитательниц Византии. Частое появление светлых волос и голубых глаз указывало на англонианское или европианское происхождение. Синти зашла внутрь вместе со всеми. Марко увидел, что у неё зеленоватые глаза и коричневые волосы с сильным рыжим оттенком.

Синти оказалась пышной и полногрудой, девушку нельзя было назвать красивой, но она оказалась вполне симпатичной.

Марко привели в комнату, где сидела женщина в годах, худая, с суровым взглядом. Солдаты-женщины со звоном салютовали своими пиками. Старшая, которая отдавала приказы путешественникам, положила топор Марко на стол, и рассказала о случившемся. Марко не понял всего, потому что она быстро говорила на незнакомом диалекте, но сделал вывод, что он и Халран злоумышляли против Великого фетиша.

Худая старая женщина посмотрела на мужчин и сказала Халрану:

— Я стрингиарх Катлин. Расскажи мне свою историю, незнакомец.

Халран начал:

— Вот как всё было, госпожа. Я доктор Боэрт Халран, философ из университета Ланна. Я занимаюсь экспериментами беспримерной важности...

Халран углубился в технические детали воздухоплавания, которые становились всё более непонятными, и наконец Катлин не прервала его:

— Полагаю, вы говорите на англонианском, хотя это не имеет значения. Я просто должна заметить, что вы, философы, можете ожидать от нас наименьшего милосердия, так как с помощью своих изобретений вы пытаетесь воспроизвести все чудеса, которых мы добиваемся магией, лишая нас этим средств к существованию. Хорошо, толстяк, теперь ты расскажи свою историю, и старайся говорить по существу, а не как этот старый олух.

Марко сказал:

— Госпожа, меня зовут Марко Прокопиу, я помощник доктора Халрана. Он изобрёл этот воздушный шар, как он пытался вам сообщить. Мы вылетели на нем в Виену, но ураган сбил нас с курса, поэтому нам пришлось приземлиться в Афке. Когда мы убедили афканцев отпустить нас, штиль отсрочил наше возвращение домой, поэтому пришлось садиться здесь. Мы искренне просим прощения за нарушение, и готовы улететь, как только сможем накачать шар, предполагая, что ветер не изменится.

— Интересная история, — сказала Стингиарх. — Скоро я узнаю, правдива ли она, и что с вами делать. Бросьте их в камеру и вызовите главную предсказательницу.

Солдаты-женщины провели Марко и его спутника по залам, поворачивая то туда, то сюда, пока Марко не запутался. Они спустились по лестнице, прошли в дверь с бронзовой решёткой, которая захлопнулась за ними, и дальше в камеру с подобной же дверью. Охранницы заперли и эту дверь и ушли. Пленники остались в полутьме, разгоняемой слабым светом фонаря, висевшего на стене дальше по коридору.

10

Ничего не происходило так долго, что Марко подумал, будто наступил новый день. Обычно подвижный Халран сидел, обхватив голову руками и бормоча:

— Ох, каким же глупцом я был, что так распорядился своим шансом! Теперь мы точно погибнем...

— Тише, — рыкнул Марко. — Кто-то идёт.

В коридоре слышались легкие быстрые шаги. Кто-то остановился у решётки, и Марко понял, что это была самая молодая девушка, которая первой встретила их на Мнаенне.

— Синти! — сказал Марко.

— Не кричи! — ответила она. — Вы должны исчезнуть, потому что они решили убить вас, и я... Если только... и, должно быть, скоро, потому что... Поэтому я дам вам...

— Успокойся, дитя, — сказал Боэрт Халран; его отчаяние осталось в прошлом.

Синти слегка сглотнула и продолжила:

— Иерархия решила убить вас.

— Почему? — спросил Марко. — Что мы сделали? Нужели они не судят людей, как в цивилизованных странах? Даже афканцы решили, что мы безвредны.

— О, вас судили.

— Я не знал этого.

— Ну, суд здесь отличается от континентального. Судит ворожба.

— Как?

— Да, так. Метод ворожбы выбирается наугад из книги Пророчества, когда кинжал вонзают между страницами. В вашем случае выпал метод марван-транса. Предсказательница вошла в транс и увидела ваши шеи

на алтаре, и стрингиарха, отрубающую ваши головы твоим же топором во славу Эйнштейна.

— Ох! — сказал Марко.

— Я не должна была об этом знать, но я подслушивала через щель в двери. Они спорили. Мара возразила, что так можно разобраться с доктором Халраном, господин Прокопиу не будет мирно держать голову на алтаре. Он может освободиться и начать рубить их. Валри, епископ, сказала, что стрингиарх недостаточно сильна, учитывая её возраст и то, что у господина Прокопиу толстая шея, поэтому она может промахнуться и повредить алтарь. Клаер была против процесса, так как считала его варварством, ведь на Мнаенне человеческих жертвоприношений не случалось около столетия.

Марко спросил:

— Так почему они не передумали?

— Катлин настояла. Она очень набожная, знаете ли. Но она признала, что не сможет аккуратно отрубить тебе голову. Поэтому утром сюда пришлют воинов расстрелять вас из арбалета. Потом они вытащат ваши тела наверх, положат их на талисманный стол напротив алтаря и ритуально отрубят вам головы, возможно, отпилият.

— О, боги! — воскликнул Халран. — Это ужасно. Марко, сделай что-нибудь! Придумай что-то! Вытащи нас отсюда!

Марко спросил:

— Синти, ты говорила, что можешь нам помочь.

— Могу.

— Как?

Синти протянула связку ключей.

Марко сказал:

— Что нам делать, когда мы выберемся наружу?

— Не знаю. Я думала, вы могли бы протянуть веревочную лестницу, спуститься вниз и взять одну из наших рыбакских лодок.

— Какого они размера?

— О, один или два человека могут управлять ими. Но я забыла об охране, которая размещена у лестницы, откуда могут проникнуть захватчики.

Халран произнёс:

— Сомневаюсь, что такое маленькое судёнышко сможет переплыть море. Но если бы мне помогли наполнить воздушный шар...

Синти спросила:

— Что вам нужно для этого?

— Возможно, дюжина рук и запас торфа. Я мог бы рассказать, как надуть мешок, и к утру мы могли бы отправиться.

Марко проворчал:

— Так и вижу, как старая стрингиарх говорит: да, господа, с радостью. Если только... — он повернулся к Синтии. — А где она сейчас?

— Спит, я полагаю. Все легли спать, кроме ведьмы, которая стоит на страже храма. Поэтому я так легко украдала ключи.

— Вы не держите здесь серьёзной охраны?

— Зачем? Здесь почти не совершают преступлений; камеры не используются месяцами. Мы держим отряд ведьм на скале, чтобы защищаться от внешних врагов.

— Где спит стрингиарх? — спросил Марко.

— В конце второго этажа четвертого крыла. Идёте вверх по лестнице, поворачиваете налево, проходите по залу, вверх по другой лестнице и обратно к центру...

Марко попросил Синти несколько раз медленно повторить сложный маршрут, пока не подумал, что запомнил его. У неё была раздражающая женская привычка указывать направления «вверх» или «вниз», и

Марко стоило некоторых психологических усилий переводить эти указания на язык направлений компаса.

Синти сказала:

— Надеюсь, вы не собираетесь навредить Катлин. Хотя я и не люблю её, но не хочу быть соучастницей её убийства.

— Конечно, нет, — ответил Марко. — Я хочу убедить её отдать приказ, чтобы нам помогли.

Он протянул руку за ключами, но Синти отодвинулась от решетки, сказав:

— О нет, есть одно условие.

— Какое?

— Вы должны взять меня с собой.

— Что? — Марко обменялся взглядами с Халраном, который сказал:

— Боюсь, моя дорогая, наш воздушный шар не выдержит так много веса.

— Он выдержит меня и одного из вас, не так ли?

— Ни один из нас не бросит другого, — ответил Марко.

— Нет путешествия — нет ключей, — заявила Синти.

— Перестань! — произнёс Марко. — Почему ты так хочешь уехать?

— Потому что я ненавижу это место. Мне до смерти скучно. Я не хочу стать пиромантом и провести всю жизнь, пляясь в огонь в поисках видений. Думаю, это всё чепуха. Я хочу быть домохозяйкой, как женщины на материке, хочу мужа и собственный дом...

В её глазах сверкнула слеза.

Марко подумал и сказал:

— Я с радостью возьму тебя, но доктор Халран знает, о чём говорит. Нет смысла брать всех, только чтобы опуститься на море пять минут спустя. Говорю тебе...

— Говоришь мне что? — спросила она, и Марко умолк:

— Клянусь всеми богами, что если ты поможешь нам выбраться отсюда, я сделаю всё возможное, чтобы вернуться и забрать тебя.

— Ну...

— Подумай, — продолжал Марко. — Я византианец. Ты слышала, не так ли, как все византианцы соблюдают клятвы?

— Д-да, хотя, подозреваю, ты не всегда так порядочен, как заявляешь, — Синти снова заколебалась. — Хорошо, я сделаю это. Но если ты меня обманешь, я нашлю на тебя все колдовские заклятья из арсенала Мнена.

Марко улыбнулся:

— Я думал, ты не веришь в них.

— Я не совсем не верю в них. Некоторые могут сработать. Вот, держи ключи, но дайте мне время вернуться в спальню перед побегом. Не хочу, чтобы меня как-то связали с этим делом.

— Если я досчитаю до пятисот, этого будет достаточно?

— Думаю, да, если ты не будешь считать слишком быстро. Прощайте и удачи!

Марко и Халран подождали; Марко считал. Потом Марко подбирал ключи, пока не нашёл тот, который открывал дверь их камеры. Он двинулся к выходу, но обернулся к философу.

— Мы не можем так идти по комнатам, — прошептал он, указывая на свои тяжёлые ботинки и на низкие, но крепкие ботинки Халрана.

Они сняли обувь и понесли её с собой. Марко, следя указаниям Синти, вёл напарника вверх по каменным ступеням, изгибам и поворотам бесконечных тоннелей. Там не слышалось ни звука, а свет исходил только от редких ламп.

Они остановились у больших закрытых дверей. Халран пробормотал:

— Уверен, здесь она сказала повернуть направо; надо войти в эти двери.

— Нет, нет, — ответил Марко. — Она имела в виду идти на север, пока сам коридор не повернёт.

Они шепотом спорили. Наконец Халран сказал:

— Что ж, давай, по крайней мере, посмотрим, что находится за этими дверями.

Марко осторожно потянул за ручку. Правая дверца открылась со слабым скрипом, у него за спиной раздался вздох Халрана.

Они вошли в храм. Единственным источником света была лампа; в лучах которой Марко разглядел талисманный стол. Свет не рассеивался.

Вверху слабый свет отражался от драгоценных камней и металлических украшений.

Марко закрыл дверь за ними и на цыпочках двинулся к центру помещения. Дальше стояли скамьи, впереди — стол с лампой. За столом с талисманами располагалась большая, массивная перекладина. Марко посмотрел на Халрана и сделал рубящее движение ребром ладони. Он положил ботинки и перебрался через перекладину.

За ней высился алтарь, пирамидальное сооружение с полудюжиной ступеней с каждой стороны. Другой стол или другой постамент находился на вершине алтаря. То, что лежало на этом постаменте, и большая часть самого постамента были скрыты золотой материей, наброшенной сверху.

Марко приподнял ткань и увидел Великий фетиш. Как и рассказывала Синти, он состоял из кучи маленьких прозрачных коробочек, каждая немногим больше колоды игральных карт. Коробочки были расставлены в форме пирамиды. Марко предположил, что всего их было сорок — пятьдесят.

Марко сказал:

— Давай возьмем их с собой.

— Все?

— Почему нет?

— Хотя бы потому, что все мы не унесём. Кроме того, если мы возьмем все, ведьмы заметят пропажу и расстерзают нас на кусочки, даже если мы захватим их верховную жрицу в заложники. Но если ты положишь пачочку в карман...

Прекратив спор, Марко освободил две верхние коробки с вершины пирамиды от золотой веревки, которая опоясывала конструкцию, и положил их в карман овчинной куртки. Из-за того, что он убрал коробки, веревка обвисла. Чтобы сделать пропажу менее заметной, Марко сделал на верёвке петлю и затянул потуже. Потом опять накинул на пирамиду золотую ткань.

Они выбрались из храма и закрыли за собой двери. Марко прошептал:

— Я знаю, где мы. Дальше по коридору находится помещение, где Струнгиарх допрашивала нас. Пойдем.

— Зачем?

— Увидишь.

Марко поспешил по коридору. В помещении было темно, но достаточно света проникало через дверь, поэтому глаза, привыкшие к тусклому освещению, могли увидеть обстановку. Он поиском топор, но его не оказалось ни на столе, ни на стенах. Наконец Марко начал выдвигать ящики стола, которые застrevали и скрипели; Халран испуганно зашипел:

— Черт тебя побери, Марко,тише! Ты...

В этот миг Марко потянул последний ящик, который застрял, а затем поддался с пронзительным скрипом. Его рука нашупала в темноте рукоятку топора, но тут дверь приоткрылась, и женский голос закричал:

— Эй! Что...

Марко мельком увидел силуэт ведьмы в обмундировании, с пикой на плече. Он из-за стола прыгнул на женщину, по дороге сбив с ног Халрана. Прежде чем она успела еще что-то сказать, Марко ударил её.

В византианской культуре было распространено рыцарское отношение мужчин к женщинам, а женщины придерживались определённых ограничений. В общем, именно поэтому Марко ударил женщину обухом топора, а не остиём. Удар обрушился на бронзовый шлем и свалил стражницу на пол.

— О боги! — выдохнул Халран в наступившей тишине. — Что мы наделали!

Марко затащил тело женщины в комнату и тихо закрыл дверь. Ему показалось, что прозвучал голос, задающий вопрос; затем наступила тишина.

— Она жива,— донёсся шепот Халрана.

— Я всего лишь ударил её обухом, чтобы оглушить. Возьми её меч.

— Но... но я совсем ничего не знаю об оружии...

— Ох, Земля! Тогда неси мои ботинки. Сюда. Если бы я знал, что встречу её...

Марко сам подхватил маленький меч.

— Пойдем.

Миновав ещё один длинный переход и ещё одну лестницу, они оказались у двери, ведущей в покой Стингигарха. Марко коснулся двери из карликовой ступы. Она была заперта.

Марко безрезультатно возился с дверью; потом он произнёс:

— С виду кажется непрочной. Думаю, я смогу выломать её хорошим ударом. Но если мне не удастся с первого раза...

— Я понял, — сказал Халран. — Может, лучше разрушить её?

— Нет, для этого потребуется несколько ударов. Шум привлечёт ведьм. Отойди.

Марко разбежался и обрушил весь свой вес на дверь. Изнутри ее удерживал маленький засов, который, в свою очередь, крепился к дереву четырьмя гвоздями. Когда Марко прыгнул на дверь, засов пролетел через всю комнату. Дверь со стуком открылась. Марко по инерции ввалился внутрь.

Комната оказалась гостиной, а не спальней; её слабо освещала настольная лампа. Марко услышал резкий голос:

— Кто там? Что происходит?

Идя на голос, он отыскал спальню и коснулся кончиком меча груди стрингиарха как раз тогда, когда она села в постели.

— Ведите себя тихо и делайте, что говорят, тогда останетесь в живых, — сказал он.

В коридоре зазвучали голоса. Халран ввалился в спальню:

— Ведьмы!

— Прикажи им оставаться снаружи, — приказал Марко, прижав меч к телу женщины.

— О-оставайтесь снаружи, девочки! — сказала Катлин. — Чего вы хотите, два бандита?

— Уйти, — ответил Марко. — Доктор, объясни всё нашей хозяйке.

Халран изложил пожелания по поводу торфа и надувания воздушного шара. При упоминании о количестве торфа Катлин упёрлась:

— Нелепо! — закричала она. — Нам приходится бежать каждый кусочек привезённого торфа, его нет на острове. Вы...

Она умолкла, когда Марко ещё немного вдавил лезвие, и спросила:

— Сколько времени это займет?

Марко не мог не восхититься ее хладнокровием.

— А сколько сейчас времени? — спросил Халран.

— Примерно половина четвёртого. Я только что легла.

— Тогда, по крайней мере, до рассвета, — ответил Халран.

— И, — добавил Марко, — мне придётся постоянно угрожать вам мечом; первое же неосторожное движение...

— Прекратите паясничать, господин разбойник, — сказала Катлин, сбрасывая покрывало. — Надеюсь, вы не заставите меня стоять голой всю ночь на краю скалы?

— Нет, — ответил Марко, скрывший смущение, когда передавал топор Халрану. — Встань в проходе, доктор, на случай, если она обойдёт меня. Одевайтесь, госпожа.

Стрингиарх Катлин прикрыла свою наготу одеждой, пока Марко стоял на страже. Когда она закончила, Марко ухватил ее за запястье, завел левую руку за спину, и вывел из комнаты, прижимая острие ножа к спине.

Когда воздушный шар накачали, Мафрид стоял уже высоко в бирюзовом небе. Боэрт Халран измерил ветер и сказал:

— Запрыгивай, Марко.

Халран ослабил парусиновую трубу, которая отходила от большой торфяной печи, и ведьмы вытащили её из шара. Он вскочил в корзину. Марко, все ещё сжимавший запястье Катлин, бросил свой короткий меч в корзину и забрался следом.

— Развяжите верёвки! — скомандовал Халран.

Он отвязал пару мешков с балластом. Ведьмы ослабили верёвки, привязанные к кольям, которые удерживали воздушный шар. Марко отпустил руку Катлин, когда шар оторвался от земли.

Едва Марко освободил ее, стрингиарх отпрыгнула от корзины.

— Стрелы! — закричала она. — Арбалеты!

Из-за ближайших зарослей карликовых ступ выбежала группа ведьм с арбалетами наготове. Добежав до того места, откуда взлетал шар, они вскинули оружие.

Воздушный шар быстро поднимался и двигался на запад. Путешественники всё ещё оставались в зоне досягаемости арбалетов. Боэрт Халран наклонился через край корзины, приложил большие пальцы рук к ушам, задвигал пальцами, высунул язык и прокричал:

— Ну, ну, ну!

Засвистели стрелы. Оба мужчины наклонились через край корзины. Две стрелы застряли в корзине. Другая со звоном попала в маленькую торфянную печь, остальные пронеслись мимо. Когда арбалетчицы снова подготовились стрелять, воздушный шар был вне зоны обстрела. Тем не менее, две женщины-стрелка попробовали длинные выстрелы. Стрелы полетели вверх, замедлили движение, зависли на миг и понеслись к земле.

Мнаенн отдался и уменьшался, пока люди не стали размером с муравьев. Марко сказал:

— Что заставило тебя кричать на них таким недостойным образом, доктор?

Халран ответил:

— Если бы я этого не сделал, они могли бы стрелять в мешок, который легко продырявить.

— А если бы воздух вырвался через дыры, мы бы упали?

— Я не знаю. Не думаю, что из-за одного или двух маленьких проколов мы бы приземлились раньше времени. Но из-за таких отверстий могла порваться ткань, а после этого мы бы упали, как камень.

— Ох! — выдохнул Марко.

— Я снова благодарю тебя, Марко. Я мирный человек, который не испытывал приступов ярости с юности. Без твоих железных нервов и стальных мускулов сейчас я был бы мёртв, как Древние; а без твоих мозгов моя голова стала бы трофеем афканцев.

Марко покраснел:

— Пожалуйста, доктор. Ты же знаешь, я не горжусь теми пустяками, которые совершил; я просто должен был так поступить. Чего мне действительно хочется, так это университетской степени.

— Разве это не вечная противоречивость человеческой расы? — заметил Халран. — Когда я был молод, то хотел стать могучим спортсменом и путешественником. Так как я был высоким, тощим, неуклюжим маленьким терсопром, у меня не было шансов. Ты, с твоей силой, которой хватило бы на двоих мужчин, хочешь быть бледным, слабым учёным. Если боги сотворили человека, в чём я сомневаюсь, они должны были сделать его таким, чтобы он иногда радовался тому, что имеет, а не мечтал вечно о том, чего у него нет.

— Если бы они так сделали, мы были бы просто животными, — ответил Марко. — И куда мы направляемся теперь?

Халран развернул карту.

— С такой скоростью мы достигнем еропианского побережья примерно через шесть часов. Тем не менее, это не та часть Еропии, которая нам нужна. Мы приземлимся где-то рядом с Амбуром или Пари. А сейчас прости меня — кажется, мне надо вздремнуть.

11

Марко проспал большую часть пути. Они достигли еропианского побережья к полудню.

Страна, над которой они пролетали, была густо населена. Когда они снижались над городом или деревней, Марко иногда замечал группы еропианцев, бегущих за ними и показывающих на воздушный шар.

Марко был расстроен, так как не смог забрать с собой Синти. Конечно, он мало знал её, но она показалась Марко той самой девушкой, которая ему нужна. Его чрезвычайно привлекала её невинность. Найти англо-нианскую девушку с такими достоинствами было практически невозможно.

После полудня иссякли запасы балласта и топлива. Халран опустил верёвку-тормоз так, что она волочилась по земле. Верёвка действовала как автоматический регулятор высоты. Когда воздушный шар снижался, она ещё больше разматывалась; шар, освобождённый от веса, снова взлетал. Они избавились от необходимости постоянно поддувать шар воздухом и сбрасывать балласт для поддержания высоты, с этим механизмом они смогли пролететь многие мили.

Тем не менее земля всё приближалась, несмотря на хитрость с верёвочным тормозом. Халран сказал:

— Марко, подыскивай хорошее незасеянное поле у дороги. Не хочу раздавить чей-нибудь урожай.

Когда воздушный шар снизился, Марко заметил подходящее поле. Еропианские крестьяне вспахивали его с помощью быков.

Халран выпускал воздух, пока корзина не оказалась в нескольких футах от земли. Крестьяне бросили скот и убежали. Быки тоже бросились бежать с рёвом. Когда животные пересекли несколько полей, они забыли о страхе и начали жевать траву.

— Тяни! — закричал Халран.

Марко потянул за разрывной шнур. Они приземлились. Затем путешественники выпутились из веревок, отвязали их и сложили в мешок для перевозки.

Они как раз занимались этими делами, когда чьи-то голоса заставили Марко обернуться. К ним приближалась группа еропианцев: коренастые мужчины в маленьких черных шапочках, с вилами и другими инструментами в руках.

— Что такое? — спросил Марко, делая шаг им на встречу.

Еропианцы тараторили и жестикулировали. Казалось, один подговаривает других напасть на воздухоплавателей.

Марко немного знал письменный еропианский, но не понимал его, когда быстро говорили на местном диалекте. Тем не менее, враждебные намерения крестьян были настолько очевидны, что он взялся за ручку топора.

— Подожди, Марко, — сказал Халран и заговорил с еропианцами на их языке.

Крестьяне посмотрели на Халрана и начали спорить ещё громче, чем до этого.

— Они думают, мы демоны, — сказал Халран. — Тьфу! Выглядят они весьма угрожающе. Нет никого опаснее, чем невежественные и напуганные люди.

Он снова заговорил, повысив голос, чтобы его услышали. Крестьяне не обращали на него внимания. Теперь они пришли в ярость. Еропианцы трясли кулаками, кричали, бралились, прыгали вверх-вниз, размахивали инструментами и выкрикивали угрозы. Марко сказал:

— Доктор, возьми этот маленький меч. Если они набросятся на нас, нам бы лучше тоже атаковать их.

— О нет, Марко! Не сопротивляйся им! — закричал Халран. — Если бы я заставил их выслушать...

Марко вытащил топор, снял овчинную куртку и накинул её на левую руку как щит. Если он сможет убить парочку, остальные разбегутся сами.

Прежде чем началась битва, с ближайшей дороги донесся стук копыт. Ездок остановился и повёл лошадь к толпе, выкрикивая приказы. Всадник носил самый великолепный костюм, который Марко когда-либо видел. Он состоял из высокой цилиндрической шляпы с блестящим чёрным верхом и латунными украшениями спереди, красного плаща с латунными пуговицами и высоких, блестящих черных сапог. В руках мужчина держал саблю.

С прибытием этой личности все крестьяне обернулись, бросили мотыги и вилы и опустились на колени, склонив головы. Затем они встали, начали показывать

на путешественников и что-то бормотать. Всадник подъехал ближе и задал ряд вопросов, по предположению Марко: «Кто вы? Откуда вы? Как вас зовут? Где вы родились? Какое у вас гражданство? Чем вы занимаетесь? Что вы здесь делаете?»

Халран отвечал. Всадник спросил:

— Правда ли, что вы спустились с неба, как говорят эти неотёсанные мужланы?

— Да, сэр... — начал Халран, но тот прервал его:

— Вы под арестом за незаконную иммиграцию, применение магии без разрешения и буйное поведение. Покажите свои документы.

Когда они отправлялись в путь, Марко удивлялся, как много разнообразных документов его друг был обязан собрать перед путешествием в Еропию. Халран заверил своего помощника, что при посещении этой страны документов не может быть слишком много. Сейчас Халран протягивал эту кипу бумаг всаднику. Тот убрал саблю в ножны, приложил лорнет к глазам и просмотрел бумаги. По-видимому, он прочитал каждое предложение. Крестьяне стояли у него за спиной, сбившись в кучу и что-то бормоча.

В конце концов еропианец вернул документы. Он сложил лорнет, вытащил саблю, повертел ей как будто в приветственном жесте и снова убрал. Он заговорил на англонианском, но с сильным акцентом:

— Тысяча извинений, Ваше превосходительство! Миллион извинений за причиненные вам неудобства! Но, понимаете, я всего лишь скромный полицейский, и это моя обязанность. Полицейский Джаком Сзнайдер к вашим услугам, господин доктор, если вы проявите невыразимое великодушие и проследуете со мной в полицейский участок в Утреке, я подготовлю вам документы для внутреннего путешествия.

— Что вы имеете в виду? — спросил Халран.

— О, эти документы позволяют вам въехать в Еропию, но вам нужны специальные разрешения, чтобы путешествовать из одной провинции в другую. Не беспокойтесь. Утрек находится в миле вниз по дороге, я сам привезу бумаги.

— Как насчёт организации перевозки моего воздушного шара в Виен? — спросил Халран.

— Это можно сделать в Утреке. Дайте подумать... У Айнри Лафонтена есть большая повозка и четверо домашних. Конечно, вам, как иностранцу, нужно специальное разрешение, чтобы нанимать коренных европианцев. Также вы должны поклясться, что не станете браться за работу, которая обеспечит конкуренцию одной из наших ремесленных гильдий; это также облагается небольшим налогом. Но не бойтесь. Я, Джаком Сзнайдер, устранию все проблемы с невероятной быстрой!

— И где находится Утрек, офицер? — спросил Халран.

— Там! — ответил Сзнайдер, взмахнув рукой. — Вы можете увидеть крыши.

— Я имею в виду, где он на карте? Что находится рядом с ним?

— Ну... Мы примерно в пятидесяти милях к северо-западу от Пари.

Халран вздохнул:

— Это значит, в нескольких сотнях миль от Виена, а проклятый съезд начинается завтра!

— Почему вы не можете полететь в Виен на своей машине? — спросил Сзнайдер.

Халран объяснил, что воздушный шар летает только вместе с ветром, и они поехали в Утрек.

Три дня спустя повозка Айнри Лафонтена, везущая Бозрта Хадрана, Марко Прокопиу и воздушный шар, с

грохотом въехала в Виену, старый серый город, построенный на внутренней стороне изгиба реки Дунау.

Во время этого этапа странствий Марко высоко оценил способности Халрана к путешествиям по цивилизованным странам. В этой стране бланки и инструкции сопровождали каждый шаг, вездесущее правительство всё прибрало к рукам и всех контролировало. Полицейский Сзнайдер, например, помог им не по доброте душевной, а потому, что считал, что Халран вручит ему щедрый подарок на прощание. В Византии предложение человеку денег, которые ему не причитались и которых он не просил, считалось оскорблением чести. Иногда путешественников убивали за то, что они предлагали гордым византианцам денежное вознаграждение. «Другие страны, другие обычаи» — напомнил себе Марко.

Стражи у ворот Виена, как обычно, полчаса сосредоточенно изучали документы Халрана, прежде чем пропустить повозку. Возница Айнри Лафонтен вёз их по извилистым улицам, мощёным булыжниками, мимо богато разукрашенных домов магнатов, власть которых уничтожил Алзандер Мирабо. Повозка остановилась у старого здания, которое было предоставлено для съезда философов.

Здание охраняли кавалеристы императорской охраны Према, они были с ног до головы облачены в кольчуги и цилиндрические шлемы с забралами и держали в руках алебарды. Марко видел небольшие группы мужчин и нескольких женщин, прогуливающихся около здания. Еропианцев можно было узнать по бритым головам. Будучи лысым, Прем сбривал те немногие волосы, которые у него росли. Тем самым он ввёл официальную моду.

После еще одной проверки бумаг охранники пропустили повозку на территорию, где проводился съезд. По-

дошли несколько человек. Халран приветствовал некоторых из них. Большой, крепкий парень с рыжей бородой вышел вперёд собирающейся толпы, воскликнув:

— Боэрт! Что, во имя Земли, ты здесь делаешь?

— Привёз свой воздушный шар на съезд, как и обещал, — ответил Халран.

— Глупец, разве ты не знаешь, что раз ты здесь, тебе не позволят уехать?

— Пойдемте в приемную, там мы сможем поговорить, — сказал рыжебородый. Халран представил его Марко как Ульфа Тоскано, математика и председателя съезда.

— Что здесь происходит? — жалобно спросил Халран.

— После всех трудностей, которые мы преодолели, добираясь сюда...

Тоскано ответил:

— Вы следовало приехать к открытию — впрочем, вы всё равно угодили бы в ловушку. Вы пропустили вчерашнюю демонстрацию братьев Чимей.

— Кто такие братья Чимей, сэр? — спросил Марко.

— Оптики из Мингкво. Они сделали потрясающую вещь. Райоск Чимей изобрёл предмет, который он назвал телескоп, с его помощью далекие вещи выглядят как близкие, а Дама Чимей изобрёл то, что он назвал микроскоп — если заглянуть в него, то вещи выглядят больше, чем на самом деле. Мы выстроились в очередь длиной в сотню футов, чтобы заглянуть в телескоп, он показал скопление звёзд там, где мы могли разглядеть только одну. Он показал лунные горы и долины. Сейчас облачно, но, возможно, Дама Чимей позволит вам посмотреть в его микроскоп. Вид капли стоячей воды в этой штуковине обеспечит вам кошмары. Это величайшее открытие со времён парового двигателя. А сегодня утром Прем прислал сюда солдат и объявил об этих идиотских дебатах.

Тоскано открыл массивную дверь из ступового дерева и провёл гостей в вестибюль. Через двери главного зрительного зала Марко увидел спины собравшихся, прислушивавшихся к спору маленькой группы мужчин, сидевших на сцене.

Марко спросил:

— Что там происходит, сэр?

Тоскано объяснил:

— Обсуждение самого древнего вопроса: можно ли паровую энергию применить для наземного перемещения? Я давно доказал, что это невозможно. Можно построить маленькую латунную модель, которая потянет несколько вагонов по столу, но когда дело дойдет до больших размеров, вмешивается фактор веса — и всё идёт насмарку.

Тоскано провёл их вверх по лестнице в большую комнату. Там стояли кресла и столы, на которых были сложены книги и журналы. Вокруг сидели философы, они курили, читали, тихо переговаривались, играли в бридж или шахматы или просто отдыхали. Хадран запричитал:

— Но к чему эти нелепые дебаты?

— Успокойся, Боэрт. Если ты собираешься умереть, сделай это как мужчина. Ты знаешь, в Еропии была страшная суматоха из-за теории Падения. Археологи и историки утверждают, что сейчас у них есть убедительные доказательства в её пользу, в то время как Экклетическая Церковь осуждает её и требует, чтобы против нас использовали старые законы о ереси. Обычные люди тоже обеспокоены, некоторые из них за, некоторые против, хотя только один из сотни знает, что собой представляет эта теория. Дошло до того, что мы не смеем носить наши академические мантии за границей, потому что боимся — в нас полетят камни. Может быть, философская гильдия должна гнуться по ветру, но вместо

этого мы бросаем вызов Эволюционистам и просим Миррабо разрушить Церковь.

— И? — произнёс Халран.

— Нынче утром Прем объявил, что завтра днем здесь должны состояться большие дебаты между сторонниками и противниками Падения, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда. Если он решит, что правы сторонники Падения, он разрушит церковь и казнит всех священников, но если выиграют Эволюционисты, он отрубит всем нам головы.

— Святые боги! — сказали Халран и Марко в унисон.

Халран добавил:

— Он сошел с ума?

— Нет; так ведет дела наш маленький Прем. Какая бы сторона ни оказалась правой — или какую бы он ни счёл правой — ее представители получат всё, о чём попросят, в то время как неправые, которые вводили в заблуждение народ, умрут как сборище опасных лжецов и болтунов.

Халран застонал:

— Проклятье! Проклятье! Зачем я родился? Я должен обратиться к Прецу Англонии! Мы можем отправить сообщение?

— Возможно, но не думаю, что стоит ожидать действий от вашего правительства прежде, чем всё закончится. Кроме того, как я слышал, ваш Прец считает убийство философов избавлением. Он великий крестьянский лидер, для него то, что не пахнет навозом, бессмысленно. — Тоскано щелкнул пальцами.

Халран собрался с силами:

— Тогда, очевидно, мы должны выиграть дебаты. Мой друг магистр Прокопиу может помочь. Его преследуют в Византии как неисправимого сторонника Падения.

— Да? — сказал Тоскано. — Правда?

— Буду рад помочь, — ответил Марко. — У меня появилось много доводов в пользу Падения после моего процесса.

Тоскано заметил:

— Не думаю, что ты станешь оратором, ведь твой европианский недостаточно хорош. Но я назначу тебя в комитет, в который входят эксперты по дебатам, если ты сможешь внести какие-либо предложения. Но это работа на всю ночь.

Марко ответил:

— Сэр, я лучше лишусь ночного отдыха, чем головы.

— Хорошо. А теперь расскажите о своём приключении. Что вас задержало?

Халран поведал о приземлениях в Афке и Мнаенне и о побегах из тех мест.

Ульф Тоскано спросил:

— А где те коробочки с карточками, которые вы взяли из Великого фетиша?

Марко достал ящички из кармана и протянул их Тоскано, который открыл одну из коробок и вытащил карточку. Она была сделана из гладкого, желто-белого материала. Выглядела она как обычная игральная карта, но наощупь была намного плотнее, как будто ее сделали из металла. С обеих сторон она была покрыта маленькими серыми пятнышками, образующими прямоугольный рисунок с желто-белыми линиями между рядов. Тоскано вернул карточку.

— Не вижу в ней смысла, — сказал он. — Давайте прогуляемся и посмотрим экспонаты до ужина. Потом нам надо будет много чего сделать. И это плохо. Муган, один из наших лучших ораторов, собирался сегодня произнести речь о наследственности, но отпросился, потому что он слишком беспокоится о нашей судьбе.

Тоскано вывел гостей из приемной в холл. Некоторые маленькие комнаты использовались в качестве высту-

вочных залов. В одной, например, располагались диаграммы, представляющие теорию некоего ученого натуралиста о точной классификации кфоррианских живых организмов, с подготовленными образцами маленьких растений и животных для наглядности.

В следующей комнате был стол, на котором стоял микроскоп Дама Чимея с набором маленьких предметов — листьев, фрагментов ткани животного происхождения, бумаги, материи и так далее, — которые можно было рассматривать. Братья Чимей стояли за столом, отвечая на вопросы о приборе и показывая гостям, как с ним обращаться. Райаск Чимей занимался этим, потому что Дама Чимей не говорил ни на еропианском, ни на англонианском. Как и другие мингкворенцы, братья были низкорослыми, желтокожими, с прямыми черными волосами и плоскими широкоскульными лицами.

— Эй, доктор Чимей! — воскликнул Тоскано. — Вот еще несколько посетителей хотят повидать ваши чудеса. Это доктор Халран, который решил проблему воздушных перелетов, и его помощник магистр Прокопиу.

Райаск Чимей чопорно поклонился:

— Для нас честь, что такие уважаемые люди затруднили себя осмотром наших жалких безделушек, — проговорил он нараспев. — Если вы подождёте, когда закончит этот господин...

Райаск Чимей заговорил с братом на мингквохва, и Тоскано прошептал своим спутникам:

— Не позволяйте этой притворной скромности одуречить вас. Это просто мингквианские нравы. Они самые самонадеянные ребята, которых я встречал; для них всё за пределами Мингкво — варварская грязь.

— Прошу вас, господа, — произнес Райаск Чимей, и Халран склонился над микроскопом, охая и ахая, наблюдая за чудесами микрокосма. Пока Халран смотрел, Ульф Тоскано проговорил:

— Магистр Прокопиу, пожалуйста, покажите карточки, которые вы привезли из Мнаенна. Спасибо.

Он взял карточку и протянул ее Райаску Чимею, сказав:

— Поместите это под ваш увеличитель.

Райаск отдал карточку брату, который положил её под объектив микроскопа.

— Ого! — закричал Боэрт Хадран. — Эти маленькие пятнышки — буквы!

— Что? — удивился Тоскано. — Не говорите ерунды! Кто мог писать настолько маленькими буквами, что их даже не видно?

— Это печатные буквы.

— Но как это может быть? Для печати кто-то должен был сделать шаблон литер; кто-то другой отлить строку; кто-то еще вставить строку в пресс...

— Посмотри сам, — Халран уступил место Тоскано.

— Во имя Наполеона, это правда, — сказал председатель. — Но это напечатано на языке, которого я никогда не видывал. Я думал, что поверхностно знаю все языки Кфорри.

Халран сказал:

— Многие из этих букв похожи на наш алфавит, но сочетания странные.

— Нам нужен лингвист, — Тоскано осмотрелся и устремил взгляд на одного из философов, ждавшего своей очереди у микроскопа. — Бисмаак! Ты знаешь Дуерера?

— Да, — ответил Бисмаак.

— Тогда постараитесь найти его как можно быстрее.

— А я могу взглянуть? — спросил Марко.

— Ты принес сюда карточки, поэтому ты имеешь право видеть, — согласился Тоскано.

Под линзами Марко увидел целую печатную страницу в две колонки. Эта страница, понял он, осторожно передвигая карточку, была одним из серых пятен, не больше булавочной головки. Под стеклом пятно увеличивалось, пока не стало разборчивым.

Бисмаарк вернулся с мужчиной с бакенбардами, которого представили как Дуерера; тот взглянул в микроскоп и закричал:

— Это древний англонианский! Я могу немного прочитать, но нам нужен Доминго Бивар. Он посвятил жизнь изучению тех немногих писаний и надписей, которые сохранились на этом языке. Я приведу его.

Дуерер убежал. Спустя некоторое время он вернулся с маленьким мужчиной, смуглым, как арабистанец. Но-воприбывший, Доминго Бивар, был иверианцем, что было понятно по длине его волос, которые доходили почти до плеч. Доктор Бивар заглянул в микроскоп и начал прыгать вверх-вниз, как будто под ним раскалился.

— Эта вещь необычайна! — пронзительно вопил он.
— Сделайте одолжение, дайте мне взглянуть на другие карточки.

После следующего осмотра он сказал:

— Доктор Тоскано, мне нужен микроскоп, бумага, кофе и эта комната до завтра. Это возможно?

После долгого совещания учёные пришли к соглашению, что Бивар получит микроскоп в неограниченное пользование до завтра. Братья Чимей дали понять, что они останутся в комнате для наблюдения.

За ужином Марко увидел всех участников съезда. За исключением того, что некоторые носили одеяния далёких земель, таких как Арабистан и Мингкво, в философах не обнаружилось ничего необычного. Они выглядели как обычные люди, к легкому разочарованию Марко. Но он утешал себя мыслью, что если что-то случится, никто не сможет утверждать, что он не философ, основываясь на его внешности.

Комитет по подготовке дебатов собрался после ужина. Марко сел с остальными. Вскоре он понял, что его знания о Падении были слишком примитивными и здесь не представляли особой ценности. Когда он внёс предложение, все повернулись к нему, заявив:

— Да, дорогой магистр Прокопиу, но если бы вы побывали здесь сегодня днём, то узнали бы, что мы рассмотрели эту идею в первую очередь.

Поэтому Марко сидел и смущённо молчал, пока эксперты перебирали варианты. Они были полностью погружены в это, когда их прервал стук в дверь. Вошел Ульф Тоскано с бородатым мужчиной в рабочей одежде. Философы уставились на вновь прибывших. Один из них встал и сказал:

— Приветствую вас, Патриарх Юнгбор. Что привело Ваше Преосвященство в стан врага?

Заскрипели кресла, так как остальные тоже узнали главу Святой Эклектической Церкви. Хотя некоторые философы, судя по их замечаниям, были неистовыми антиклерикалами, все проявили учтивость.

Преподобный Пьер Юнгбор тяжёло опустился на край стола. Ардур Менсенрат, председатель комитета, спросил:

— Как, во имя Кфорри, вы попали сюда? Я думал, все вы под замком

Патриарх ответил:

— Там, где паства хранит веру, пастырь может получить нежданную помощь. Вы, господа, планируете свою часть завтрашних дебатов?

— Да, — ответил Менсенрат.

— Я здесь, чтобы сделать беспрецедентное заявление. Но прежде позвольте мне сказать, что мне мои доводы кажутся вполне разумными и основательными. Вы философы; вы гордитесь, что ваш разум открыт всему новому. Постарайтесь держать его открытым и в этом случае, пока не выслушаете меня. Это будет непросто.

Он осмотрел всех за столом. Менсенрат сказал:

— Продолжайте, уважаемый господин.

— Я прошу вас сдаться; умышленно проиграть нам.

Все затихли. Юнгбор кротко осмотрел длинный овал и продолжил:

— Естественно, вы спросите, зачем. Что ж, на это есть две причины. Первая — практическая. Как все мы

знаем, Алзандер Мирабо долго замышлял войну против Ивериана. Точнее, он планирует обойти Экваториальные горы и зайти им с тыла. Мы знаем, что правительство Ивериана слабо и занято подавлением восстаний, поэтому оно не выдержит вторжения. Касике — глупый старик, которого спасли от убийства честолюбивые подчинённые, потому что не смогли условиться о наследнике. Его провинция Стурия долгие годы открыто восставала. Он посыпает армию против стурианцев, но солдаты продаются врагам и дезертируют. Понимаете, какие шансы есть у иверианцев против сильнейшей армии в мире с лучшей дисциплиной.

Философ сказал:

— При таких условиях еропианское правление станет лучше?

— Нет. Во-первых, иверианцы, несмотря на то, что они предают и убивают друг друга, ненавидят иностранцев сильнее и будут биться с ними до последнего. Я был в Ивериане, я знаю. Они будут практиковать молниеносную, партизанскую войну. Прем сожжет города и перебьёт заложников в отместку; и большинство иверианцев умрёт вместе с многими нашими людьми. Эклектическая Церковь использовала всё своё влияние против этого преступления. Мы играли на вере Према, прельщали его надеждой о Земле и пугали Космосом, и тем самым сдерживали его. Но если он решит, что мы не правы, что его сдержит? Еще одно. Действуя вместе с Синкретической Церковью Византии, Свободной Церковью Англонии, Бармадисламом в Арабистане и так далее, мы предотвращали серьёзные войны на протяжении четырёх десятков лет. Вы хотите нарушить этот мир?

Другой философ заговорил:

— Патриарх, у нас есть свои идеи, хотя вы можете не верить в это.

— Я этого не говорил,— сказал Юнгбор.

— Особенную ценность мы придаём открытию правды. Мы думаем, она хороша сама по себе. В этом случае мы думаем, что отыскали правду, которая известна под именем Падение. Вы хотите этому помешать, не так ли?

Юнгбор ответил:

— Без сомнения, вы допускаете основательность аксиомы Сциполона, согласно которой «истина — это правда, а правда — это истина». Теперь подумайте, господа. Есть ли причина принимать как истину в первой инстанции именно такую идею, а не любую другую? Например, возьмем Эволюцию. Давайте предположим — я ничего не признаю, только допускаю ради спора — что Падение — это правда. И вот, настаивая на вашей вере, убеждая в ней людей и их правителей, вы сможете нарушить мир и начать ряд войн, которые будут хуже, чем те, которые когда-либо случались на этой безумной планете. Будьте уверены, англонианцы, византианцы и мингкворианцы не будут праздно бездействовать, пока Мирабо возвеличивается за счет иверианцев. Сейчас они боятся его. А с помощью этой летающей машины, которую изобрели англонианцы, эта война станет ужасней, чем когда-либо. Фактически, с помощью всех этих научных достижений, которыми вы так гордо хвастаетесь, вы сможете за один день стереть человечество с лица Кфорри, как, согласно мифам, предки теперешних богов некогда поступили на Земле. И тогда единственное, что всем нам понадобится — это безумец, управляющий народом... Вы видите в таком развитии событий что-то позитивное?

Менсенрат сказал:

— Есть ещё одна вещь, о которой вы не упомянули. Наши шеи.

Юнгбор кивнул:

— Это понятно без слов. Они и наши тоже. Я не придавал этому значения, потому что очевидно: наши предпочтения будут зависеть и от таких низменных мотивов. Но я и впрямь надеюсь, что смогу пробудить достойные чувства.

И, принимая во внимание такую возможность, упомяну и о второй причине. Я знаю, что многие из вас, господа, не принимают нашу веру. Вы говорите — то-то и то-то не имеет отношения к объективной истине и указываете на те случаи в прошлом, когда будто бы проявилась ограниченность наших умов. Но подумайте! Эта вера, объективно правильная или неправильная, логически обоснована. Она создавалась нашими величайшими богословами более половины тысячелетия. С её помощью мы удерживали людей под контролем. Мы умеряли их природную жестокость и свинскую похоть. Мы сделали для них возможной жизнь цивилизованных людей. Вы думаете, что создали цивилизацию своими изобретениями и открытиями. А на деле люди обходились без них пятьдесят или семьдесят пять лет назад. Но ваши изобретения и открытия начали появляться так быстро, что они революционизировали всеобщее мышление. Церковь — это единственный стабильный институт, к которому присоединялись ваши открытия. Но были бы изобретения и открытия полезными в отсутствие моральной силы, которая заставляет людей мягче относиться друг к другу? Как долго они оставались бы цивилизованными, если бы при каждом удобном случае человек бил бы соседа по голове, затаскивал его на кухню, поджаривал и съедал?

Вы смеётесь. Вы говорите, что я никогда не совершу ничего подобного. Я законопослушный гражданин без всякой поддержки сверхъестественных сил. Но вы, господа, обычные граждане? Вы знаете ответ. Вы отнюдь не являетесь членами этой огромной группы, которая

предпочитает зло добру, которая наслаждается проявлениями зла. Если вы не верите, что такие люди существуют, пойдемте со мной ночью на задворки — конечно, если мы переживём это испытание. Так, если вы убедите Према в своей «правде» и нисровергнете наши убеждения, кто поведёт людей? Вы думаете, что сделаете это с помощью уравнений и формул, которых они даже не понимают? Подумайте о том, что я сказал, господа, и спасибо, что учтиво меня выслушали. Спокойной ночи.

Когда патриарх ушёл, на мгновение повисла тишина. Член комитета сказал:

— Я могу и не соглашаться с ним, но этот старый дьявол внушает доверие.

— В этом случае он абсолютно честен, — сказал другой.

— Какая чушь!

— Всё сверхъестественное — просто выдумка, чтобы позволить группе фокусников, так называемых священников, жить, не работая.

— Нет, это совсем не так...

Они неубедительно спорили, не желая принимать окончательное решение. Обнаружилось, что все хотят сохранить головы на плечах и поэтому хотят выиграть дебаты, но им требовалось отыскать оправдание, чтобы не выглядеть самыми обычными, напуганными и корыстными людьми. Артур Менсенрат сказал:

— Во-первых, мы не знаем, станет ли наше выступление решающим фактором в принятии Премом решения о войне или мире. Мы только выслушали мнение Юнгбара. Насколько я знаю Алзандера Мирабо, он долго раздумывает. Если мы не дадим ему обоснований, это сделает кто-то другой. Во-вторых, несмотря на то, что мы будем сожалеть об уничтожении духовенства, мы можем подумать, что мы важнее для цивилизации, чем

они, и их легче заменить, чем нас. Наконец, если встанет вопрос о прекращении войн на Кфорри, мы можем поступить иначе. Но так вопрос не стоит. Юнгбор хватается миром прошлых десятилетий, но историографы рассказывают другую историю. Они говорят, что всё стало результатом равновесия сил между ведущими державами. Все вооружены и обижены, все полны родовой ограниченности, свирепого национализма и враждебной ксенофобии. Если Прем сейчас не затеет войну, мы не можем быть уверены, что кто-то ещё не сделает это через месяц.

Все испытали облегчение, что Менсенрат так ясно выразил мысли всех остальных, включая и Марко Прокопиу. Мысли Марко блуждали во время дискуссии, перескакивали с одного на другое и перемешивались. В воображении он видел, как сжимает запястья стрингиарха и ударяет ножом ей в спину в нескольких дюймах от сердца...

Он долго колебался, но преодолел ужасный страх, что выставит себя дураком, и стукнул, наконец, кулаком по столу.

— Да, магистр Прокопиу? — сказал Менсенрат.

— Господа, извините меня, — произнёс Марко, чувствуя, что краснеет. — Хоть я простой, невежественный провинциальный школьный учитель, даже без законной степени, но у меня есть предложение.

— Продолжайте.

— То, что я предлагаю, не противоречит планам на дебаты, но может сделать их необязательными.

— Ближе к делу, сэр, — попросил Менсенрат.

— Что ж, я подумал, что если мы возьмём в заложники Према, то можем заставить его отпустить нас.

— Абсурд! — выкрикнул кто-то.

— Возможно, но что мы теряем? Я говорю как тот, кто таким способом спасся с острова Мнаени; думаю, у

меня есть небольшой опыт в науке похищения, которую, возможно, вы, джентльмены, не так хорошо знаете.

— Каков ваш план? — спросил Менсенрат.

— Идея только что пришла мне в голову, так что я более-менее додумаю её, пока расскажу. Но вкратце...

На следующее утро, одиннадцатого Перикла, Мафрид встал за тонкой завесой облаков. Марко Прокопиу стоял во дворе с Боэртом Халраном, Ульфом Тоскано и другими философами, наблюдая за надуванием мешка. В этот раз воздушный шар не был нагружен топливом и балластом, потому что его планировалось использовать только как привязной аэростат.

Горло у Марко болело, так как он говорил всю ночь. Философы спорили бы до самого утра, или до того момента, пока за ними не явились бы палачи Према, если бы Менсенрат не принял сторону Марко и не убедил остальных. Многие согласились только при условии, что не будут лично принимать участие в деле.

Солдат императора подъехал к воротам здания, спешился и прошёл дальше. Он приветствовал Тоскано, вытащил меч, лязгнул шпорами, салютовал, вложил меч в ножны и вынул сложенную бумагу из манжеты рукавицы.

— Его Невыразимая Светлость, Прем Еропии, приветствует вас, — начал солдат, — и просит вас проявить неописуемую доброту, прочитав эту записку и тотчас дать ответ.

Тоскано изучил документ и сказал философам:

— Он прибудет. В два часа. Вы успеете, Боэрт?

— Конечно, — ответил Халран.

Тоскано сказал солдату:

— Будьте великодушным,уважаемый сэр, и уведомите вашего господина, могущественного Према Еропии, что мы премного благодарны его светлости за любезное снисхождение в посещении нашего съезда и засвидетельствовании некоторых наших банальных экспериментов. Всё будет готово.

— Я сердечно благодарю Ваше Превосходительство,
— сказал солдат, прощаясь.

Марко повернулся к воздушному шару, но произошла
ещё одна заминка. Длинноволосый Доминго Бивар вы-
бежал из холла, размахивая бумагами. Глаза у него по-
краснели, под ними набрякли мешки.

— Доктор Тоскано! — кричал он. — Доктор Тоскано!
Быстрее сюда! Все кончилось! Мы выиграли! Я должен
сказать вам... Это потрясающе...

Тоскано спросил у Хадрана:

— Когда надуется ваш шар?

— Ещё больше часа, — ответил Хадран.

Тоскано пошел за Биваром; Марко и несколько ученых последовали за Тоскано. Бивар повёл их обратно в комнату, где стоял микроскоп Чимеев. Один из братьев (Марко не был уверен, который) всё ещё был на страже. Карточки лежали на столе.

Бивар сел, уронил заметки на пол, поднял их, перебрал и начал:

— Господа, у нас есть записи литературных произведений людей Земли до Падения, созданные посредством какого-то процесса, секрет которого давно утрачен.

Он подождал, пока гул голосов, вызванный этим заявлением, стихнет, и продолжил:

— Маленькие серые пятнышки на карточках — рисунки, сделанные с помощью неизвестного химического процесса печати. Если доктор Чимей с помощью нескольких кусочков стекла увеличивает маленькие объекты, почему не возможно обратное? Но продолжим. В одной из коробочек была настоящая энциклопедия. В другой — коллекция биографий людей с Земли. Там собраны тысячи жизнеописаний землян, некоторые размечены с целую книгу. Почему только эти две коллекции были сохранены и почему Древние записали свои знания таким образом...

Марко сказал:

— Извините, доктор Бивар, но это не всё.

— Не всё? Вы имеете в виду, есть ещё коробочки?

— Да. В Мнаенне есть сорок или пятьдесят коробочек, но я взял с собой только эти две.

— Что? Вы чёртов дурак! Сумасшедший! Олух! Осёл! Вы обезумели, если не забрали остальное! Вы должны были...

Тоскано остановил его, и Марко объяснил, почему он не принёс больше коробочек.

— Ох! — сказал Бивар. — Простите, простите. Я не знал. Я поражён, взбудоражен и не спал со вчерашнего дня. Извините меня, молю! Для меня важно ваше прощение, сэр. Но если мы сбежим от Према, нашей величайшей обязанностью будет забрать остальные карточки любыми способами.

Продолжаю. Конечно, я не мог прочитать все эти записи за одну ночь, кроме того, они сделаны на мёртвом языке и очень сложны. Древний англонианский, или английский, как его называли носители, имеет очень сложное правописание, где почти каждая буква может означать любой звук и наоборот. Там много слов, которых я не знаю, хотя о значении некоторых догадался по контексту.

Чтобы тщательно разобрать весь материал, потребуются годы. Всё, что я смог сделать — бегло прочитать и просмотреть его. Оказалось, записи не о подлинном Падении, они были составлены до этого события. Они рассказывают о том, что эволюция — верная гипотеза, но для Земли, а не для Кфорри.

Земля — это материальная планета, маленькая вращающаяся звезда около Звезды Мира. Она немного меньше Кфорри, но большая часть ее поверхности покрыта водой. Также, в среднем она теплее, но климат намного суровее, жарче, чем у нас на экваторе и холод-

нее на полюсах. «Кфорри», как я узнал, это искаженное название этой планеты на древне-англонианском: «К — 40». На Земле множество животных, как ручных, так и диких, и пять из шести континентов населены людьми нескольких разных рас, отличающихся друг от друга также, как и мы.

Когда этим записям придавали такую форму, люди Земли как раз начали путешествовать со своей планеты через открытый космос к другим планетам своей системы или даже к планетам других звезд.

— Как они летели в космосе, где нет воздуха? — спросил Тоскано.

— Они путешествовали в трубчатом летательном аппарате, который толкал себя в космосе, выпуская пламя с тыльной стороны; кроме того, космический корабль был запечатан, и внутри находился воздух.

Тоскано настаивал:

— Как это получилось, если пламя не горит без воздуха?

— Я не знаю, но позвольте мне продолжить. Другие планеты их системы были слишком горячи, или слишком холодны, или там не было подходящей атмосферы для комфортной жизни. Поэтому им пришлось отправиться к иным звёздам, чтобы поселиться на их планетах. Я сделал вывод, что каждое такое межзвёздное путешествие — серьёзное дело. Оно занимало годы и стоило громадных денег, поэтому они планировали его с крайней осторожностью.

Сначала они запускали в космос маленький корабль, который даже не приземлялся на планету, но вращался вокруг нее, определяя температуру, качество воздуха и так далее. Затем они отправляли в космос основную экспедицию из двух или трех кораблей с земными растениями и животными, чтобы основать поселение. Потом на одном из кораблей заканчивался торф, или дру-

гое топливо, которое они использовало, и он летел обратно на Землю. Если всё шло хорошо, они могли посыпать больше космических кораблей, так как на Земле становилось мало места.

Что-то подобное могло произойти в нашем случае. Но по какой-то причине записи были утеряны или помещены в Мнаенн, и все забыли о них. Должен был существовать какой-то прибор, чтобы прочитать эти записи, но он потерялся или сломался. Возможно, среди поселенцев произошла ссора. Я делаю вывод, что эти поселенцы прибыли с Земли, и здесь они раскололись на несколько групп или племен, говоривших на разных языках. От этих племён произошли наши основные нации.

Есть ещё кое-что; я сделал заметки, как видите. Названия наших стран и городов — это названия мест на Земле, более или менее искаженные. Ланн — это Лондон, Виен — Вена, Ниорк — Нью-Йорк, а Мнаенн — название земного острова Манхэттен, другое наименование Нью-Йорка. Все боги, провозглашённые церквами, носят имена известных людей Земли. Так, «терсor» и «трансor» произошли от «птерозавра» и «тиранозавра», двух вымерших земных зверей. Прыгающая ящерица, которую мы называем «кролик» — это название земного прыгающего животного похожего размера и с похожими повадками, хотя земное животное — теплокровное млекопитающее...

Какой-то философ просунул голову в дверь и произнёс:

— Доктор Тоскано, Прем подъезжает.

Тоскано подпрыгнул и бросился из комнаты, Марко последовал за ним.

Алзандер Мирабо, Прем Еропии, как раз вышел из своей золочёной кареты, запряженной паксором, когда Марко добрался до шара. Воздушный шар был почти

полностью надут; он покачивался в небе. Двор заполонили философы, стоявшие на коленях. Тоскано и Марко тоже опустились на колени и замерли, пока не услышали дрожащий голос Према:

— Встаньте, господа!

Алзандер Мирабо был невысоким человеком с бледным, невзрачным лицом, ничем не примечательным, кроме острого носа, впалых щек и мешков под глазами. Он был одет в простую черную форму, кирасу из синей стали и шлем, что контрастировало с великолепием его свиты. Он быстро направился к воздушному шару, его каблуки щёлкали по булыжникам.

— Доктор Тоскано? — сказал тиран. Он узнал председателя съезда и подошёл к нему, чтобы пожать руку. — Это великолепно, доктор. А где изобретатель? Доктор Халран? Поздравляю вас. Я вижу военное применение этому прибору. Он должен быть внедрён в производство. Фактически, я считаю, он так важен для благосостояния народа, что я прикажу, даже если философы проиграют дебаты, помиловать вас. Будьте так добры рассказать, как это устройство работает, пожалуйста.

Халран рассказал, путаясь в словах. Прем задал несколько вопросов, которые удивили Марко своей разумностью.

— Мы готовы к полету? — спросил Мирабо. — Я оставил дела Империи на время, но уже теперь представляю, сколько бумаг скопилось на моем столе.

— Всё готово, сэр, — ответил Халран. — Вы поднимитесь вместе с моим помощником, Марко Прокопиу.

Рука Марко тоже удостоилась пожатия. У маленького человечка была железная хватка.

— И вместе с одним из моих телохранителей, конечно, — сказал Мирабо, указывая на рослого мужчину в кольчуге позади себя.

— Ох, Ваша светлость! — воскликнул Халран. — Я не уверен, что воздушный шар поднимет такой большой вес.

— Что ж, я меньше среднего роста, поэтому не займусь много места. Мы все заберёмся в корзину, в любом случае; если он не взлетит, то не взлетит.

Халран с тревогой посмотрел на Марко, который едва заметно кивнул. Он думал, что сумеет что-нибудь сделать с телохранителем. Прем быстро забрался в корзину. Телохранитель последовал за ним, Марко замыкал процессию.

— Отпускай! — воскликнул Марко.

Воздушный шар отвязали, веревки ослабли, и корзина начала подниматься. Внизу команда самых крепких философов удерживала верёвочный тормоз.

Они взлетали, мягко покачиваясь и вращаясь. Прем издал восторженный возглас, когда они поднялись выше крыш, и Виен стал виден как на ладони. Марко увидел петлю реки Дунау.

— Какой вид! — кричал Мирабо, ударяя себя кулаком в грудь, прикрытою кольчугой. — Я лечу, как терсоп! Великолепно!

Когда они достигли наибольшей высоты, какую только позволяла тормозная веревка, Прем воскликнул:

— Прекрасная замена легкой кавалерии! Теперь мне не понадобятся арабистанские наемники для разведки. Хвала Напоину! Магистр Прокопиу, смотрите!

Марко увидел, как Прем достаёт медаль из кармана брюк. Мирабо приколол медаль на грудь Марко.

— Вы заслужили её, Марко. Пусть это будет маленькой наградой.

— От всего сердца благодарю вас, Ваша светлость, — сказал Марко. — Минутку...

Его сердце стучало от волнения; он нагнулся, подхватил телохранителя за лодыжку и выпрямился, выбросив охранника за край корзины.

— Эй! — завопил Прем, хватаясь за меч.

Крик телохранителя доносился снизу, он звучал всё тише и тише. Раздался громкий хлопок, когда тело в доспехах ударилось о булыжники в двухстах футах внизу. Марко поднял топор со дна корзины в тот самый момент, когда Прем вытащил меч и сделал выпад. Марко отбил лезвие меча топором и, прежде чем Мирабо нанёс следующий удар, ударили его топором по шлему.

Прем упал в корзину. Марко забрал меч из его безвольной руки, перекинул через борт и выбросил вниз.

Телохранитель лежал в расплывающейся луже крови. Оставшаяся свита Према приближалась к философам, обнажив оружие, но Тоскано закричал:

— Если вы убьёте нас, воздушный шар улетит!

Охранники заколебались. Марко крикнул вниз людям, чьи лица казались ему массой розовых точек:

— Делайте, что я говорю, или я сброшу и Према тоже!

— Что? — закричал один из стражников.

Марко повторил громче.

— Делать что? — спросил охранник.

— Минутку, — крикнул Марко.

Он отвернулся и осмотрел Према. Тот был всё ещё жив, чему Марко обрадовался. Он боялся, что, не осознавая своей силы, мог убить Према.

Марко расстегнул кирасу и шлем, обнажая голый череп Према, и сбросил их вниз так, чтобы они приземлились на голые камни. С помощью длинной верёвки он связал запястья и лодыжки Према. Алзандер Мирабо начал в это время приходить в себя, и его пришлось успокоить ударом в челюсть.

Марко снова свесился через край и крикнул:

— Ваш Прем в безопасности, пока вы выполняете наши требования. Доктор Тоскано скажет вам, что нужно делать.

После этого Марко оставалось только сидеть в корзине и курить трубку, пока он наблюдал за действиями людей внизу. Иногда он забирался наверх, чтобы подложить брикет торфа во вспомогательную печь.

Как приказал Тоскано, воздушный шар оттащили за ворота, а тормозную верёвку привязали к упряжи паксора Према. Это встревожило паксора, и он начал реветь. Когда веревку привязали, зверь, не видя воздушного шара, позабыл о ней.

Полицейских послали собрать другие транспортные средства. Те философы, которые жили в Виене, разбежались, чтобы забрать семьи и имущество.

Марко услышал движение Према, оглянулся и увидел, что тот сидит на полу корзины, глядя на Марко и скаля зубы. Его лицо выражало такую злобу, какую только может демонстрировать человеческое лицо. В миг, когда глаза Према встретились с глазами Марко, злобная гримаса сменилась весёлой улыбкой.

— Что ж, друг мой, — сказал Алзандер Мирабо. — Возможно, вы сумеете объяснить, что происходит?

— Мы, философы, Ваша светлость, были вынуждены из-за вашей угрозы применить этот радикальный способ для побега из Еропии.

— А, вы имеете в виду эти глупые дебаты? Вы восприняли их серьезно? — Прем тихо засмеялся. — Мой дорогой друг, я шутил. Я не собирался никому рубить головы, и неважно, кто бы проиграл. Это была всего лишь шутка, я хотел, чтобы обе стороны сплотились.

Марко провёл рукой по шее.

— Может, это и так, сэр, но шутка не кажется смешной обладателю головы.

— Теперь я понимаю вашу точку зрения. Где мой охранник?

Марко показал вниз.

— Теперь я вспомнил. Он мертв, я полагаю?

— Похоже на то.

— Бедный Сезар! Храбрый, верный, честный парень. Вы не жалеете, что убили его?

Марко не думал об охраннике, как о человеке, но сказал:

— Наверное, но это война.

— Что ж, давайте отменим этот фантастический побег. Опустите меня, и как только я окажусь в безопасности на земле, я прикажу, чтобы всем философам беспрепятственно позволили уйти.

Марко с каменным лицом смотрел на пленника.

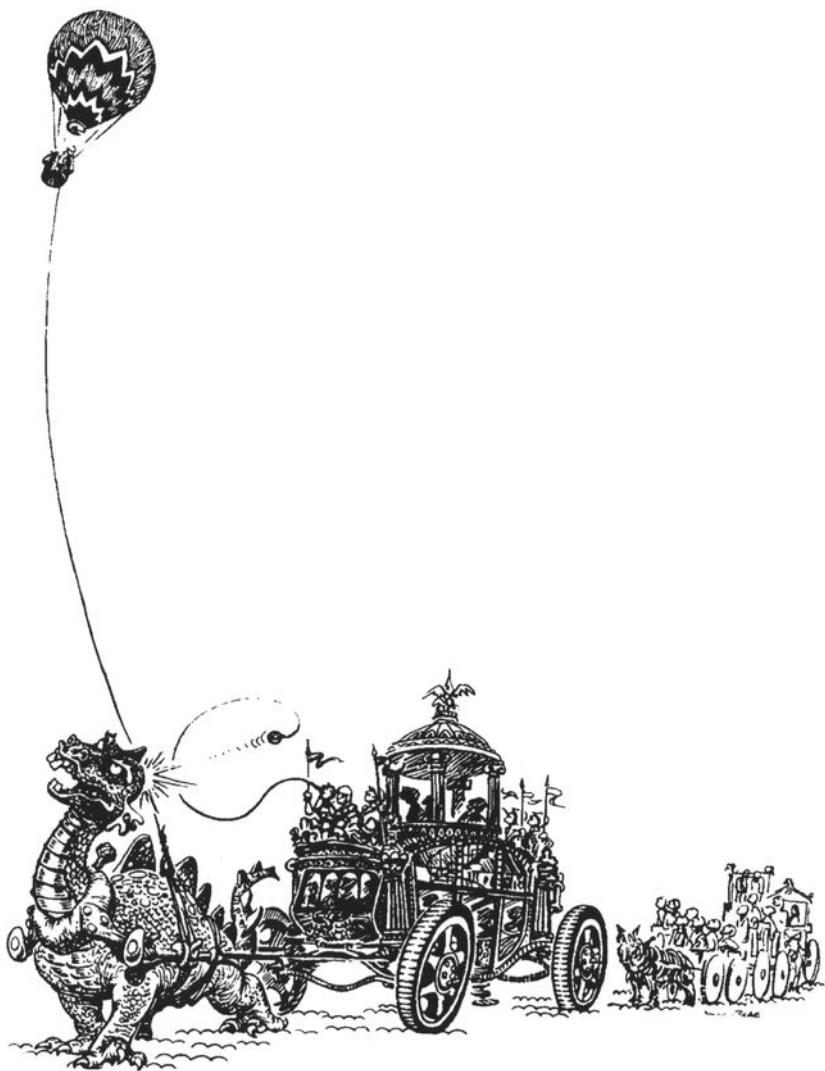
— Так же не будет и репрессий.

Марко хранил молчание.

— Вы мне не верите? Что ж, возможно, на вашем месте я тоже бы не поверил. Но, слушайте, у вас ничего не получится. Вы не можете взять в плен главу величайшего государства мира, командующего сильнейшей армией, словно арабистанский налётчик, который похищает караванщика. Опустите меня! Я, глава Еропии, приказываю вам! Вы не можете ослушаться!

Марко ничего не сказал, Мирабо совершил вторую попытку:

— Что ж, пока не могу сказать, что мне нравится такое обращение, но я не могу не восхититься смелостью и ловкостью, с которой вы всё провернули. Вы должны работать на меня. Почему вы присоединились к этим выжившим из ума старым педантам? Любому понятно, вы человек другого типа. Почему бы вам их не бросить? Я всегда найду применение человеку вашей силы и энергии.

Марко нахмурился. Прем не мог знать, что Марко не гордился своими огромными мускулами; вместо этого его снедали амбиции — стать уважаемым ученым. Он кратко ответил:

— Нет.

Примерно час Прем пытался убедить Марко опустить его вниз. Он испробовал все. Он угрожал, бушевал, подкупал, льстил и взывал к лучшим чувствам Марко. Он даже пытался усыпить Марко гипнозом. Ничего не вышло.

Потом к южным воротам направилась странная процессия. Первым ехал государственный экипаж Према, богато украшенное средство передвижения из стекла и золота размером с карету, запряженное шестью лошадьми. К тягловому паксору Према была привязана тормозная веревка, которая удерживала воздушный шар Халрана, качающийся и врачающийся; ведь позади громыхала огромная карета. Затем тянулась длинная вереница экипажей и повозок, перевозивших философов, их изобретения и семьи.

— Вы, византианцы, очень упрямые, — сказал Мирабо со вздохом, после того, как десятая попытка спасения завершилась неудачей. — Куда мы направляемся?

— В Массей, сэр.

— А дальше?

— О, мы думали, что сможем позаимствовать один из ваших кораблей.

— Должен сказать, никогда не предполагал, что философы — люди дела. Впредь я буду осторожнее, если захочу подшутить над ними.

— О, я — совсем не философ, — сказал Марко. — Мне просто повезло.

Они миновали южные ворота. Верёвку отвязали, перенесли через ворота и затянули вновь. Процессия, по-

хожая на цирк, прогромыхала по мосту через Дунай и двинулась по дороге на Массей, главный порт Еропии.

Когда запасы торфа подошли к концу, Марко пополнил их, опустив с помощью легкой веревки маленькую корзинку с воздушного шара на землю. Когда он и его пленник проголодались, Марко поднял еду тем же способом.

— Вы, кажется, всё продумали, — сказал Прем.

— Для этого, сэр, и нужны мозги.

— Я не получу кофе?

— Сожалею, но мне он нужен весь. Вам сон не повредит, но если засну я, то могу проснуться уже на пути вниз.

Алзандер Мирабо засмеялся:

— Вы же вдвое крупнее меня! Я не смогу сбросить вас вниз, не разбудив.

— Вы можете заколоть меня, или что-то подобное.

— Только если буду свободен, а не связан, как сейчас.

— О, вы можете извернуться и перетереть веревки о лезвие моего топора, как герой в романе Шайкспера.

Прем засмеялся:

— Вы еще и телепат?

Марко усмехнулся. Он просто поставил себя на место Према. Так что он не поддавался, когда Прем пытался обмануть его улыбками и обещаниями. Он прекрасно знал о репутации Према как хладнокровного предателя.

Мафрид сел, но сумерки ещё продолжались, когда странный караван прибыл в Массей. Марко сонно наблюдал, как паксор переваливается меж доков имперского военно-морского флота. Состоялось длинное совещание между Тоскано, полицейским, который прибыл вместе с процессией из Виена, и офицером флота. Философы опустили воздушный шар на высоту пятидесяти футов. Фонарик, осветивший лицо Према, убедил морских офицеров, что их повелитель действительно находился в плену.

После часа отсрочки философы отвязали воздушный шар от паксора и присоединили конец веревки к борту корабля, парового тарана «Невероятный». Марко, который никогда не бывал на борту парового корабля, смотрел на происходящее с интересом. Корабль казался крепким судном около двухсот футов в длину, с большим железным выступом на ватерлинии на носу; бронзовая защитная полоса тянулась вдоль ватерлинии и высокой, тонкой дымовой трубы.

Философы заранее спланировали, что потребуют оставить на корабле только минимальный экипаж, достаточный, чтобы управлять машинами и штурвалом.

— В конце концов, — сказал Воутаэр из Роума, — я создал эту проклятую машину для Према и потому должен знать, как управлять ей.

Прем Мирабо, наблюдая за приготовлениями, спросил Марко Прокопиу:

— Теперь вы готовы сказать, когда отпустите меня?

— Когда достигнем пункта назначения, сэр, — ответил Марко.

— Что? Но это невозможно! Кто может знать, вдруг заговорщики захватят моё место во время отсутствия?

Марко пожал плечами:

— Думаю, сэр, мы сможем вынести это несчастье. И разве вы мне не говорили, что вы народный кумир? Несомненно, массы будут за вас!

— Это не шутки, — проворчал Прем.

Из трубы «Невероятного» повалил дым и полетели искры. Легкий ветерок разносил дым, клубы которого достигли корзины; Марко и Према стали кашлять и вытирать глаза.

— Вы что, решили вдобавок придушить меня? — застонал Мирабо.

Марко с пленником страдали ещё полчаса, пока «Невероятный» не отчалил и не вышел из гавани, издавая невероятный свист и звон. Дымовая труба пыхнула на последок, заставив Марко и Мирабо кашлять ещё сильнее. Когда огни темной тихой гавани погасли, философы опустили воздушный шар на палубу.

Марко выбрался, потягиваясь и зевая, и подал руку Прему. Философы кружили по палубе в шлемах и кольчугах.

— У вас в сундуке с вооружением был хороший выбор, Ваше высочество, — сказал Ульф Тоскано. — Не пытайтесь натравить на нас экипаж, потому что мы втрое превосходим их числом; вдобавок мы забрали у них оружие. И мы будем охранять вас днём и ночью, чтобы избежать неприятностей.

Марко пробормотал:

— Доктор Тоскано, где я могу прилечь?

Четырнадцатого Перикла «Невероятный» достиг острова Мнаенн, но корабль дрейфовал на горизонте до заката, чтобы приблизиться к острову под покровом темноты. Марко проспал всю ночь; утром он обошёл корабль — и был очарован. Он потратил часы, рассматривая огромные бронзовые стержни и рычаги. Он надое-

дал Воутаеру, расспрашивая о работе парового двигателя.

Ветер усилился, и неспокойное море бросало «Невероятного» как поплавок. Когда под воду уходил носовой таран, винт поднимался высоко над уровнем моря, и корабль встряхивался как мокрая собака. Сильный дождь молотил по скользкой палубе, и Марко мучился от морской болезни. Еропианские моряки молились морскому богу Нельсону, чтобы он спас их от ужасов моря и чар ведьм Мнаенна. Некоторые философы, которые были против захвата Мнаенна, начали говорить: «Мы вас предупреждали».

Халран, посмотрев в направлении Мнаенна и вытерев капли дождя, свисавшие с подбородка, сказал:

— Я не знаю, как мы сможем наполнить воздушный шар на этой качающейся палубе, — он мрачно посмотрел назад, туда, где мешок бился и мотался среди талежа. — «Я уверен, ткань порвется от такого жестокого обращения. Если вы упадёте в море, Марко, то не сможете плыть в доспехах. Одна только мысль о том, что вы задумали, меня ужасает.

Марко ответил:

— Я сделаю что угодно, чтобы сойти с этой палубы и вернуть свой желудок. Кажется, я оставил его за кормой миль пятьдесят. Это ещё хуже, чем езда на верблюде.

— Прекрати ныть! — закричал Ульф Тоскано, хлопая Халрана по спине с показной сердечностью. — Мы больше рисковали, когда похитили Према. А этот дождь загонит ведьм по домам. Вы сможете сделать дело, не встретившись ни с одной.

— Я на это не рассчитываю, — сказал Марко. Он облачился в костюм, состоявший из три четверти из доспехов, позаимствованных из шкафа с вооружением.

Ветер стих, хотя дождь продолжал идти, когда корабль направился к острову. До полуночи «Невероятный» подошёл к северо-западному побережью Мнаенна.

Корабль развернулся кормой к острову, двигатель работал вхолостую, а парус развернули, чтобы держать нос по ветру. Марко Прокопиу с лязгом залез в корзину.

— Отпускайте, — скомандовал он.

Веревки и балласт упали. Воздушный шар, качаясь и вздрогивая, поднялся с кормы. Марко слышал, как натягивалась ткань, сдавленная верёвками. Философы не зажгли дополнительную печь, поэтому воздушный шар мог пробыть в воздухе совсем недолго.

Корзина качалась, как маятник. Напрягая глаза и всматриваясь в полную темноту, Марко чувствовал, что

возвращается его морская болезнь. Веревочный тормоз, смотанный в катушку, со скрипом стравливали на ют.

Марко смотрел на скалу. В такой темноте он даже не мог определить направление. Шар начал вращаться сначала в одном направлении, потом в другом.

Не оставалось ничего, кроме как схватиться за край корзины, в сотый раз ощупать топор и постараться увидеть то, что увидеть было невозможно. Дождь барабанил о тяжёлые доспехи.

Затем донёсся другой звук, который заглушила защита шлема — но сквозь гудение ветра в такелаже и рёв прибоя всё же был слышен шелест ветра среди деревьев. Марко пригляделся внимательнее. Прямо под собой он как будто увидел движущуюся призрачно-белую ленту — это прибой бился об основание скалы. Эта лента проплыла под ним и исчезла, когда край скалы заслонил её. Марко должен был уже оказаться над землёй. Он потянул за клапанный шнур.

Ничего не произошло.

Марко дёрнул за шнур обеими руками. Верёвка натянулась с душераздирающим звуком и громким свистом, и у корзины выпало дно.

В темноте Марко по ошибке потянул за разрывающий шнур, открыв в верхней части мешка щель в несколько футов длиной. Горячий воздух вышел, и воздушный шар начал падать.

Он с грохотом ударился о землю, и Марко врезался туда, где было дно корзины. Он согнулся колени перед ударом, и поэтому не сломал кости. Тем не менее, толчок наполовину оглушил его; понадобилось несколько секунд, чтобы он, пошатываясь, встал на ноги.

Марко взял щит и выбрался из корзины, пробиваясь через клубок верёвок. Он находился на вершине скалы, в нескольких футах от обрыва.

Следующей задачей было зажечь небольшую пиротехническую ракету, которую ему дали философы, чтобы дать им сигнал плыть к месту высадки. Но дождь залил коробку с трутом. Как бы Марко ни щёлкал стальным запалом — трут не разгорался.

Марко сдался. Воздушный шар нельзя было затащить на борт «Невероятного». Если бы Халран попытался сделать это, шар бы просто упал со скалы, разбился на отмели внизу и потерялся в море. Если бы Марко перерезал веревку, Халран бы понял, что случилось. По крайней мере, он понял бы, что шар больше ничего не удерживает. Если бы Марко завязал узлом верёвку прежде падения, люди на борту подумали бы, что он спокойно приземлился, и пришвартовали бы корабль к берегу. Марко вытащил топор, схватил верёвку и нанес удар. С третьего раза у него получилось.

Веревка была скользкой из-за дождя; она оказалась намного тяжелее, чем он ожидал. Вес длинной цепи вырывался из его рук.

Марко сел на блестящую траву и обхватил голову руками. Он едва не плакал от досады и огорчения.

Через несколько минут он заставил себя подняться. Теперь его глаза привыкли к темноте. В море он различил черную громаду «Невероятного». Отойдёт ли он в море, к Ниорку или другому не-еропианскому городу,бросив его? Он не боялся сойтись с ведьмами в рукопашном бою, но он не мог обойтись без воды и сна.

Охранницы вскоре натолкнутся на воздушный шар, и поймут, что случилось. Ну, он сможет с этим справиться. Марко толкал корзину фут за футом, пока она не свалилась за край скалы, потащив за собой мешок, и едва не утянула Марко за собой — он сильно запутался в верёвках. Халрану не понравилась бы потеря его изобретения, но от воздушного шара сейчас не было пользы, он только увеличивал опасность.

Марко снова посмотрел на море. Черный силуэт двигался. Сначала он не мог понять куда, но вскоре Прокопиу показалось, что корабль направляется влево — к пляжу. Редкие красные искры вылетали из его дымовой трубы.

Марко шел к городу Мнаенна вдоль края скалы, тяжело ступая по камням. Если бы он пошел по тропинке, то мог бы столкнуться с вооружённой ведьмой. Корабль шёл быстрее, чем Марко в своих железных доспехах, но кораблю приходилось огибать скалы и отмели.

Дождь барабанил по шлему. Ботинки утопали в мягкой грязи; когда Марко поднимал ноги, доносились чавкающие звуки. Марко обошел город, чтобы достигнуть того утёса на юге, где намечалось место высадки.

Наконец, он разглядел часть вершины утёса, и чёрные силуэты, отмечающие расположение веревочной лестницы. Из темноты донеслись голоса:

— … я видела их, говорю тебе. Вот еще!

— Ты сошла с ума, Алс. С чего бы там летали искры?

— Ты близорукая, если не видишь их. Мы должны дождаться сержанту.

Марко тихо стоял, надеясь, что в чёрных доспехах он остаётся невидимым.

— Кроме того, — донёсся голос, — могу поклясться, что слышала такой звук, как будто движется вооружённый человек.

— У тебя разыгралось воображение, моя дорогая. Тебе бы...

Негромкий спор всё тянулся и тянулся. Затем кто-то сказал:

— Она права, девочки; там корабль! Посмотрите!

Марко шагнул вперед. Охрана стояла к нему спиной. Он думал, что там три или четыре девушки, но не был уверен. Он ударил одну по голове плоской частью топора.

С лязгом топор врезался в шлем. Стражница упала. Донесся звук второго удара. Остальные пронзительно закричали. Что-то ударилось о щит Марко, ещё что-то оцарапало его нагрудник. Послышались удаляющиеся шаги и звон военного снаряжения. Другие крики из деревни вторили воплям стражниц.

Марко нащупь искал веревочную лестницу, пока не отыскал катушку и шнур, удерживающий рычаг. Один удар — и шнур был разрублен. Марко поднял рычаг, который, поворачиваясь, опускал лестницу с утёса. Когда лестница развернулась, под её возрастающим весом колесо начало вращаться само.

За спиной Марко услышал звуки — приближались вооружённые ведьмы. Он повернулся, оставив катушку в покое, и снова вытащил топор. С громкими криками несколько ведьм напали на него. Марко смог разглядеть острия их копий, которые остановил щитом.

— Заходите сзади! — кричал кто-то. — Окружайте его! Цельтесь ему между ног! Он опустил лестницу!

Одна ведьма подобралась слишком близко. Она упала без чувств, когда Марко ударили ее плоской частью топора.

— Он один? Поднимите лестницу обратно! Все вместе,бросим его с утеса!

Марко двигался в темноте так быстро, как мог, чтобы не оказаться лёгкой мишенью. Лезвия всё чаще щелкали и скрежетали, касаясь его доспехов. Со стороны моря донёсся окрик.

— Поторопитесь! — завопил Марко. — Лестница внизу. Я задержу их.

Мечи и копья ведьм со звоном и лязгом бились о доспехи Марко. Снова и снова он уворачивался, нанося удары топором и стараясь отогнать женщин от лестницы. Одна ухватила его за бедро. Марко ударил её кулаком

ком, чтобы освободиться, и услышал крик, когда ведьма рухнула с утёса в темноту.

— Они приближаются! Сбрасывайте на них валуны! Перережьте веревки у лестницы! Их больше! Приведите остальных женщин, или мы пропали!

Марко снова и снова наносил удары. Что-то острое коснулось незащищенного места в задней части бедра, и его нога стала слабеть.

— Все сразу на него! Приведите стрингиарха! Достаньте фонари! За нами другие! — Марко оперся о катушку, чтобы ослабить давление на раненую ногу.

— Ударим ёщё! — проговорила, задыхаясь, начальница стражи. — Столкните его с утеса!

Марко, хромая, кружил возле катушки, спотыкаясь о ведьм, которых уложил, и размахивал топором. Он ревел:

— Чёрт вас побери, отойдите или я покажу вам! Я щадил вас, но больше не буду!

Фонари осветили темноту. Голос сказал:

— Посторонитесь, и мы выстрелим!

Марко припал на одно колено за катушкой, выставив перед собой железный щит. Вскоре донёсся треск арбалетных стрел, потом послышалась перебранка. Несколько резких ударов обрушились на щит — как будто стучали молотками. Ещё одна задела шлем.

— Окружите его. Он не может смотреть сразу во все стороны

Что-то оказалось позади Марко. Он поднялся, разворачиваясь и приподнимая топор.

— Это вы, магистр Прокопиу? — прозвучал низкий голос, принадлежащий Ульфу Тоскано. Остальные столпились позади. Философы выстроились в цепь и бросились вперёд. Через секунду послышался металлический лязг оружия о доспехи, а затем с криками отчаяния ведьмы обратились в бегство.

— Да, — сказала стрингиарх, сидевшая перед философами в кресле в храме Эйнштейна, — мне известна реальная история Падения, по крайней мере та, что передавалась от стрингиарха к стрингиарху, — Она обвела взглядом полукруг сосредоточенных лиц, блестевших от пота и морской воды. — Если я расскажу вам, бандитам, вы пожалеете моих девочек?

— Мы не хотели... — начал Тоскано, но Марко толкнул его и вмешался:

— Если вы скажете правду, госпожа, с вашей паствой ничего не случится. Но будьте осторожны, потому что у нас есть средства, чтобы подтвердить или опровергнуть ваши слова.

— Хорошо. История, как она дошла до меня, состоит в следующем: перед Падением людей на Земле стало так много, что для них не хватало места. Поэтому боги приказали им построить два огромных корабля, обещая, что когда корабли будут закончены, боги отправят их через пустое пространство между тем миром и этим...

— Она имеет в виду космические корабли, о которых я вам рассказывал, — прервал Бивар. — А боги — никто иные, как политические лидеры.

Катлин свирепо взглянула на маленького иверианца, но продолжила:

— Со временем корабли улетели с Земли. На них было около двухсот человек, самки некоторых домашних животных того мира и особые средства, чтобы заставить их забеременеть и родить без помощи самцов. А также семена, инструменты и другие нужные вещи. Боги приказали обоим кораблям приземлиться на Кфорри и основать поселение для колонизации и изучения. Затем экипажи обоих кораблей должны были соединиться, и боги забрали бы их обратно на Землю.

Может, боги устали нести эти огромные тяжёлые корабли многие миллионы миль и поэтому бросили при

приземлении — я не знаю. Но во всяком случае оба судна были повреждены при посадке до такой степени, что это препятствовало их возвращению. Тем не менее, людям на кораблях был нанесён минимальный ущерб, они высадились и основали колонию, как и планировали. Они надеялись, что когда ни один корабль не вернётся в назначенное время, Земля построит другой корабль и убедит богов отправить его на Кфорри, чтобы выяснить, что с ними произошло.

Тут возникла проблема. В то время как экипажи кораблей состояли из мужчин, у философов, мужчин, которых выбрали из-за познаний в колонизации планет, были жены. Поселенцы сказали, что раз боги так устроили, нельзя ничего поделать.

Но члены экипажей возжелали жён поселенцев. Механик, Хасан Бармада, сказал, что все боги вернулись обратно на Землю и покинули поселенцев, и поэтому не надо обращать внимания на их приказы. Он составил заговор, и во время внезапного восстания его люди убили почти всех мужчин-поселенцев, как и своих офицеров, которые встали на сторону поселенцев. Когда битва закончилась, на Кфорри осталось около сотни людей, немного больше мужчин, чем женщин.

Члены экипажей забрали жён поселенцев себе, и началась история их рода. Из-за того, что они богохульствовали и грешили против богов, боги не наделили их мудростью. Они пренебрегли знаниями, которые философы принесли с Земли, и через два поколения опустились до уровня варваров.

Вдобавок они рассорились друг с другом и разделились на семь разных племен, согласно частям Земли, с которой прибыли. Так, люди из тех частей, где говорили на древнем англонианском, Британии, Ирландии, Северной Америки и некоторых других, образовали англонианское племя. Люди из Европы образовали Еропию.

Люди из России и Балкан образовали Византию, названную в честь балканского города Византии. И так появились современные нации.

Один философ, в чьих венах текла божественная кровь, на англонианском его имя звучит как Дэвид Грант, исчез в разгар побоища с несколькими женщинами и карточками, составляющими Великий фетиш. На Земле был магический прибор для чтения этих карточек. Привезли ли его на Кфорри, а потом сломали, я не знаю, но в любом случае у Дэвида Гранта с собой этого прибора не было. Тем не менее, он надеялся, что со временем всё переменится, и эти записи земной мудрости вновь станут доступными...

— Это называлось микрография, — сказал Бивар.

— Он прибыл на этот остров на плоту, — продолжала стрингиарх, — с несколькими женщинами, которые сбежали от своих новых мужей. Его потомки построили этот храм. Он рассказал своим женам и детям о богах Земли, и об их обязанности сохранить эту божественную мудрость. Земной бог, которым он восхищался, Эйнштейн, после его смерти стал особым покровителем Мнаенна.

Дэвид Грант, или Девгран, как его теперь называют, произвёл много дочерей, но ни одного сына. С тех пор появилось поселение, полностью состоящее из женщин. А женщины начали бояться и ненавидеть мужчин с материка, потому что они убили их настоящих мужей, и решили не пускать ни одного поселенца на Мнаенн. С того дня и до сих пор поселение поддерживает свою численность известным вам способом.

Доминго Бивар заговорил:

— Извините, госпожа, один вопрос. Если мы — потомки нескольких членов экипажа, почему у нас так много разных фамилий?

— Первые поколения не следовали земному обычай давать всем детям одной семьи одинаковые фамилии, потому что людей было мало, и фамилии требовалось, чтобы различать их. Вместо этого, детям давали имена людей, которых родители знали или о которых слышали на Земле. Поэтому многие были названы в честь известных земных обитателей, богов и полубогов. Другие получили выдуманные имена или были названы в честь их характерных черт или рода деятельности. Спустя некоторое время старые традиции вернулись. Поэтому, например, в Ивериане живут тысячи Биваров помимо вас, доктор.

— Спасибо, — сказал Бивар. — В вашем рассказе есть парочка непонятных мест, но я уверен, что когда мы расшифруем записи, всему найдётся рациональное объяснение.

Катлин горько сказала Марко:

— Магистр Прокопиу, я не верила вам, когда вы угрожали, а сейчас вы, сын Мнаенна из пророчества, вернулись, чтобы прочесть фетиш и положить конец стрингиархату. Уверена, ни один мужчина-ребёнок не мог родиться и исчезнуть с острова так, как вы это сделали; в подобных делах у нас жёсткий контроль. Тем не менее, вы можете прочесть карточки с помощью инструмента этих мингквориан. И несмотря на то, что мы в вашей власти, я полагаю, мы можем с оптимизмом смотреть в будущее. Что же вы сделаете с нами? Сбросите с утеса, как бедную Лизвет?

Марко сам не верил в историю о сыне Мнаенна, но подбросил ведьмам изящный повод для капитуляции. Он посмотрел на Тоскано, который сказал:

— Конечно, нет, госпожа. Мы сожалеем о смерти той ведьмы. Мы не хотели причинять вам вред.

— Приятные слова никогда не исправят ваших злых деяний.

Тоскано ответил:

— Действительно, госпожа, совесть некоторых из нас нечиста. Но вспомните о вашей практике убийства новорожденных мальчиков, которая приводит большинство людей в ужас, и о вашем несправедливом обращении с господами Халраном и Прокопиу, когда они невольно нарушили границы ваших владений. Так что вы не можете претендовать на сочувствие.

— Что вы намерены делать дальше?

— О, некоторые из нас вернутся на родину. Другие, особенно те, что из Еропии, останутся здесь и создадут философскую республику. Среди них достаточно одиночек, которые могли бы стать мужьями для тех девушек, которые этого захотят.

— Хмм... — протянула бывшая стрингиарх Катлин, морща нос от отвращения. — Если наши предания верны, мужчины Земли пытались основать такое идеальное государство много раз, но не добивались успеха надолго. Это, тем не менее, уже ваша проблема.

Той ночью Марко только поздоровался с Синти. Ему было чем заняться; его рана ныла, и он устал. Он узнал, что когда веревку затянули на «Невероятный», её перерезанный конец стал доказательством безопасного приземления Марко и позволил Тоскано подвести корабль к берегу.

На следующее утро, опираясь на палку, Марко стоял на краю утеса и наблюдал, как всходит Мафрид. Немного в стороне Боэрт Халран смотрел за край обрыва, оплакивая уничтожение своего прекрасного воздушного шара. Доминго Бивар массировал руку Марко и взволн

нованно рассказывал о прекрасных вещах, которые сделают философы, когда все записи фетиша будут расшифрованы.

— Мы должны построить собственный космический корабль и вернуться на Землю, чтобы узнать, почему они забыли нас! — кричал он. — Это прекрасно! Остаток фетиша содержит бесчисленное множество книг по истории, науке, языку, всему прочему. Там даже есть художественная литература и поэзия...

Марко, которому не нравилась несдержанность маленького человека, высвободил свою руку, когда подошла Синти. Он считал её самой красивой женщиной, которую когда-либо встречал.

— Здравствуй, — сказал он. — Видишь, я вернулся, как и обещал.

— Правда. Куда ты направляешься теперь?

— Что ж, так как стрингиархату конец, я подумал, что могу остаться здесь. Так как я ничем не занимаюсь, философы считают, что я достоин войти в их общество.

— Я слышала, они выбрали тебя Прецем или кем-то подобным.

— Нет, не совсем. Они хотят, чтобы я стал вице-управляющим при Тоскано. Я даже думал послать за своей мамой.

— Ох... Ты собирался увезти меня, не так ли? Ты обещал.

— Что ж... я полагаю... мы сможем придумать что-то столь же хорошее. Видишь ли, эээ...

Они стояли рядом, Марко смотрел вниз, а Синти вверх. Марко чувствовал, что она не будет против, если он возьмёт её прямо здесь. Вместо этого он смотрел в пустоту, переминался с ноги на ногу, краснел, задыхался, заикался и, наконец, сказал:

— Давай прогуляемся по тропинке вдоль утеса. Уверен, я могу рассказать тебе много интересных вещей.

Они ушли, даже не подумав извиниться перед Доминго Биваром. Марко прихрамывал и много говорил. Вскоре он взял Синти за руку. Бивар, поглядев им вслед, романтично вздохнул, смахнул волосы с глаз и отправился на поиски того, чью руку можно массировать.

РАССКАЗЫ

ДРЕВЕСИНА ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ

В этом мире добродетель нечасто вознаграждается. Если бы Р. Б. Уилкокс не был таким порядочным человеком, он бы мог заполучить правдивую историю о населенном призраками штабеле дров для своей книги о поверьях и легендах северной части Нью-Йорка. Но не только нравственные принципы мистера Уилкокса помешали ему раздобыть неофициальную информацию. Дело в том, что его не привлекали ярко-рыжие волосы.

Волосы принадлежали мисс Асерии Джонс, хостессе из ресторана «Сосны». Это было так называемое кафе-кондитерская в селении Гэхато округа Херкимер штата Нью-Йорк. В «Соснах», несмотря на вводящее в заблуждение название «кафе-кондитерская», подавали спиртное разной степени крепости и, кроме того, там имелся сносный танцевальный оркестр. Не последней приманкой «Сосен» стала мисс Асерия Джонс. Это была необычайно привлекательная девушка, больше похожая на стюардессу.

Р. Б. Уилкокс оказался в «Соснах» во время своего путешествия по стране в поисках поверий и легенд. После обеда он пытался собирать материал. Владельца ресторана, мистера Эрла Делакруа, не было, поэтому писатель обратился к мисс Джонс. Она немного рассказала ему о теории и практике управления гостиницей в Адирондаке, лесопильном городке, но не сообщила ничего такого, что посетитель мог бы назвать легендой. На его вопросы о населенном призраками штабеле досок она отвечала, что не обращает внимания на подобные глупые выдумки.

Надеясь всё же раздобыть какие-то полезные сведения у своей обворожительной собеседницы, Уилкокс попытался сделать ей комплимент:

— Я удивлен, что вы живете здесь, в горах, в захолустье. Думаю, с вашей внешностью вы могли бы получить работу в городе.

— Вы имеете в виду Атику?

— Нью-Йорк.

— Нет, он мне не нравится. Там нет деревьев.

— Вы помешаны на деревьях?

— Что ж, на некоторых. Если бы была такая работа, рядом с которой растут норвежские клёны, я бы сразу согласилась на неё.

— Растёт что?

— Норвежский клён — *acer platanoides*. Вы знаете место, где они есть?

— ...эээ...нет. Но я мало знаю о деревьях. Это местная порода?

— Нет, европейская.

— А другие виды не подойдут?

— Нет; должен быть именно такой клён. Сложно объяснить. Но, мистер Уилкокс, это много для меня значит. Она нежно посмотрела на него.

Тут пробудились нравственные принципы Уилкокса. Он холодно сказал:

— Боюсь, не знаю, чем могу вам помочь.

— Вы можете найти приятное, чистое место, где требуются работники и где растут норвежские клёны. Если вы сделаете это, я буду вам очень, очень благодарна.

Еще один взгляд.

После второго «очень» Уилкокс явно почувствовал, что нравственные принципы подталкивают его к двери. Он, или скорее его нравственное чувство, мог оказаться несправедливым к мисс Джонс. Но он не задержался, чтобы разузнать о странном интересе рыжеволосой девушки к норвежскому клёну или об её истолковании слова «очень». Уилкокс только заверил мисс Джонс, что даст ей

знать, если услышит о чём-то подобном. Затем он покинул ресторан и исчез со страниц нашей истории.

Чтобы продолжить рассказ, нам сначала придётся вернуться в 1824 год. Тогда в Нью-Йорк прибыл темноволосый, полный, величавый мужчина, который сказал, что он — Август Радли из Цюриха, Швейцария. Радли был, по его словам, представителем старинной швейцарской семьи банкиров, а также состоял в родстве с Уиттельсбахами, поэтому он был примерно сорок третьим в очереди на баварский престол. Он служил полковником при Наполеоне — в доказательство у него имелась медаль — и, сочтя банковское дело слишком скучным, забрал свою часть семейного состояния и приехал в Америку.

Но, следует заметить, в истории господина Радли содержалось несколько мелких неточностей. Он не состоял в родстве ни с Уиттельсбахами, ни с какой бы то ни было семьёй банкиров. Он никогда не служил; медаль была фальшивой. Он имел отношение к банковскому делу, но не совсем так, как рассказывал. Он дослужился до кассира. И однажды тёмной бурной ночью исчез со всеми деньгами.

Так как в те дни людей из-за Атлантического океана редко выдавали (если такое вообще случалось — по крайней мере, за хищение), то господин Радли мог годами наслаждаться результатами своего успеха, если бы не столкнулся с ещё более оборотистым дельцом. Тот джентльмен, Джон А. Спунер, лишил Радли большей части его денег, продав «усадьбу» в Адирондаке, включавшую несколько тысяч акров гранитных пород, болот и чёрных мух. Радли потратил большую часть оставшихся денег на прокладку дороги, строительство большого дома и безделушки, доставленные из Европы для украшения дома. Самыми странными из привезённых пред-

метов были два молодых норвежских клёна, которые посадили около дома. Земли Радли уже покрылись смешанным лесом, частично состоявшим из сахарного, красного и серебристого клёна; деревья первой из названных пород росли так же быстро и достигали таких же размеров, как и европейские клёны. Но у Радли были свои представления о жизни сельского джентльмена, и, очевидно, посадка импортированных деревьев входила в эти представления.

Он умер от пневмонии в разгар первой зимы, которую намеревался провести в своём новом доме.

После смерти Радли земли переходили в разные руки. Некоторые из них стали собственностью Международной Бумажной корпорации; другие получил штат Нью-Йорк; та часть, на которой стоял дом Радли, перешла в собственность мужчины по имени Делаэнти. После того, как домостоял заброшенным около века, осталась видна лишь широкая низкая насыпь, покрытая плесневелой листвой; сверху торчала каменная труба. Участок, на котором стоял дом, и большая часть дороги, которая к нему вела, полностью заросли. Один из двух норвежских кленов погиб очень рано. Второй стал красивым большим деревом.

Старший Делаэнти продал мягкие породы деревьев в 1903 году. Тридцать пять лет спустя младший Делаэнти продал твёрдые породы. Пробравшись сквозь снег, пришли лесорубы и повалили буки, берёзы и клёны. Также срубили и уцелевшее дерево Радли, которое по ошибке приняли за сахарный клён, — именно его лесорубы считали «твёрдым».

Потом два бревна, полученные из этого дерева, отправили на лесопилку Дэна Прингла в Гэхато. Кстати, название деревни Мохавк означает «бревно в воде»; такое название очень подходит городу, где работают лесопилки. Весной брёвна подняли цепью и распилили при-

мерно на девятьсот футов однодюймовых досок. Их сложили в штабель № 1027, который состоял из ПИВ твёрдого клёна. ПИВ — это значит «первый и второй сорт», высочайшая классификация твёрдой древесины.

Тем летом Прингл получил заказ на твёрдую древесину от Хойта, своего оптовика; ему требовалось двадцать тысяч футов однодюймовой ПИВ древесины. Бригада рабочих погрузила верхние части штабелей № 1027 и № 1040 в товарный вагон. Мастер, Джо Ларошель, приказал перенести оставшуюся половину штабеля № 1027 в штабель № 1040. И поэтому Генри Мишо спустился с железнодорожной насыпи к штабелю № 1027. Он поднял доску и передал ее Олафу Бергену, который повернулся и бросил дерево в вагонетку, которая стояла на железнодорожных путях с подпорками под колесами. Берген достаточно далеко высунул трубку из мшистой завесы желтых волос, которая свисала с его верхней губы, и мог прицельно плевать на дорогу между железнодорожными путями и штабелем; он схватил вторую доску — и работа пошла. Когда Мишо разобрал верхний ряд досок, он сорвал наклейки, которые разделяли ряды досок, сбросил их на пути, и занялся следующим уровнем штабеля.

Всё шло очень хорошо. Но когда Мишо занялся четвёртым рядом досок, штабель начал раскачиваться. Сначала он качался на запад и восток, затем на север и юг, потом вертелся по кругу. Вдобавок дерево жалобно стонало и скрипело, так как доски и наклейки тёрлись друг о друга.

Олаф Берген с детским изумлением смотрел на это явление.

— Эй, Генри, что, во имя Святого Скачущего Иисуса, ты делаешь с этим штабелем?

— Я? — закричал обеспокоенный Мишо. — Я ничего не делаю. Он сам. Может, землетрясение. Думаю, мне надо убираться отсюда.

Он с грохотом спрыгнул с этого штабеля на соседний, более низкий.

— Это не может быть землетрясением, — прокричал ему Берген. — Видишь, другие штабели так не трясутся, верно?

— Нет.

— Что ж, если бы это было землетрясение, другие штабели тоже тряслись бы, да? Поэтому нет никакого землетрясения. А больше причин нет.

— Да? Тогда что его трясет?

— Ничего. Только землетрясение могло такое сделать, но его нет. Поэтому штабель не качается. А теперь забирайся обратно и дай мне ещё досок.

— Так штабель не тряется, да? Ты *спятил*, мистер Берген. Я знаю лучше. И, будь я проклят, я не поднимусь обратно.

— О, прекрати, Генри. Это всего лишь игра твоего воображения.

— Хорошо, тогда ты вставай на штабель. А я пойду к путям.

Мишо вскарабкался на подмостки. Берген, самоуверенно огляделвшись по сторонам, спрыгнул на штабель № 1027.

Но у № 1027 были свои предположения, если у штабеля дров вообще могут быть какие-то предположения. Гора досок снова принялась раскачиваться. Берген, шатаясь, чтобы обрести равновесие, тоже был вынужден качаться. И с каждым толчком его фарфорово-голубые глаза становились всё больше и больше.

Движение не было неприятным или опасным; примерно так же раскачивалась бы корабельная палуба при сильном ветре. Обычно доски себя так не вели. Штабель,

который так качается, противоестественен, возможно, даже нечестив. Олаф Берген не хотел ни единой доски из этого штабеля, даже щепки из него.

Поэтому он пронзительно закричал:

— Что за чертовщина тут происходит! — и спрыгнул вниз даже быстрее Мишо. Подошвы его рабочих ботинок быстро застучали по насыпи — и на древесном складе Олафа больше не видели, по крайней мере, в тот день.

Генри Мишо сел на железнодорожные пути и вытащил пачку сигарет. Ему придется доложить об этом странном происшествии Джо Ларошелью. Но почему бы сначала немного не отдохнуть?

Затем он услышал звук приближающихся быстрых шагов Ларошеля и выбросил сигарету. Никто не ходил так быстро, как Ларошель. Он всегда прибывал на место, почти задыхаясь, и когда он говорил, предложения наскачивали одно на другое. Так он создавал представление об очень занятом человеке, страстно преданном интересам работодателя. Среднего роста, лысеющий, с гнилыми зубами — Ларошель подбежал и выдохнул:

— Г-г-где — где Оле?

— Оле? — переспросил Мишо. — Он ушёл домой.

— Ты хочешь сказать, этот паршивец ушёл домой, ничего мне не сказав, а здесь у меня три вагона свежих досок, которые надо загрузить вовремя для полуденного фрахта?

— Да, Джо.

— Он заболел?

— Может быть. Он расстроился, когда штабель под ним начал качаться.

— Это всё паршивые фокусы! Жди здесь; я пошлю сюда Джина Камаре. Черт знает что творится в этом месте! — И Ларошель снова убежал.

Вскоре появился Джин Камаре. Он был старше и даже крепче Генри Мишо, который сам отличался мускулистым телосложением. Между собой они говорили на канадском французском, который мало похож на французский французский. Французы с возмущением заявили бы, что это вообще не французский.

Камаре взобрался на штабель № 1027. Прежде чем он успел предпринять что-то ещё, штабель вновь начал кататься. Камаре посмотрел вверх:

— Что, у меня кружится голова или этот чёртов штабель трясется?

— Штабель трясётся, полагаю. Необычайно! Это не ветер и не землетрясение. И никаких причин нет. Дай мне доску.

Камаре, сам того не желая, первоклассно изображал тростник в бурю, но никто не заметил, что душа у него ушла в пятки. Его это не устраивало. В нём не было ничего от тростника. Он раздвинул ноги, чтобы удержать равновесие, неуклюже попытался поднять доску, а затем повернул большое, красное, унылое лицо к Мишо.

— Не могу двигаться, — сказал он. — От этого несчастного штабеля у меня разыгралась морская болезнь. Подвинь мне вагонетку, старина.

«Старина» помог ему перебраться на железнодорожные пути. Камаре сел, опустил голову на руки и тяжело вздохнул, словно душа, осуждённая на чистилище.

Мишо неприятно оскалился. При таком раскладе он получит дневную зарплату, совсем ничего не делая. Он снова принялся доставать сигарету, но Джо Ларошель уже бежал по железнодорожным путям.

— Ч-ч-что... что случилось с Джином? Он заболел, или что?

Камаре снова вздохнул, еще ужаснее.

— Меня тошнит. Штабель стал *comme ci—comme ça*.

— Что за дьявол, значит, штабель качается туда-сюда? Чёрт возьми, что с тобой такое? Испугался, что штабель немного пошатнулся?

— Со штабелем что-то не так. Заберись на него и увидишь.

— Ха! Никогда не думал, что увижу, как взрослый человек боится штабеля досок.

— Что за черт, я не боюсь...

Но Ларошель спрыгнул с насыпи. Штабель начал изображать кресло-качалку. Ларошель завизжал и начал карабкаться обратно на мостки.

— Всякий поймёт, что здесь опасно! — закричал он.

— Должно быть, все балки основания пошли к черту. Какого дьявола ты мне раньше не сказал, Генри? Хочешь, чтобы мы переломали себе шеи?

Генри Мишо предпочёл промолчать. Он цинично усмехнулся и пожал плечами.

Ларошель закончил:

— Что ж, в любом случае, вы, ребята, переходите помогать на вагонетку. Возвращайтесь сюда в час.

Когда Камаре и Мишо вернулись к штабелю № 1027 после обеда, они увидели, что Ларошель привязывает его полудюймовой веревкой к соседнему штабелю. Он пояснил:

— Балки основания в порядке; я не понимаю что, чёрт возьми, с ним не так, если только опорные стойки не приподнялись в середине, поэтому он, так сказать, нестабилен. Но я его удержу на месте с помощью этого троса.

Тем не менее рабочие не выказывали ни малейшего энтузиазма при мысли о возвращении к погрузке штабеля. В конце концов Ларошель закричал:

— Черт возьми, Генри, или ты заберёшься на штабель, или я поставлю тебя на бак с содовым раствором!

Поэтому Мишо полез наверх, хоть и был мрачен. Ларошель говорил о баке с раствором, в который обмакивали свежеспиленные сосновые доски. Вытаскивая доски из этого бака, надо было быстро двигаться, чтобы следующая доска не врезалась в предыдущую, а на следующий день из-за раствора трескались руки. Любимым методом Ларошеля в решении споров стало запугивание, что он поставит человека на неприятную работу на баке вне очереди.

Они загрузили вагонетку, подтащили её к штабелю № 1040 и разгрузили. Когда процедуру повторили дважды, Ларошель поставил еще одного человека на эту работу; ему следовало стоять на краю штабеля и передавать доски. № 1027 сильно стонал и скрипал, но трос не давал ему танцевать хулу.

Новый работник, Эдвард Гэлливан, взял доску и передал ее Мишо, который отдал доску Камаре. Гэлливан поднимал вторую доску, когда первая выскочила из рук Камаре. Она полетела обратно и приземлилась на доску Гэлливана. Таким образом, Камаре оказался без досок, в то время как у Гэлливана их стало две.

Эдварду Гэлливану нравилась эта работа, но собирание досок из твердой древесины его не слишком привлекало. Он закричал:

— Эй, француз, смотри, что делаешь! Черт, ты едва не снес мне голову этой штукой!

Камаре пробормотал что-то, извиняясь; он выглядел озадаченно. Мишо снова передал заблудшую доску. Она вновь вырвалась из рук Камаре и с грохотом вернулась в штабель.

Камаре посмотрел вниз с выражением недоумения, подозрения, упрёка и возрастающей тревоги. Он выглядел бы именно так, если б человеческое лицо могло выражать столько эмоций в один миг.

— Генри, — сказал он. — Это ты выхватил у меня доску?

— Зачем мне забирать у тебя доски? Мне своих хватает.

— Я не это спрашивал. Ты взял ее?

— Черт, нет, я не делал этого. Я не ворую доски.

— Эй, парни, — сказал Гэлливан. — Так мы далеко не уедем. Вы продолжайте, а я буду наблюдать.

Миши передал доску наверх в третий раз. Когда Камаре взял её, доска дико скрутилась и начала извиваться как живая. Камаре отпустил её, чтобы не свалиться с вагонетки, и доска мягко приземлилась обратно на то место, откуда её поднял Гэлливан.

— Мне это не нравится.

Миши победоносно взмахнул руками.

— Теперь ты доволен, Джин? Я не знаю, что с этим делать.

Камаре ответил с наигранной весёлостью:

— Я? Я доволен. Я очень доволен. Меня тошнит, когда я об этом думаю. Скажи Джо, что я ухожу. Пойду домой, напьюсь, поколочу жену и забуду об этих проклятых досках.

Джо Ларошель вышел из себя, когда ему объяснили суть дела. Нэд Гэлливан улыбнулся по-отечески, а Генри Миши пожал плечами. Ларошель недавно совершил ошибку, получив восемьсот футов берёзы обыкновенной первой категории; местный покупатель отдал ему якобы ненужные пиломатериалы. Может быть, это была преднамеренная ошибка; может быть, Ларошель просто не сошелся в цене с клиентом. Но Гэлливан и Миши знали о случившемся и поэтому были уверены, что им ничего не угрожает.

Наконец, Ларошель завопил:

— Хорошо, хорошо! Я покажу вам, как надо обращаться с прыгающими досками. Ждите здесь...

Он вернулся, держа в руках топор.

— Теперь, — сказал он, — Генри, передавай доску Нэду.

Когда Гэлливан взял доску, она, очевидно, попыталась сбросить его с подмосток. Ларошель, стоявший рядом, треснул по доске плоской частью топора. Та немногого подёргалась и затихла.

— Ой! — выдохнул Гэлливан. — Отдаёт в руки.

— Не обращай внимания, это единственный способ справиться с ними. Я тот парень, который всё знает.

Казалось, уловка Ларошеля усмирила доски хотя бы на время. Они отправились наверх, больше не сопротивляясь.

Миши думал, что это всё глупости; он только притворялся, что всё в порядке. Всякому было ясно, что здесь замешано что-то сверхъестественное. Таков уж этот мир. У глупцов вроде Ларошеля есть власть, в то время как умники вроде него...

Эти размышления прервало другое необычное проишествие. Миши неосторожно бросил доску вверх Гэлливану, когда тот был занят — он выуживал жевательный табак из карманов брюк. Гэлливан попытался ухватить доску одной рукой, но промахнулся. Но это не имело значения, так как доска продолжала двигаться. Она描画了 изящную дугу и удобно легла на назначенное ей место в штабеле.

— Эй! — крикнул Ларошель. — Хватит бросать доски; ты можешь попасть в кого-нибудь.

Миши промолчал, не желая разочаровывать других относительно своей силы и находчивости. Гэлливан поймал следующую доску; она поднялась в воздух на фунт, прежде чем он остановил ее.

— Какого чёрта ты делаешь, Генри? — закричал удивлённый Гэлливан.

Когда тебе доверяют бросать доски — это хорошо, но если тебя обвинят в их проделках — это совсем другое дело. Поэтому Мишо сказал:

— Я ничего не делаю, будь я проклят. Я...

Он прервался, обнаружив в руках доску. Но она там не осталась. Доска разорвала ему рукавицы, так она хотела оказаться в руках Гэлливана, а потом на платформе.

Ларошель закричал:

— Остановите это! Остановите их!

Всё равно, что попытаться остановить разбушевавшихся шершней, читая им Жан-Жака Руссо. Все доски из штабеля бросались в вялые объятья Мишо, затем кидались вверх к Гэлливану и на платформу. Когда они остановились, платформа была опасно перегружена. Последняя доска мимоходом ударила Джо Ларошеля. Мастер свалился с рельс. Падая, он ухватился за Гэлливана, пытаясь на него опереться. С громким стуком они свалились на несчастного Мишо.

Все поднялись и увидели, как вагонетка сама катится по железнодорожной линии. Ларошель, который в своём самом скромном списке достоинств непременно указывал энергичность, взобрался обратно на насыпь, чтобы догнать сбежавшую платформу. Та остановилась напротив № 1040, и её груз с грохотом посыпался в штабель.

— Эй, посмотрите вниз! — сказал Мишо.

Тroe мужчин опустились на колени и посмотрели вниз через край эстакады. С платформы во время движения свалилась доска, которая лежала внизу, между железнодорожными путями и штабелями. Сейчас она ползла за платформой, словно червяк сквозь сорняки. Добравшись до № 1040, она начала прыжками взбираться на штабель. Снова и снова она подпрыгивала вверх без всяких видимых усилий. Ее движения напоминали поведение тупого щенка, которого хозяин пыта-

ется научить каким-то трюкам и применяет силу, когда щенок не понимает команды. Наконец, она взобралась на вершину и рухнула в беспорядочную кучу вместе с другими досками на штабеле № 1040.

Джо Ларошель не мог так легко сдаться. Когда его поймали с поличным на взятке, он был спокоен как христианский мученик и честен как схема дорожного движения. Но сейчас он сказал:

— Для меня это слишком. Вы, парни, можете идти домой; мне надо повидать хозяина.

Джо Ларошель направился в офис Прингла, который располагался на первом этаже его дома. Он рассказал о случившемся.

Дэн Прингл был человеком невысокого роста; он носил толстую цепочку для часов, украшенную передним зубом *Cervus Canadensis* — оленя вапити. Дэн спросил:

— Ты что, пил, Джо?

— Нет, мистер Прингл. Даже не прикасался.

Прингл встал и фыркнул:

— Что ж, может, и нет. Полагаешь, за этим стоял организатор профсоюза?

— Нет, рядом никого не было. Я следил.

— Ты смотрел между штабелями и под железнодорожными путями?

— Конечно, я везде смотрел.

— Что ж, может быть. Они способны действовать украдкой, и не важно, насколько ты аккуратен, ты знаешь. Приходи после ужина, и мы взглянем на эти фантастические доски. И принеси фонарик. Мы поищем организаторов профсоюза, на всякий случай.

Прингл и Ларошель пришли на лесной склад, когда солнце опускалось за горами Гэхато. Прингл настоял на том, чтобы они обследовали штабеля, освещая их фонариками, как будто играя в гангстеров и федералов. Он

сказал, что надеется удивить прячущегося в засаде профсоюзного деятеля. У штабеля № 1040 Ларошель сказал:

— Это он. Видите, доски наверху лежат кучей?

Прингл видел доски. А ещё он видел молодую женщину, сидевшую на краю штабеля и болтавшую ногами в сандалиях. Её зелёное платье, очевидно, знавало лучшие дни. Лучшее, что можно было сказать о ее волосах: они выглядели «небрежно» или «свободно». По-видимому, они были рыжими, но обгорели. Они снова отрасли, но остались чёрными на кончиках и приобрели удручающий вид.

— Добрый вечер, — сказала девушка. — Вы мистер Прингл, владелец лесопилки, не так ли?

— Что... ох... может быть, — подозрительно сказал Прингл. — Кто... я имею в виду, что я могу сделать для вас?

— Ха! — послышался недоуменный возглас. — Что вы имеете в виду, мистер Прингл?

Джо Ларошель смотрел на него, не обращая внимания на девушку, ноги которой болтались в нескольких футах от его лица.

— Что... я говорил...

— Вы владелец, мистер Прингл? Я слышала, как рабочие о вас говорят, — сказала девушка.

— Просто думаете вслух? — спросил Ларошель.

— Да... я имею в виду, может быть, — произнёс смущенный Прингл. — Она просто спросила меня...

— Кто «она»? — спросил Ларошель.

— Эта молодая леди.

— Какая молодая леди?

Прингл решил, что его мастер просто смущается, и поинтересовался у девушки:

— Вы не профсоюзный организатор, правда?

Девушка и Ларошель ответили одновременно:

— Я не знаю, кто это. Не думаю.

— Кто, я? О, перестаньте, мистер Прингл, вы же знаете, я ненавижу их так же, как и вы...

— Не ты, Джо! — закричал Прингл. — Не ты! Я спрашивал ее...

Терпение Ларошеля иссякало:

— А я спрашивал вас, кто это — «она»?

— Откуда я знаю? Я и сам пытаюсь выяснить.

— Думаю, мы запутались. Вы говорите о какой-то девушке, я спрашиваю, о какой, и вы говорите, что не знаете. Это бессмыслица, верно?

Прингл вытер пот со лба.

Девушка сказала:

— Я бы хотела с вами встретиться, мистер Прингл, только без этого господина Ларошеля.

— Мы увидимся, мисс, — ответил Прингл.

Ларошель сказал:

— Скажите, мистер Прингл, вы хорошо себя чувствуете? Чёрт возьми, было похоже, что вы разговариваете с кем-то, кого здесь нет.

Прингл начинал чувствовать себя крысой в руках психолога-экспериментатора, который из лучших побуждений, пытается свести его с ума.

— Не глупи, Джо. Было похоже, что я говорю с кем-то, кто находится здесь.

— Знаю, в этом и проблема.

— Какая проблема?

— Здесь никого *нет*!

Это утверждение, несмотря на его тревожный смысл, успокоило Прингла. В общем-то этот безумный спор напоминал поединок людей с завязанными глазами, которые бьются на палашах с шестидесяти шагов. Теперь у него были убедительные аргументы. Прингл резко сказал:

— Ты уверен, что *ты* чувствуешь себя хорошо, Джо?

— Конечно, без сомнений.

— Ты видишь или не видишь девушку в зелёном плаще, сидящую на краю штабеля?

— Не вижу. Я сказал, здесь никого нет.

— Я не спрашивал тебя, был ли кто-нибудь здесь, я спросил, видел ли ты кого-нибудь здесь.

— Что ж, если бы тут кто-то был, я бы видел его, не так ли? Разумно, не правда ли?

— Откажись от этого.

— Отказаться от чего? Мне надо увидеть зелёное плащье, которого здесь нет?

Прингл, обезумев, пританцовывал на коротеньких ножках:

— Не бери в голову, не бери в голову! Ты слышал женский голос, доносящийся с того штабеля?

— Нет, конечно, нет. Почему вы думаете...

— Хорошо, хорошо, это всё, что я хотел знать. Ты можешь идти домой. Остальное расследование я проведу сам. Нет, — заявил он, когда Ларошель начал протестовать, — я всё сказал.

— Ну хорошо. Но смотрите, чтобы профсоюзные организаторы не схватили вас, — Ларошель злобно оскалился и убежал. Прингл содрогнулся от последних слов, но отважно повернулся к штабелю.

— Так, молодая леди, — мрачно сказал он. — Вы уверены, что вы не профсоюзный организатор?

— Я бы знала, если бы это было так, мистер Прингл?

— Конечно, вы бы знали. Думаю, вы не организатор, похоже. А ещё больше похоже на галлюцинацию.

— Мистер Прингл! Я не искала встречи с вами, поэтому вы можете называть меня плохими именами.

— Без обид. Но здесь происходит что-то странное. Или Джо, или я видим вещи.

— У вас здоровые глаза, вы всегда видите вещи. Что не так?

— Ничего, когда вещи существуют. Я просто пытаюсь выяснить, вы настоящая, или я воображаю вас?

— Вы видите меня, не так ли?

— Определенно. Но это не доказывает, что вы настоящая.

— Что мне сделать, чтобы доказать, что я существую?

— Я и сам не уверен. Вы можете вытянуть руку, — с сомнением сказал он.

Девушка спустилась, и Прингл коснулся её руки.

— На ощупь настоящая. Но, может быть, я выдумал это ощущение. Почему Джо не видел вас?

— Я этого не хотела.

— О, так просто, да? Вы не хотели, чтобы он вас увидел, поэтому он смотрел прямо сквозь вас.

— Естественно.

— Это может быть естественно для вас. Но когда я смотрю на кого-то, то обычно вижу его. Давайте забудем об этом ненадолго. Давайте даже не думать об этом. Если я еще не спятил, то скоро спячу наверняка. Что за чудные вещи здесь творятся?

— Не думаю, что это забавно, когда мой дом разрушают.

— Что?

— Вы сломали мой дом.

— Я сломал ваш дом. Я сломал ваш дом. Юная леди... Как вас зовут, кстати?

— Асерия.

— Мисс Асерия или Асерия кто-то?

— Просто Асерия.

— О, что ж, хорошо. Я считал себя довольно умным человеком. Не каким-то кабинетным интеллектуалом, вы понимаете, а хорошим, знающим американским бизнесменом. Но больше я в этом не уверен. Кажется, всё не имеет смысла. Что, во имя Господа, вы имеете в виду, когда заявляете, что я разрушил ваш дом? Может быть, я сбил с пути вашего мужа?

— О, не так. Вот как! — она указала на кучу досок за спиной. — Это был мой дом.

— Эти доски? Прекратите, не хотите ли вы сказать, что кто-то из моих людей снёс ваш дом и стащил доски в штабель?

— И да, и нет. Эти доски сделаны из моего дерева.
— Вашего *чего*?
— Моего дерева. Я жила в нём.
— Полагаю, далее вы скажете, что вы ответственны за сегодняшнюю суматоху?
— Боюсь, что да.
— Что ж...

Другие тоже рассказывали о беспорядке. Или Прингл вообразил, что Джо Ларошель поведал ему эту историю... Нет, нет, нет! Он больше не мог даже думать о подобных вещах.

— Так, о чём мы говорили?
— Я хотела собрать дом. Сначала я пыталась помешать рабочим двигать доски. Когда это не получилось, я снова быстро собрала все доски вместе.

— Что вы *такое*? Какое-то привидение?
— Я сфернамниада. Это вид лесных нимф. Кто-то скажет «дриада», но это не совсем верно. Они дубовые духи. А я дух клёна. Мужчина привез моё дерево из Австрии более сотни лет назад. Прошлой зимой ваши люди срубили моё дерево. Я не могла их остановить, потому что находилась в спячке, кажется, так вы это зовёте, и когда проснулась, было слишком поздно. Вот так сгорели мои волосы, когда мужчины сожгли ветви и побеги. Они отрасли, но я знаю, они выглядят ужасно. Я не могу покинуть дом в будние дни, чтобы сходить в парикмахерскую, потому что боюсь, что рабочие будут двигать доски.

— Вы имеете в виду, что это не настоящий твёрдый клен? — резко спросил Прингл, внезапно забеспокоившись. Он забрался на штабель с проворством, удивительным для мужчины его возраста и габаритов. Он посмотрел на доски, осветив их фонариком. — Да, зернистость не совсем такая. Посмотрим, вдруг они одурачи-

ли сортировщика... Думаю, они могут отправиться вместе с остальными во вторник.

— Вы собираетесь продать эти доски?

— Конечно. Только что получили большой заказ из Хойта.

— Что с ними будет?

— Не знаю. Может быть, из них сделают парты, или чертежные бюро, или другие вещи. Зависит от того, кто в Хойте их купил.

— Вы не должны этого делать, мистер Прингл! Мой дом будет разбросан. Мне негде будет жить!

— Вы не можете завести домашнее хозяйство в другом деревне?

— Я могу жить только в норвежском клёне, а здесь таких нет.

— Что ж, не хотите ли вы купить их? Я отдам их вам по восемьдесят долларов за тысячу, это меньше, чем я могу получить на рынке.

— У меня нет денег.

— Что ж, тогда они отправятся с остальными. Извините, если это причиняет вам неудобства, но одна лесопилка тратит больше семи долларов за тысячу, включая страховку и износ.

— Я ничего не знаю об этих вещах, мистер Прингл. Я только знаю, что вы разделите мой дом так, что я могу его никогда не собрать. Вы же не сделаете этого, не правда ли? Я буду вам так благодарна.

Она трогательно посмотрела на него, слеза потекла по ее щеке. Если бы она поступила так раньше, пока было светло, это могло бы сработать. Но всё, что сейчас видел Прингл — это неясный, бледный овал ее лица в темноте. Поэтому он отрезал:

— Конечно, я сделаю это! Таков бизнес, юная леди. Если бы я позволял чувствам вмешиваться в дела, я бы давно потерпел крах. Кроме того, я не уверен, что вы

существуете. Так почему я должен отдать древесину, за которую я хорошо заплатил, кому-то, кто, может быть, просто галлюцинация?

— Вы плохой, злой человек. Я никогда не позволю вам вывезти доски.

— О, — ухмыльнулся он в темноте. — Это война, да? Никто никогда не обвинял Дэна Прингла в том, что он избегает хорошей, честной деловой битвы. Увидимся. Спокойной ночи, мисс Асерия.

Прингл был верен слову. Утром в понедельник он позвал к себе Ларошеля и приказал ему грузить древесину из штабеля № 1040 в понедельник, а не во вторник, как планировалось.

Миши, Камаре, Гэлливан и Берген огорчились, когда узнали, что им придется работать на № 1040. Но Ларошель пресек возражения, упомянув про бак с содовым раствором.

Они установили роллеры. Эти штуки выглядели как железные лестницы, но вместо ступенек на них были установлены стальные втулки, врачающиеся на шариковых подшипниках. Роллеры состыковали концами друг к другу на козлах для колки дров, таким образом, чтобы можно было катить доски через железнодорожные пути — от двух низких штабелей между вагонетками и железной дорогой.

Фасслер, контролер, перевернул первую доску с помощью заостренного Т-образного конца своей линейки для древесины и сделал пометку на листе учета. Гэлливан, удивляясь, какую же глупость он свалял, взяввшись за работу на штабеле № 1040, поднял доску и отдал её Миши. Миши положил её на ближайший роллер и толкнул. Звяк! — роллеры покатились и увезли доску.

При нормальном развитии событий доска должна была продолжить путь до товарного вагона, где её ждали Камаре и Берген. Их рукавицы были вытянуты, чтобы

схватить ее, когда она замедлилась, остановилась и устремилась в обратную сторону. *Звяк!* — вновь покатились роллеры, но на этот раз в обратном направлении. Мишо тупо уставился на доску, когда она проехала прямо у него под носом, скатилась с края роллеров и шлепнулась на вершину штабеля.

Асерию не удалось застигнуть врасплох.

Но Фасслер ничего не знал об Асерии, кроме каких-то неясных разговоров о прыгающих досках, которых он в расчёт не принимал. Когда между ним и товарным вагоном оказалась вагонетка, он не мог разглядеть, что происходило, и просто предположил, что кто-то толкнул доску обратно по роллерам. Так он сказал, добавив несколько звучных выражений. Он был не слишком благочестивым человеком, несмотря на внешнюю хрупкость, сутулость и безобидность. Люди любили подшучивать над ним, но иной раз они собирались вокруг него и восторгались богатством его словарного запаса.

Гэлливан оскалился на него:

— Эй, Арчи, скажешь что-нибудь еще? Уверен, слушать тебя — это как получать образование.

Но остальным было не до смеха. Камаре и Берген подошли со стороны товарного вагона. Камаре сказал:

— Меня снова начинает тошнить.

Берген продолжил:

— Будь я проклят, если буду работать в парке, полном привидений.

Мишо скептически приподнял бровь:

— Ты же не веришь в такие вещи, Оле?

— Что ж, не совсем. Но есть множество могущественных вещей, о которых ты не знаешь.

— Хорошо. Спорьте. А я отдохну.

И Мишо присел покурить.

Остальные все объяснили недоверчивому Фасслеру. Наконец, не зная, что ещё поделать, они вернулись к

работе. Мишо взялся лично сопровождать следующую доску к товарному вагону. Она неохотно двигалась; как раз перед тем, как они достигли цели, доска бросилась вперёд, в одну из дверей вагона, и вылетела в другую раньше, чем Камаре и Берген смогли остановить ее.

Джо Ларошель увидел, что его рабочие сидят на трамвайных путях и размышляют о делах Вселенной. Он закричал:

— Возвращайтесь обратно и выгрузите доски, или, к чертям, вы будете искать другую работу!

Гэлливан усмехнулся.

— Конечно, сейчас ничего ужасного не случится? — он понизил голос. — И не будет ничего ужасного, Джо, если босс узнает о том приходном ордере, который ты вернул Джеку Смиду?

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — сказал Ларошель.

— Но тем не менее я думаю, что есть и другие вещи, которые вы можете складывать.

В тот день так больше ничего и не удалось сделать со штабелем № 1040. Ларошель, если у него была душа, вёл тяжёлую душевную борьбу. У него был четкий приказ от Прингла, но он не мог применить обычный метод принуждения из-за щекотливой ситуации с приходным ордером. К ночи вторника он набрался храбрости, чтобы доложить Принглу.

Прингл резко произнёс:

— Звучит так, как будто они получили изрядно чертовой независимости. Может быть, профсоюзный организатор добрался до них, в конце концов. Посмотрим. Я придумаю что-нибудь до завтра, может быть.

Они не были друг с другом откровенны. Ларошель, очевидно, не мог объяснить, почему он не обошёлся сурово с бригадой, и Прингл не мог рассказать об Асерии из страха, что люди начнут стучать пальцами по голове. Он сам не был уверен в своей вменяемости. Он думал о

том, чтобы поехать в Атику для обследования, но боялся сделать это: доктор мог найти неполадки в его часовом механизме.

Утром в среду Прингл направился к лесопилке. Там он увидел что-то, что наполнило его страхами и мрачными предчувствиями. Пожилой, истощённый мужчина разглядывал товарный вагон, который стоял на тупиковой рельсовой ветке. На первый взгляд безобидное сочетание. Но пожилой мужчина был главным нью-йоркским товарным агентом, а вагон был тем самым, который прибыл с грузом извести несколько месяцев назад. У Прингла не нашлось места для хранения извести, и он не хотел строить ангар и не хотел платить за простой вагона. Поэтому он поставил вагон на край путей и укрыл кустарником. Там он и стоял, служа свободным складом, пока Прингл не разгрузил его на досуге, а Центр не стал вяло интересоваться, что стало с вагоном. Сейчас маскировка была снята.

— Мы интересовались, где находился этот вагон, — обвинительно произнёс Адамс, агент.

— Полагаю, это просто вылетело у меня из головы, — неубедительно ответил Прингл.

— Может быть. Похоже, вы задолжали нам за три месяцаостоя. Завтра первым делом я вышлю счёт, — и Адамс сурово удалился.

Позже Прингл разозлился на Ларошеля:

— Если я найду того, кто убрал кусты, я убью его...

Когда Ларошель ушел, женский голос произнёс:

— Я убрала ветки от вагона, мистер Прингл.

Междудвумя штабелями стояла Асерия.

— Вы... — брызнул слюной Прингл. Потом он взял себя в руки. — Полагаю, вы думаете, что очень умны, юная леди?

— О, я знаю, что умна, — невинно ответила она. — Я подумала, что вы спрятали вагон от всех — кроме меня.

— Что ж, если вы думаете, что ваша выходка изменит судьбу тех досок, то вы ошибаетесь. Они будут отгружены — даже если земля развернется и небо обрушится.

— Да? Посмотрим, как вы сказали вчера ночью, — и она исчезла.

Позже Прингл кричал Ларошелю:

— Эй, Джо! Срочно найди вагон для штабеля № 1040. Если бригада твердой древесины не хочет там работать, возьми людей из бригады, которая работает с сосновым материалом.

Он пробормотал себе под нос:

— Я покажу этому древесному привидению! Думает, что сможет меня напугать...

Но мужчины из «сосновой» бригады боялись не меньше, чем их коллеги, работавшие с твердой древесиной. По правде сказать, они боялись ещё больше. Доски врашивались крест-накрест на роллерах, прыгали со штабеля, шлёпали рабочих, и, наконец, ударили одного мужчину, Дэнниса Ахерна, по голове. Ему наложили два шва, и в тот день больше не предпринималось попыток загрузить вагон.

Вот что говорил сам Ахерн:

— Это могли быть привидения, или, может быть, дерево, или сок растений, но сам дьявол не позволил мнекоснуться тех проклятых живых досок. Мистер Прингл, вам нужна команда укротителей тигров.

Прингл разозлился из-за того, что у него не получилось отгрузить доски. Но он был умным человеком; он бы не продержался так долго, если бы рисковал. Дела с пиломатериалами Адирондака не в счет. Он ожидал, что Асерия применит черную магию или что-то подобное в отместку за его последнюю попытку загрузить вагон. Может быть, на лесопилке случится несчастье — поэтому он распорядился установить дополнительную охрану у пилорам. Или, думал он, однажды утром он может об-

наружить все платформы для пиломатериалов на дне реки Мус. Конечно, они весили более трехсот футов каждая, но он не сомневался в сверхъестественных способностях Асерии, какими бы они ни были. Поэтому Прингл оставил некоторых рабочих сверхурочно в качестве ночных сторожей.

Но Асерии также не была глупа. Возможно, она многое не знала после многих столетий жизни в лесах — но она быстро училась. Поэтому её следующий удар оказался неожиданным.

Миссис Прингл, язвительная женщина, должна была вернуться домой после визита к родственникам. Ни одна из сторон не надеялась на приятное воссоединение. Разрушительный эффект характера Хэлен Прингл, проявлявшийся уже тридцать лет, способствовал этому. Но чего бы ни ожидала Хэлен Прингл — она не предполагала обнаружить хорошенькую молодую девушку, сидящую за её туалетным столиком, в её спальне, спокойно досушивающую только что помытые морковно-рыжие волосы.

Асерия, быстро улыбнувшись, взглянула на задыхающуюся миссис Прингл.

— Да? — сказала она вежливо.

Губы миссис Прингл беззвучно шевелились. Потом она произнесла:

— Гаг.

— Простите?

— Ты... ты... что... что ты делаешь в моей комнате?

В первый раз с тех пор, как ей, миссис Прингл, исполнилось пять лет, она не могла подобрать слов — или почти не могла. Но ей помогло то, что на Асерии не было её зеленого платья.

Асерия, по-прежнему вежливо, заметила:

— Ваша комната? О, понятно, вы миссис Прингл! Как неловко. Было глупо со стороны Дэнни не попросить ме-

ня уйти, прежде чем вы вернётесь, не правда ли? Но если вы оставите меня на минутку, я исчезну со скоростью молнии.

Таким образом, воссоединение стало более захватывающим, если не более приятным, чем ожидал Прингл. Хэлен обрушилась на него и требовала сообщить, что это за создание (голос ее звучал, словно ленточная пила, проходящая сквозь двадцатичетырехдюймовое узловатое бревно). Она вопила: неужели у него нет ума понять, что никому не нужен такой старый дурак, разве что ради денег, и, если он желает делать глупости, то пусть соблюдает приличия и занимается этим вне поля зрения жены; хорошо, что она не распаковала вещи, потому что она немедленно уезжает. Что миссис Прингл и сделала.

Во время всей этой тирады Прингл был просто сбит с толку. Когда Хэлен захлопнула за собой дверь, он увидел свет и ринулся наверх. Конечно, там никого не оказалось.

Дэн Прингл пошёл на лесопилку, намереваясь обвинить Асерию во всех смертных грехах. Но по дороге он успокоился. Он начал ухмыляться и добрался до цели, чувствуя себя так, словно участвовал в триумфальной процессии.

Он огляделся, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь, и ласково позвал:

— Асерия!

Она появилась между двумя штабелями. Прингл предъявил обвинение:

— Полагаю, это вы только что показались моей жене?

— Боюсь, что да. Я не люблю вмешиваться в дела нравственности. Но я хотела заставить вас отказаться от попыток двигать мои доски.

Прингл ухмыльнулся:

— Всё хорошо, маленькая леди. Вы не навредили мне. Даже оказали услугу. Если я могу рассчитывать, что моя жена ненадолго уедет, может быть, я смогу насладиться жизнью. Поэтому больше не выкидывайте фокусов, или они вызовут обратный огонь.

— Вы все еще хотите разрушить мой дом?

— Да. Я бы мог смягчиться, если бы вы не выкидывали фокусы. Но теперь эта древесина будет отгружена, даже если это последнее, что я сделаю.

— Предупреждаю вас, мистер Прингл. У меня есть еще парочка, как вы их зовете, фокусов.

— Например?

— Увидите.

Гордость Прингла — или по крайней мере, то качество, которое его конкуренты называли злобностью — не позволяла ему уступить. Он не мог позволить событиям так развиваться; суматоха на лесопилке каждый день стоила ему денег, кроме того, и общая прибыль снижалась. Поэтому на следующий день он собрал всех рабочих лесопилки. Они стояли в молчании, становившимся невыносимым из-за того, что не слышалось шума работающих пил. Прингл вызывал добровольцев для рискованной работы.

Те, кто не сталкивался с летающими досками, слышали о них, поэтому не сильно жаждали испытать их воздействие на себе. Но Прингл обещал заплатить за работу в полуторном размере, а рабочим нужно было есть. Двадцать один человек согласился. Прингл отказался от использования роллеров. Большая часть бригады должна была просто сидеть на штабеле № 1040, чтобы прижимать доски, а четыре человека — носить доски через другие штабели к товарному вагону.

Сначала доски немного дёргались и извивались, но Ларошель ударял по ним топором, и они успокаивались. Все шло хорошо, пока вагон частично не нагрузили. За-

тем из него донеслись крики. Через несколько мгновений Мишо и мужчина по фамилии Чисхольм бросились от вагона, перебрались по ближайшему штабелю на рельсы и бросились вдоль подмостков. За ними вылетело несколько досок. Они качались туда-сюда, как будто преследовали мужчин и пытались ударить их.

Прингл очень хорошо знал, кто стоит за этими досками, но не мог ничего придумать. Пока он наблюдал, доски безжизненно упали на трамвайные пути. Затем из вагона послышался мощный грохот, и большая часть загруженного ПИВ клёна вылетела из открытой двери вагона с другой стороны от штабелей. Доски, вместо того, чтобы вести себя как подобает почтенным кленовым доскам, вертелись и корчились, как отвратительные личинки. Шлепаясь на землю, они изгибались полукругом, как будто кланялись, а затем с треском вытягивались и мчались к пиломатериалам.

— За ними! — кричал Прингл. — Ты, Джо! Два десятицентовика за каждую возвращённую доску!

Он спустился вниз и бросился за своими пиломатериалами настолько быстро, насколько позволяли его короткие ноги. Ларошель следовал за ним. Нервы бригады рабочих, уже расшатанные зрелищем противоестественной погони за Мишо и Чисхольмом, теперь полностью пришли в негодность. Но несколько человек последовали за Принглом и Ларошлем.

Они бежали и бежали, спотыкаясь о бревна, и падая в ручьи. В конце концов Асерия истощила свой запас эктоплазмы или чего-то подобного, и доски прекратили скачущий полёт. Они собирались в охапки и вернулись обратно. И снова собирались в штабель № 1040. Мужчины настрез отказались входить в товарный вагон — туда, где не будет места для маневров. Прингл истратил всю свою власть и способности руководителя, чтобы за-

ставить их вернуться к работе; визг пилы не доносился с холма над прудом до послеполуденного часа.

После обеда Прингл нервно ходил по лесопилке, ожидая контратаки, которая, он был уверен, должна последовать. И довольно скоро она началась. Такие лесопилки, как у Прингла, не оборудованные для производства мелких вещиц, как, например, шахматные фигуры, накапливают огромное количество отходов. Некоторые куски и обрезки можно использовать как топливо для котлов; что-то можно продать на дрова. Но есть излишки и множество бесполезных опилок. На краю лесопилки лежала куча опилок высотой в двадцать футов — ее собирались загрузить в огромную топку железной мусорожигательной печи.

Сейчас эта куча опилок совершила удивительные вещи. Она кружилась в водовороте в форме облака, словно ураган обрушился на её вершину. Облако росло, и когда на земле не осталось опилок, а облако достигло размеров дома, оно заметалось туда-сюда. Облако скрывало рабочих друг от друга и впивалось им в лица. Они не стали смелее, когда один из них заметил, что, пока облако перерождается в миниатюрное торнадо, деревья рядом стоят, не сгибаясь, совершенно неподвижно. Рабочие в панике бросились на лесопилку. Механик, услышав шум и крики, предусмотрительно выключил двигатель, и снова бригада осознала, что обрезные, торцовочные и тангенциальные пилы замолчали. Все остальные молчать не собирались. Прингл, вытаскивая опилки из своих налитых кровью глаз, вообще не мог заставить рабочих прислушаться к его словам.

Облако совершило несколько пробных атак на лесопилку. Но сил Асерии было, очевидно, недостаточно, чтобы загнать облако во множество дверей и окон сразу. Облако парило, качалось и угрожающее свистело во дворе.

Многие не любили Дэна Прингла, но все признавали — он добивается того, чего хочет. Он отвел чихающих и чертыхающихся Ларошеля и Фасслера в сторону и дал им поручение. Они побежали к машине Фасслера. Облако устремилось за ними, но они запрыгнули в машину и подняли стёкла. Они спаслись.

Вернувшись, они принесли две коробки, наполненные цветными солнечными очками с маленькими металлическими заслонками, из них получились недурные защитные очки. Фасслер сказал:

— Это всё, что было поблизости. Мы доехали до Олд Форджа и вычистили магазины. Моя машина всталася как раз перед нашим возвращением. Опилки в карбюраторе.

Прингл закричал, чтобы привлечь внимание. Он надел защитные очки, повязал носовой платок вокруг нижней части лица, поднял воротник рубашки, наклонил шляпу на уши и сказал:

— Теперь, ребята, если у вас достаточно мужества, вы сделаете как я: пойдёте туда и вернётесь к работе. Опилки вам не навредят. Я ухожу, даже если мне придётся одному грузить чёртовы вагоны. Кто со мной? Плата в полуторном размере, пока это облако здесь.

Все помолчали минуту. Затем Эдвард Гэлливан пробормотал что-то и надел защитные очки. Большая часть последовала его примеру. В конце концов, они были сильными и очень выносливыми, а вид их толстого и старого босса, готовящегося в одиночку встретиться лицом к лицу с облаком, мог устыдить любого.

Так, в масках и очках, они спустились обратно на пути, хватаясь за штабели, так как вихрь наносил по ним удары, а опилки жалили каждый дюйм открытой кожи. Прингл улыбался, прикрываясь платком; он видел, как они медленно приступают к работе, в то время как облако Асерии воет им в уши. Так древесное привидение всё ещё думает, что сможет превзойти его? Если это был

её последний фокус — он победил, чёрт возьми. Или, по крайней мере, это ничья.

Но он видел не последний фокус Асерии. Облако взлетало выше и выше, пока не стало похоже на шар. Все думали, что оно улетает навсегда, хотя и продолжали нервно поглядывать в небо.

Затем облако начало возвращаться. Когда оно подлетело ближе, люди увидели, что оно стало намного меньше и темнее, чем перед взлётом. Когда облако приблизилось, оно обернулось чем-то, что могло оказаться фантазией палеонтолога, страдающего белой горячкой. Оно немного напоминало птеродактиля, немного — осьминога и немного дракона Фафнира из «Зигфрида».

У него были огромные крылья, как у летучей мыши, и шесть длинных конечностей, похожих на щупальца, с руками на концах.

Крики, которые раздавались во дворе в предыдущих случаях, казались просто чириканьем канарейки по сравнению с криками, которые раздались сейчас. Когда штуковина скользнула над двором, рабочие, мастер, контролёры — все бросились бежать. Они бежали во все стороны — как растекаются шарики ртути, когда капля падает на поверхность стола, только гораздо быстрее. Они перепрыгивали через заборы и переходили вброд реку Мус по шею в воде. Оставшиеся внутри фабрики, выглядывали наружу, чтобы посмотреть, что случилось. Они всё видели — и тоже бежали.

Прингл приплясывал на рельсах:

— Вернитесь! — кричал он. — Он не навредит вам.
Это просто опилки! Посмотрите!

Чудовище подскакивало перед ним вверх и вниз, двигая своими ужасными желтыми челюстями. Он шагнул к нему и ударил кулаком. Он прошел сквозь опилки, которые маленькими струйками обвились вокруг его запястья. Дыра, проделанная его кулаком, сомкнулась, как только он вытащил руку. Это было, по его предположению, то же самое облако оживших опилок, но каким-то образом сжатое и сформированное в эту пугающую форму.

— Посмотрите! Оно ведь не настояще! Вернитесь! — он просунул руку прямо сквозь одну из извивающихся конечностей, но тварь немедленно обрела прежнюю форму.

Но не осталось никого, кто мог бы оценить такое проявление мужества. На другом берегу реки Прингл разглядел спины маленьких фигурок в тусклово-коричневой рабочей одежде, которые становились всё меньше и меньше с каждой минутой. Он заметил, как люди скрывались в лесу. Огромный силуэт низко опустился над тем местом, где раньше лежала куча опилок, и рассыпался. Опилки лежали на прежнем месте, а Прингл остался один.

Возможно, сильнее всего Прингла раздражало то, что на сей раз механик убежал, не выключив двигатели, и поэтому все пилы работали на пустом заводе. Принглу пришлось идти вниз и самому поворачивать рычаг.

Почти стемнело, когда Прингл и Ларошель появились на лесопилке. Они выглядели странно. Прингла, кроме остальных вещей, надел маску и защитный нагрудник. Ларошель натянул старую футбольную каску, несколько свитеров и тяжёлый кожаный фартук работника лесопилки. Прингл нес фонарь; Ларошель — пятигаллонную канистру с керосином и бензиновую паяльную лампу.

— Что вы собираетесь сделать, мистер Прингл? — спросила Асерия. Она сидела на № 1040.

Ларошель отбежал, чтобы запустить водный насос и размотать пожарный шланг.

— Собираюсь развести огонь.

— Вы хотите сжечь мой дом?

— Может быть...

— Почему бы вам не спалить всю лесопилку?

— Мы не допустим этого. Сначала мы собираемся намочить соседние штабели. Это рискованно, но какого черта!?

— Почему вы так хотите уничтожить мой дом?

— Потому что, чёрт побери, — Прингл повысил голос, — я возьму из этого бизнеса всё, что могу получить! Пусть это обойдётся мне в сотни раз дороже стоимости этих досок, но я не уступлю их тебе, поняла? Ты не дашь мне загрузить доски. И это вредит мне. Тогда я могу поджечь их и покончить с этой ерундой. И ты меня не остановишь. Твои доски привязаны, поэтому ты не можешь забраться в них и оживить. Мы с Джо защищены, поэтому ты не сможешь нам навредить. А у твоих опиличочных чудовищ нет шансов против паяльной лампы.

Асерия молчала. Единственными звуками были жужжение насекомых, звуки ударов по щекам, когда Прингл убивал назойливых москитов, шум автомобилей на шоссе и далёкие шаги Джо Ларошеля.

Затем Асерия сказала:

— Не думаю, что вы сожжете мой дом, мистер Прингл.

— А кто меня остановит?

— Я. Вы очень умно и храбро справились с моей магией, не так ли? И теперь вы говорите: «Хо-хо-хо, я теперь знаю все трюки Асерии».

— Да, — Прингл складывал обрезки и кору в кучу в стороне от штабеля. Из темноты послышался громкий

свист — это означало, что Джо начал поливать водой соседние дрова. — Ну, Джо! — крикнул Прингл. — Лови конец этой веревки. Мы накинем веревку на штабель, как только вытянем пару досок, чтобы остальные не освободились.

— Хорошо, мистер Прингл. Идите сюда, — в полуутыме раздались шаги, когда двое мужчин ходили вокруг штабеля, чтобы убедиться, что их смелое предприятие не пострадает ни от распространения огня, ни от неожиданной активности части досок.

— Очень умно, — продолжила Асерия. — Но я ещё раньше должна была вспомнить, что самая сложная магия не всегда самая эффективная.

— Ух... — сказал Прингл. Он плеснул керосина на штабель и поджёг его. Почти сразу же разгорелся большой яркий костер. — Нет ветра, — заметил Прингл. — Поэтому всё безопасно. Ну, Джо, давай вытащим первую доску.

Асерия, казалось, не обращала внимания на показное равнодушие. Когда Прингл и Ларошель опустили руки на доску, она сказала:

— Вы были так испуганы, когда я вселялась в них и оживляла, не так ли? И вы выстояли перед моим чудовищем. Но есть кое-что, чего вы боитесь больше досок или монстров.

Прингл только ухмыльнулся:

— И что это? Хорошо, Джо, поднимай! Не обращай внимания, если покажется, что я разговариваю сам с собой.

— Да. Профсоюзные организаторы, — сказала Асерия.

— Что? — Прингл ослабил хватку.

— Да. Вам понравится, если я организую ваших людей?

Рот Прингла открылся.

— Я могу сделать это. Я слышала, что они говорили, и я кое-что знаю о профсоюзах. А вы знаете меня. Я появляюсь, я исчезаю. Вы не сможете держать меня подальше, как мужчин из Американской Федерации Труда и Конгресса промышленных организаций. О, это была бы отличная месть за сожжение моего дома.

На протяжении тридцати секунд стояла тишина, нарушаемая дыханием мужчин и треском огня. Когда Прингл издал звук — это был звук задыхающегося, смертельный хрип человека, умирающего от жажды в пустыне.

— Ты... — прошептал он. И снова: — Ты...

— Вы в порядке, мистер Прингл? — спросил Ларошель.

— Нет, — ответил Прингл. — Я умираю.

— Итак? — спросила Асерия.

Прингл тяжело опустился в грязь, снял свою проволочную маску и закрыл лицо руками.

— Уходи, Джо, — сказал он, не слушая протестов встревоженного Ларошеля.

Прингл сказал:

— Ты выиграла. Что ты хочешь, чтобы я сделал с этими проклятыми досками? Мы не можем просто оставить их здесь, пока они не сгниют.

— Положите их в приятное сухое место. Я не против, чтобы их продали, но только все вместе, пока я не найду другое дерево того же вида.

— Посмотрим, — сказал Прингл. — Эрлу Делакруа нужен новый танцпол в его притон. Но Эрл такой скучной, что будет ждать, пока кто-нибудь не провалится сквозь старый. Может быть, если я предложу ему доски за полцены, или даже за четверть...

Так случилось, что три недели спустя Эрл Делакруа удивил тех, кто знал его скучность, тем, что установил новый танцпол в «Соснах». Он удивил всех ещё сильнее,

наняв милую рыжеволосую девушку в качестве хостессы. Ему самому не нравились эти новшества. Но Прингл лично привёл девушку и дал ей лучшие рекомендации. Мысленно Делакруа поднял брови. Если Прингла, который владел большей частью города, хотел устроить... кого-то... это была очень хорошая мысль — взять «кого-то» на работу, не задавая вопросов.

Делакруа был чрезвычайно заинтригован, когда девушка называлась Асерией; затем, когда он спросил полное имя, девушка шёпотом посовещалась с Принглом и назвала фамилию «Джонс». Джонс, да? Ха, ха.

С тех пор Асерия работает в «Соснах». Для вида она снимает комнату в пансионе по соседству. Но она там не ночует. Хозяйка пансиона не знает, что каждую ночь Асерия возвращается в ресторан. Там темно, и никто не видит, что она делает, чтобы слиться с досками. Возможно, она просто исчезает. Во время этихочных походов она всегда надевает зелёное платье. Или, скорее, оно было зеленым, но с приходом осени оно постепенно становится ярко-жёлтым.

Она божественно танцует и нравится местным парням, но они считают её немного странной. Например, рано или поздно она спрашивает у каждого знакомого, не знает ли тот места, где растут норвежские клёны. Она по-прежнему задаёт этот вопрос, и если вы знаете, уверен, она будет очень, очень вам признательна, если вы сообщите ей...

ПРИЗРАКИ МЕЛВИНА ПАЯ

Он снова был здесь.

Бернард Ригуло поднялся на локте, всматриваясь в темноту.

Он сказал себе: не будь дураком, Барни. Это твоё воображение. Не существует таких вещей — всё это твоё воображение. Ты стареешь — надо сходить к врачу. Если ты не можешь позволить себе частного доктора, ложись в клинику!

А спор между двумя людьми продолжался — шёпоты метались по полу и стенам.

Ригуло подумал: если уж они захотели разбудить меня, тогда пускай разговаривают так, чтобы я мог их слышать.

Внезапно диалог стал более внятным, как будто прибавили звук.

— Эй ты, негодяй — он проснулся, — сказал один голос.

— Я знаю, дружище, — ответил другой.

— Ты его напугаешь!

— Это я и хочу сделать.

— Это против правил, — послышался неприятный звук, будто кто-то выдул воздух изо рта. Затем появился призрак.

Это был крепкий, черноволосый мужчина лет сорока, с маленькими усиками, одетый в аккуратно отглаженный, двубортный тёмный костюм. Он остановился у изножья кровати, наклонился, вытянул пухлый указательный палец и сказал:

— Бу!

Ригуло пихнул жену.

— Эй, дорогая! Проснись!

Берта открыла глаза.

— Что случилось?

— Посмотри туда! Ты видишь то же, что и я?

— Похоже на призрака, — сказала она.

— Я и есть призрак! — заявил дух. — Хе-хе-хе!

— Ииих! — откликнулась миссис Ригуло; потом она натянула покрывало на голову.

— Хе-хе, — продолжил призрак. — Покажем им, жулик, дружище?

— Ты прекратишь? — спросил второй голос, то ли тот же самый, то ли просто похожий на первый. В этот момент Ригуло тоже накрылся покрывалом с головой.

«Риэлтерская компания Конроя» — а в частной жизни просто Джордж Конрой — сидя за столом, смотрел на посетителей с натянутой улыбкой, зная, что арендаторы заходят только пожаловаться.

— Здравствуйте, мистер Конрой, — сказал Бернард Ригуло.

— Здравствуйте, мистер...эээ... Ригуло, — ответил Конрой. — Я пришлю человека починить горелку через пару дней.

Ригуло не обратил внимания на это замечание:

— Я намерен разорвать арендный договор, — сказал он.

— Вы не можете сделать этого! Договор — это соглашение. Масляная горелка будет починена через несколько дней!

— Дело не в этом. Дело в привидениях.

— Видениях? Я вызову доктора.

— В привидениях, а не видениях. Призраки, штуки, которые делают «Бууу».

— Вы сошли с ума.

Ригуло потряс головой.

— Я видел то, что видел, как и моя жена, — сказал он. — Вчера у меня тряслись руки, поэтому я не мог рисовать. Я выезжаю из дома, пока вы не избавитесь от приведений.

— В чём дело, мистер Ригуло, почему на самом деле вы хотите уехать?

— Я сказал вам. Привидения.

Конрой вздохнул:

— Слушайте. Вы останетесь, если я проведу ночь в вашем доме и увижу призрака?

— Может быть. Если вы сможете избавиться от него, я подумаю.

Когда Ригуло ушел, Конрой сказал своей секретарше.

— Миссис Смолл, принесите дело по кварталу № 175.

Затем он ответил на телефонный звонок.

— Да, миссис Барт, я пошлю человека. Через пару дней. Что ж, крайний срок — пятница.

— Лучше сделайте что-нибудь с этой плитой, мистер Конрой, — сказала секретарша. — Барты два месяца не платят за аренду и говорят, что не заплатят, пока её не починят.

— Вы послали им обычное уведомление?

— Да, но они не сдаются.

Конрой вздохнул.

— Кажется, нам придётся починить их проклятую плиту. Узнай, сколько это будет стоить.

Миссис Смолл принесла дело по дому Ригуло, и Конрой начал изучать его.

— Ух, — сказал он. — Там же был убит этот парень, Пай. Всё случилось до того, как мы занялись кварталом. Гммм.

— Страшно? — спросила миссис Смолл.

Прежде чем Конрой подыскал язвительный ответ, телефон снова зазвонил.

— Это мисс Уинстон, — сказала миссис Смолл.

Риэлтерская компания Конроя испарилась, и Джордж Конрой, Человек, занял её место. Он говорил односложно, и половину этих слов составляли «ух».

— Хорошо, Бэбс, в шесть, — закончил он. — Пока-пока.

— Почему вы не женитесь на ней, босс? — спросила миссис Смолл. — Вы обязаны сделать это после десяти лет такой монополизации. Или вы не хотите делить свой доход?

Конрой свирепо на неё взглянул.

— Я не сую нос в ваши дела, миссис Смолл! — рыкнул он, и погрузился в дело по дому Ригуло.

Конрой приехал в дом Ригуло в 9 вечера и выпил бокал пива, который ему поднёс Ригуло. Миссис Ригуло

извинилась и ушла спать. Конрой не заметил её отсутствия, так как говорила она в основном банальнейшие вещи.

— Вы знаете, какой вы ценный арендатор, — сказал он Ригуло. — Всегда вовремя платите. Мне бы не хотелось потерять вас.

— Просто я так воспитан, — сказал Ригуло. — Я не принимаю одолжений. Но послушайте: я не могу жить в доме с привидениями. Если я буду дрожать так, что не смогу рисовать, то у вас не будет ни арендной платы, ни арендатора, ничего, — Он посмотрел на часы. — Одиннадцать тридцать. Кажется, пора выключить свет.

Казалось, то время, которое они просидели в темноте, тянулось дольше, чем на самом деле. Затем вдоль деревянных стенных панелей понеслось тихое бормотание. Источник звука, казалось, перемещался туда-сюда; звук становился всё громче. Конрой почувствовал, что кровь у него приливает к голове, а руки и ноги холодеют.

— Давай, бледнолицый, убрайся!

— Как ты смеешь!

— К чёрту правила. Я чувствую себя хорошо. *Vyup!*
Видение внезапно появилось.

Конрой был так же храбр, как и большинство людей, и не было ничего страшного в полном, среднего возраста призраке в двубортном костюме. Но у Конроя были свои первобытные страхи. Он встал, напрягая мускулы, чтобы не стучали колени.

— Кто вы? — спросил Конрой.

— Хех-хех, — сказал призрак. — Вы и есть тот бесчестный владелец дома? Ещё один маменькин сынок, как и Жулик. Поберегись! Я тебя схвачу!

Призрак загrimасничал и вытянул руки.

Конрой терпел это так долго, как мог. Затем что-то щёлкнуло, и он осознал, что уже выбежал из комнаты. Хохот привидения позади заставлял его бежать быстрее.

Но Конрой сбежал недостаточно быстро, чтобы не понять: этот призрак определённо будет стоить ему денег...

На следующее утро, после некоторых сомнений, Конрой набрался смелости и сходил в детективное агентство. Он бы никогда не позволил себе такие расходы, если бы не сарказм миссис Смолл.

— Что ж, мне сделать это вместо вас? — спросила она.

Детективом оказался дородный мужчина по имени Эдвард Калески, который, похоже, нисколько не изменился со времен палеолита.

— Привидения? — сказал он. — Вы смеетесь надо мной, мистер Конрой?

— Я никогда не шучу, — ответил Конрой.

— Я имею в виду, они настоящие или поддельные?

— Это вы и должны выяснить. Может быть, это совпадение, но человек по имени Мелвин Пай был убит грабителем в том доме десять лет назад. Всё, что я о нём знаю — его имя, потому что мы не владели этим кварталом десять лет назад.

Калески прибыл к дому Ригуло, не сомневаясь в своей правоте. Он был хорошим детективом, с воображением, позволяющим догадаться, что могут сделать другие люди, но не слишком развитым — поэтому необычайные события не вызывали у него нервной дрожи. Он немножко страдал от того, что работал «в захолустье» — так детектив называл район, где перед домами были разбиты лужайки.

Дом № 10915 был маленьким, кирпичным георгианским особняком, в точности напоминавшим все прочие дома в квартале, за исключением деталей окраски. Предупредительный Ригуло впустил Калески и устроил его со всеми удобствами.

Привидение, однако же, в положенный час не появилось. Вместо этого, когда наступила полночь, у Калески дыбом поднялись волосы — такие крики доносились из-за соседней двери. Он вскочил и столкнулся со входящим призраком.

— Уии! — воскликнул призрак. — Заблудился. Все эти проклятые дома похожи. Понимаешь, Жулик?

Дух икнул.

Калески осторожно вытащил дубинку и размахнулся. Он не был готов к тому, что оружие пройдет сквозь призрака без сопротивления. В результате он сам пролетел вперед, ударился коленкой о лестницу и тяжело упал.

Он сел, морщась от боли, и застонал. Ригуло внезапно появился у двери.

— Дубинки не могут навредить призракам, — сказал он.

— Убирайся, ты, дешевый арендатор! — проворчал призрак, кидаясь на Ригуло, который исчез на лестнице. Призрак посмотрел на Калески.

— Сыщик, да? Пронырливый полицейский пришел испортить мое веселье! Я расправлюсь с тобой! Я приду к тебе домой, крича «бууу!» Я заползу к тебе в постель и буду стучать зубами. Моя голова появится у тебя на каминной полке и расскажет твоим родственникам, что я о них думаю. Я... я отпущу тебя! Убирайся! Мне плевать!

Казалось, призрак борется с чем-то; вскоре он исчез из вида.

Калески поднялся и похромал к себе в номер, чертыхаясь вполголоса.

На следующее утро Калески позвонил Конрою и рассказал ему о случившемся. Конрой посочувствовал ему, но у него были свои проблемы. Арендатор № 10917, к которому по ошибке вторгся призрак, тоже угрожал съехать.

Следующие два дня Калески провёл, проверяя дом и сад Ригуло. Однажды он уже разоблачил медиумов, поэтому знал, что искать. Но он не нашёл признаков спрятанного громкоговорителя или прожектора. Также он навел справки о Ригуло. У арендатора было весьма профанное прошлое. Родился в Южной Каролине, двадцать лет работал художником в городе.

Но теперь Калески без предубеждения относился к делу призрака покойного Мелвина Пая. Он узнал дату его убийства у миссис Смолл. Газеты того времени, хранившиеся в библиотеке, сообщили немало деталей о Пае, да и полицейское управление поделилось информацией. Убийство не было раскрыто, но его явно совершил грабитель, которого застали врасплох. В то время Пай был казначеем маленькой сети кафе.

Калески заглянул в эти заведения. Большая часть персонала сменилась со временем Пая, но теперешний глава сети был вице-президентом, когда Пай ещё работал, и помнил его.

— Да, он был семи пядей во лбу, — объяснил президент. — Но не думаю, что он далеко бы пошёл; у него в характере было кое-что странное — нечто вроде раболепия. И ещё он был очень вежлив. Он не курил, не пил, не ругался, ничего подобного. Он был хорошим казначеем, внимательным и добросовестным.

Эта характеристика Пая не подходила к призраку, если только характер казначея не ухудшился после смерти. Калески доложил Конрою о результатах работы.

— Всё это очень хорошо, — вспылил Конвой. — Но это не избавляет нас от призрака. Номер десять-девять-пятнадцать сейчас свободен.

— Тот парень с юга уехал?

— Да. Он потерял работу, сказал, из-за того, что был на нервах и не мог рисовать. Винит меня в этом. Сказал, что переедет к каким-то родственникам.

— Что вы собираетесь делать с домом?

— Я переду в него сам. Я живу в одной из квартир в своём многоквартирном доме, но я бы лучше арендовал квартиру, чем дом с привидениями.

— Вы нервничаете.

— Дело в деньгах, Калески. Что вы собираетесь делать?

Калески, задумавшись, потирал челюсть.

— Ещё не знаю. Может быть, я перееду с вами? Это сократит расходы.

В первый вечер привлекательная женщина, еще достаточно молодая, чтобы называть её девушкой, позвонила в дверь. Когда Калески открыл, она с криком отпрыгнула назад.

— Что такое? — спросил Калески.

— О, я подумала, вы призрак.

Она представилась как мисс Уинстон; женщина пришла, чтобы приготовить им обед.

Калески вернулся к своей сигаре и спортивной газете. В кухне слышался голос мисс Уинстон.

— Но, Джордж, — говорила она, — что я должна была подумать, когда дверь открылась, и передо мной появилась волосатая горилла.

Калески, который, к счастью, не был тщеславен, ухмыльнулся.

Мисс Уинстон осталась, чтобы посмотреть охоту на призрака. Только смотреть оказалось не на что. Когда наступала полночь, Калески достал камеру со вспышкой и выключил свет.

Как всегда, начался спор. Когда появилось привидение, слабо светясь, Калески щелкнул камерой.

— Ох-ох! — сказал призрак. — Делаешь мои фото. Настоящий, подлинный, истинный призрак Мелвина Пая. Опасайтесь подделок. Надеюсь, тебе весело, сынок.

К тому времени, как зрение наблюдателей восстановилось после вспышки, привидение исчезло, и спор с невидимым собеседником перешёл в невнятный шёпот.

Калески сам проявил и напечатал снимок. На нем была гостиная, а в гостиной находился дух, сквозь которого ясно виднелся книжный шкаф.

— Хорошо, — сказал Конрой, — вы доказали, что в доме обитает призрак Мелвина Пая. Я это уже знал. Я хочу избавиться от этой чертовой штуковины.

— Я всего лишь детектив, а не экз... как называются те парни, которые изгоняют бесов? — спросил Калески.

— Экзорцисты?

— Да, я не экзорцист. Что вы хотите, чтобы я сделал, сказал «буу!»

Когда призрак показался следующей ночью, дверца шкафа открылась, и оттуда вышла фигура в простыне. Она протянула неприкрытую руку к призраку.

— Уууух! — вздохнула она.

— Буу! — закричал призрак. — Попался!

И он испарился.

Но почти тотчас же появился в другой части комнаты; или, по крайней мере, вновь прибывший выглядел в точности как его предшественник.

— Должен извиниться, уважаемые господа, за отвратительное поведение моего двойника, — сказало второе приведение. — На следующем собрании гильдии я потребую, чтобы его сослали за неприличное поведение.

— Что? — восклекнули Калески и Конрой в унисон.

— Вижу, вы не понимаете. Я настоящий призрак Мелвина Пая. Другое создание — это подделка. Вы так внезапно его спугнули, что его эктоплазма переместилась в меня. Ох, дорогие мои, я очень надеюсь, что он снова не отправится на винокуренный завод!

С этими словами призрак скрылся из вида.

— Эй, вернись! — позвал Калески. Но бесполезно.

— Что теперь? — спросил детектив Конроя.

Конрой вздохнул.

— Кажется, у нас два призрака. Но всё равно мы должны избавиться от них. Мы могли бы нанять экзорциста, не так ли?

— Полагаю, можем. Но это будет стоить вам денег.

— Думаю, я смогу это пережить.

Калески отыскал Учителя Махананду, которого он знал как практикующего медиума. Свами был худощавым, смуглым мужчиной, одетым во всё черное, за исключением белой рубашки. Он был одним из нескольких практикующих специалистов в этой отрасли, против которых Калески ничего не имел. Вот почему детектив обратился к нему сейчас.

— Говорите, — сказал Учитель Махананда высоким голосом с акцентом, — у вас здесь два призрака, каждый из которых утверждает, что он призрак покойного Мелвина Пая?

— Ага.

— Это очень необычный случай. Я слышал об одном похожем — двирупа упоминается в сорок второй тантре Камакришны. Я возьмусь за ваш случай, не столько ради платы, которая, как вы понимаете, всего лишь покрывает необходимые расходы, необходимые на этом материальном уровне, сколько ради интеллектуального интереса.

Учитель Махананда прибыл в дом с привидениями с большим потрепанным чемоданом. Первой вещью, которую он из него вынул, оказалась широкая оранжевая мантия, которую Свами надел вместо потертого черного пиджака. Он сразу же стал выглядеть более эффектно. Потом Свами установил маленький треножник и зажёг кусочек ладана, уложенный на вершину подставки.

— Я решил использовать древнее вавилонское *табалум татбал*, — сказал он. — Если оно не сработает, то

уже ничего не поможет, так как не существует заклинания мощнее.

Учитель установил на каминную полку ряд свечей в форме демонов. Он откупорил маленькую бутылочку и брызнул водой из неё на ветвь тамарискового дерева.

— Теперь, — воскликнул он, — мы готовы!

В полночь с криком появился призрак.

— Уиии! Я бенгальский тигр, страдающий от зубной боли! Я в отчаянии! Слышите мой стон? Осторожно, на мне нет цепей. Смотрите, как я изведу этих гадких арендаторов!

Учитель невозмутимо зажёг спичку, а потом все семь свечей-демонов. Затем он повернулся лицом к призраку и закричал, продевая ветвью замысловатые пассы:

— Я поднимаю факел, я сжигаю их образы.

Ютакку, шеду, рабису, экиму,

Либу и лилиту ардат лили,

И все зло, что владеет людьми!

— Что? — сказал призрак. — О, привет, Джузеппе.

— Мое имя до посвящения не имеет значения, — сказал учитель.

— Дрожи, растай и исчезни!

Пусть твой дым поднимется к небесам,

Пусть Шамаш уничтожит твои члены, пусть сын Иа,

Великий волшебник, обуздает твою силу!

— Ой! — сказал призрак, слегка пошатнувшись. — Ты играешь слишком грубо.

С этими словами он исчез.

Но тотчас же он, или его двойник, появился вновь.

— Извините! — пробормотал вновь прибывший. — Если вы на минутку остановите экзорцизм, я всё объясню.

— Итак? — спросил учитель.

— Он снова был на винокуренном заводе и опьянял от запаха. Извините меня, сколько у вас здесь вешей. Плохо, но они не сработают с Богусом.

— О, они сработают, — ответил учитель.

— Хех-хех, — сказал Богус, вновь появившись. — Ты так думаешь. Убирайся, Жулик.

Теперь он обращался к другому призраку.

— Мне не нужна твоя помощь, чтобы разделаться с этим никчёмным магом.

Учитель Махананда начал следующее заклинание. Второй призрак, Жулик, испарился. Затем первый, Богус, исчез из вида, и второй призрак появился вновь.

— Остановись, Богус! — кричал он. — Ты уже достаточно опозорил нас для одного вечера.

С этими словами он исчез, а Богус появился. Они сменяли друг друга четверть часа — исчезал то один призрак, то второй.

Наконец, Учитель Махананда рухнул в кресло, прикрыв голову руками. Богус, появившись в свой черёд, усмехнулся:

— Что я вам говорил? — злорадствовал он. — Вы не сможете изгнать призрака Мелвина Пая. Просто подождите до следующей ночи; я наберусь достаточно сил, чтобы покончить с этим проклятым владельцем дома!

— Не слушайте его! — закричал, появляясь, Жулик. — Я настоящий призрак Мелвина Пая!

— Не ты! Я!

Спор снова разразился, и два призрака, всё ещё пререкаясь, исчезли.

— Это бесполезно, господа, — вздохнул учитель. — Я могу изгнать любого духа, но двирупу слишком труд-

но...как сказать?... схватить. Когда ты отодвигаешь одну половину, вторая приближается. Я ухожу.

Учитель снял оранжевую мантию, засунул её в чемодан, убрал всё прочее имущество, нахлобучил на голову старую черную шляпу и ушёл.

— Что ж, — сказал Конрой, — куда теперь он исчез?

— Откуда я знаю! — ответил Калески. — Не думаю, что вы хотите, чтобы я дальше выполнял свою работу.

— Не уходи от меня, старина! — закричал Конрой. — Ты не слышал его угрозы? Он распугает всех моих арендаторов и разорит меня! Пожалуйста, останься ещё на пару дней! Просмотри ещё раз историю Пая. Где-то там должен быть ключ к разгадке.

Калески пожал плечами.

— Хорошо, если ты хочешь. Но я ничего не обещаю.

Ранним утром Калески начал охоту. Он нашёл сестру Пая в другом пригороде и от неё получил новые сведения.

Пая воспитывали в строгости, и он был не очень счастлив. Дважды в течение взрослой жизни у него случались провалы в памяти. В первый раз он пришел в себя и обнаружил, что поступил в морскую пехоту

Он отслужил свой срок и вернулся к прежней работе. Во второй раз он очнулся в тюрьме. Как он понял, предыдущий год он провёл, путешествуя, как странствующий чернорабочий. Он оказался в тюрьме из-за слабости к портовым кабакам и драк с матросами.

Сестра Пая направила Калески к психиатру, который лечил Пая после второго провала в памяти — доктору Экстрому. Калески нашёл номер Экстрома в телефонной книге и отправился в его офис.

Доктор Уильям Экстром оказался высоким, стройным мужчиной с серебристыми волосами, который походил на актера, играющего роль выдающегося психиатра.

— У Пая было раздвоение личности, — сказал он. — Гедонистические, предпримчивые стороны его души, так сурово подавляемые в ранней жизни, скопились в его подсознании в форме второй личности. Дважды его вторая идея-комплекс брала вверх. Как будто две личности, Л-Один и Л-Два, переменно управляли телом.

— Вы случайно не разыгрываете меня, доктор? — спросил Калески. — У некоторых людей может быть два разума в одном теле?

— Да, дорогой друг, такое возможно. Я мог бы вылечить Пая, если бы он не умер.

— Как вы собирались лечить их?

— Под гипнозом надо соединить две личности. Но, слушайте, к чему эти вопросы? Он же мёртв, и вы это знаете.

— Что ж, док, — неуверенно сказал Калески. — Он мёртв и не мертв. Я имею в виду...

— Да?

Наконец Калески рассказал всю историю. Когда он закончил, Экстром кивнул.

— Очаровательно, мой дорогой друг, — сказал он. — Вы не положите ногу на ногу на секунду?

Когда Калески сделал это, Экстром ударил его маленьким резиновым молоточком пониже коленной чашечки. Нога Калески взлетела вверх.

— Не думайте, что я псих, — сказал Калески. — Это напыщенное ничтожество Конрой расскажет вам то же самое. Вы заняты сегодня вечером?

— Нет... Послушайте, что вы задумали? — с подозрением спросил Экстром.

Калески раскрыл бумажник и отсчитал пять десяток.

— Если вы могли соединить его, пока он был жив, значит, вы сможете сделать это, когда он мёртв.

— Не говорите глупостей, старина. Я не медиум. Но... — тон изменился, когда Калески начал вынимать день-

ги, — …можно попробовать. Вы же понимаете, если там не будет призрака, у меня останется первоначальный гонорар.

— Что ж, нам следует тщательно подготовиться, — сказал Экстром. — Как я понимаю, гедонистическая личность, или Л-Два — известный как Богус — обожает спиртное. У кого есть бутылка алкоголя?

Нашлась бутылка виски. Экстром вылил ее содержимое в ванну и пропитал банное полотенце жидкостью; Конрой и Калески перестали возмущаться. Затем он повесил полотенце в гостиной. Вскоре от запаха стало трудно дышать.

— Ах-хах! — закричал Богус, просачиваясь из каминна. — Теперь я по-настоящему начну кутить в твоих домах, ты, глупый маленький риэлтор! Когда я проверну это, у тебя не останется арендаторов. Привет, это ты, тупой мелкий психиатр, который всегда пытался соединить меня с Жуликом?

— Да, — ответил Экстром.

— Хорошо, можешь провалиться сквозь землю. Мне не нужна эта вшивая подделка под призрака.

— Всё в порядке, старина, — искренне сказал Экстром. — Не хочешь выпить?

Богус фыркнул:

— Вот это неплохое обращение. Ты устроил это для меня? Может быть, я недооценил тебя, док. Но никаких слияний с этим чудаком, понял? — Он отклонился назад, как будто облокотился на невидимый диван. — Эй, Жулик, только посмотри на это!

— Ты можешь сказать мне, почему вы, призраки,носите костюмы вместо простыней? — спросил Калески.

— Потому что нас похоронили в костюмах, а не в простынях. Это кое-что мне напомнило — не вы ли, ребята, вышли из шкафа с простыней, напугали меня, и я

вылетел из своей эктоплазмы? Я ещё разберусь с вами. Хотя сейчас мне так хорошо... — призрак зевнул.

Экстром вытащил карманный фонарик.

— Мистер Пай, — сказал он, — есть один маленький эксперимент, который, возможно, вас заинтересует, — он сфокусировал луч фонарика на потолке и медленно начал двигать им из стороны в сторону. — Следите за лучом. Здесь тепло. Приятно вздремнуть... Ваши веки тяжелеют. Вы хотите спать... спать... спать.

Пять минут гипноза превратили Богуса в неподвижного призрака с остекленевшим взглядом. Затем появился второй призрак.

— О господи! — закричал Жулик. — Что вы сделали с ним, доктор Экстром? Я никогда не думал, что кто-то сможет его контролировать, он такой бешеный. Он не обращает внимания на правила и выходит сухим из воды. Политика, знаете ли.

— Какие правила? — спросил Калески.

— Профсоюзные правила, о тихом и незримом существовании. Мы приняли их после того, как множество домов с приведениями снесли. Ужасно быть призраком, дом которого уничтожен.

— Вы должны обитать здесь?

— Да, сэр. Меня здесь убили, поэтому мне придётся обитать в этом доме, пока за моё убийство не отомстят. Но преступник, который убил меня, в тюрьме до конца жизни, поэтому мне придется ждать его естественной смерти.

— Разве пожизненное заключение не считается расплатой за убийство? — спросил Калески.

— Считалось бы, но этот грабитель был приговорён не за моё убийство. Он убил одного из своих приятелей-преступников.

— Я бы мог снести этот дом, — задумчиво сказал Конрой.

— Дорогой мой, — произнес Жулик, — вы же не сделяете этого, сэр?

— Если другим способом я не смогу остановить призраков...

— Но это не принесёт вам добра. Все остальные дома в квартале построены по такому же плану, как и этот. Проще говоря, они и есть этот дом. Поэтому мы можем вселиться в один из тех домов.

— Ты можешь разрушить все дома в квартале, — сказал Калески.

— Ох! Ты знаешь, сколько стоило их построить, с нечестными подрядчиками и ленивыми рабочими? — застонал Конрой. — Это разорит меня! Кроме того, они практически новые, им только двадцать лет.

— Понимаю вашу озабоченность, сэр, — сказал призрак. — Надеюсь, я могу помочь....

— Вы можете, — вмешался Экстром. — Всё, что нам надо сделать, это соединить вас с Богусом. Объединённый призрак будет обладать спокойным, уравновешенным характером, и он не будет доставлять нам хлопот.

— Что, соединить меня с этим неотёсанным шутом?

— закричал Жулик, размахивая своими призрачными руками. — Нелепость! Тысячу раз нет!

— О, прекрати! — начал обхаживать его Калески. — Всё не так плохо.

— Вы же хотите поступить правильно, не так ли? — сказал Конрой.

— Доверьтесь мне, я знаю лучше, старина, — сказал Экстром.

После затянувшейся дискуссии призрак сдался:

— Поторопитесь и побыстрее покончите с этим проклятым делом! — прочитал он. — Подумать только, меня засунут в этого грубого невежду, которого я презираю!

Экстром начал махать фонариком, и вскоре Жулик застыл, как и его двойник. Затем психиатр сказал:

— Вы и Богус действительно части одного человека. Вы должны соединиться с ним. У каждого из вас есть свойства, которых нет у другого. Сейчас вы только половина призрака. Жулик, соединитесь с Богусом, чтобы составить цельного Мелвина Пая.

Жулик, словно во сне, подлетел к тому месту, где развалился его двойник. Он принял ту же позу в том же месте, и стал виден только один призрак.

— Проснитесь, Мелвин Пай! — закричал Экстром.

Призрак Мелвина Пая проснулся.

— Слушайте, это ловкий трюк, доктор Экстром, — сказал он, ухмыльнувшись. — Я помню всё, что делали мои прежние я.

Призрак встал. Он казался немного больше и намного внушительнее, чем оба прежних.

— Ха! — воскликнул он. — Хотел бы я быть таким раньше. Не говорите о том, что я натворил.

Это был ни Мелвин Пай, маменькин сынок, ни Мелвин Пай, безответственный хулиган. Это был Мелвин Пай, Избранник Судьбы.

— Но я всё ещё могу закончить пару дел. Ты! Ведь ты тот скупой владелец дома, так?

— Я... — начал Конрой.

— Заткнись! Ты знаешь, я могу опустошить твои дома, как и *тот*, да?

— Я...

— Заткнись! С этого момента будешь делать так, как скажу я.

— Я приведу учителя...

Призрак нахмурился:

— Заткнись! Я достаточно знаю о Джузеппе. Он не посмеет беспокоить меня. Во-первых, ты сдавал эти дома в позорном состоянии. Ты починишь три масляных горелки, две плиты, шесть холодильников и четыре во-

допроводных системы в этом квартале, и никакой небрежной работы!

— Но...

— Ты сделаешь, как я сказал, или мне начать хулиганиТЬ? — заворчал призрак.

— Хорошо. Но я...

— Заткнись! Дальше — тот арендатор, который жил здесь раньше, Ригуло. Он потерял работу. Ты дашь ему новую.

— Но мне не нужен чертёжник на полный рабочий день!

— Заткнись! Потом, Мисс Уинстон, которая приходит, чтобы готовить тебе обед. Она любит тебя, один Бог знает, почему. Женись на ней.

— Что?

— Ты слышал меня! Никаких отговорок, если не хочешь, чтобы все твои дома снесли. Я вернусь завтра, чтобы проверить, что ты делаешь. К тому времени я придумаю ещё задания. Спокойной ночи, джентльмены, — призрак быстро поклонился Калески и Экстром, и испарился.

После нескольких минут молчания Экстром сказал:

— Очень интересный эксперимент, джентльмены. Конечный результат оказался не таким, какого я ожидал. Я думал, в едином Пае останутся застенчивость Жулика и глупость Богуса, и с ним будет проще договориться. Вместо этого он сочетал ум и нравственный пыл Жулика с агрессивной воинственностью Богуса. Поэтому тебе придется сотрудничать с ним, старина... ха-ха... если не хочешь потерять свои дома.

Конрой закашлялся. Экстром поднялся и посмотрел на часы.

— Ох-хо-хо! Я могу успеть на поезд в город. Очень интересный вечер, господа. Надеюсь, я смогу описать этот случай в журнале. Конрой, старина, куда мне при-

слать счёт? В твой офис... что, почему ты так на меня смотришь? Ты не можешь мне угрожать! Ты не посмеешь тронуть меня, Конрой! Калески, останови его! Помогите! Ай!

Мгновение спустя высокий, седой мужчина бежал по темным улицам, его преследовал Джордж Конрой — он размахивал руками, глаза налились кровью. Экстром бежал быстрее Конроя — чтобы в пригороде не появился ещё один призрак, обречённый обитать на месте убийства, пока не свершится месть.

ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ

Алан Беннет быстро осмотрел Пятьдесят девятую улицу, дабы убедиться, что поблизости нет никого из его знакомых, и нырнул в старое здание.

За дверью был вестибюль, который вел к скрипучим ступеням. По всему вестибюлю висели стеклянные рамки. В одной из них обнаружились образцы работ какого-то фотографа. В другой — окрашенный в коричневый цвет портрет темнокожего мужчины с выступающим носом и большими, водянистыми черными глазами. Под фотографией стояла подпись — «Шри Мотилал Булоджна. Третий этаж».

В тот момент, когда Беннет стоял спиной к большой стеклянной двери, усваивая эту информацию, у его локтя раздался голос:

— Вы мистер Беннет, не так ли?

Беннет повернулся и увидел самого Шри Мотилала Булоджну в белом костюме.

— Что... эм... да, — ответил Беннет.

— Коммерческий художник?

— Да, — Беннет удивился, как парень это узнал. Конечно, не сложно понять, чем занимается человек, если не хочешь попасть в неловкое положение.

Йог не был так высок и худощав, как Беннет. Он оказался примерно ровесником Беннета, которому было тридцать пять, хотя Беннет выглядел старше йога — его волосы уже начали седеть.

— Я выходил на минутку, — продолжил Шри Мотилал. — Вы подниметесь? Я собирался начать вступительную речь, — он быстро зашагал по скрипучей лестнице, Беннет двинулся следом, недоуменно хмурясь.

На полпути вверх Алан Беннет понял, что обстояло не так. Большая стеклянная дверь открывалась внутрь. Он

стоял к ней спиной. Чтобы войти в ту дверь, надо было отодвинуть его, Беннета, с дороги. На первом этаже вестибюля больше не было дверей, ведущих на улицу.

Беннет, будучи художником, не умел мыслить логически. Но даже он не мог не заметить, что либо (а) все не таково, каким кажется, либо (б) Шри Мотилал Булоджна спустился с потолка, или выскочил из люка как Дьявол в «Фаусте», или проник сквозь стены вестибюля.

Беннет ускорил шаг. До этого он склонялся к тому, чтобы отменить визит к йогу. Теперь никакая сверхъестественная сила не заставила бы его уйти.

Когда они достигли третьего этажа, Шри Мотилал церемонно открыл дверь и пропустил Беннета. Он сказал:

— Не присядете ли здесь?

Беннет увидел некоторое количество стульев вдоль одной из стен комнаты. Четыре из них были заняты, один — маленьким измощдённым стариком, а три — женщинами: матроной размером с линкор; иссохшей старой девой средних лет; и блондинкой, девушкой с квадратным подбородком, хорошенкой, но, возможно, тоже будущей старой девой.

Вновь появился Шри Булоджна. На нем по-прежнему был белый костюм, но он сменил туфли на тапки и прикрыл иссиня-черные волосы тюрбаном.

Он без колебаний начал лекцию, говоря с британским акцентом, но слегка гнусавя; вдобавок он постоянно ошибался в ударениях:

— Друзья мои, прежде чем вы начнете курс обучения по дисциплине «йога», было бы желательно прояснить кое-какие неправильные представления, которые могут возникнуть в ваших западных умах.

Во-первых, величайшая ошибка — предполагать, что один лишь факт восточного происхождения — гарантия наличия таинственных или оккультных сил. Индия разработала свою школу материалистической философии.

Например, школа вайсешика предвосхитила многие ваши западные доктрины атомной физики. Но всем известен тот печальный факт, что Индия производит свою долю шарлатанов и жуликов.

Я не стану преувеличивать выгоды, которые вы получите от изучения дисциплины, именуемой «йога». Как заметил один из ваших пророков, много званных, но мало избранных. Не все из вас смогут в этом воплощении достичь состояния сверхсознания, известного как самадхи, которое является целью нашей философии. Но если вы проявите упорство, то этого добьетесь, и будете вознаграждены.

Первая ветвь йоги, которую мы должны обсудить, это хатха, или физическая йога, так как вы очевидно должны научиться контролировать свои тела, прежде чем сможете освободиться от них. Позже мы рассмотрим Джнару, или умственную йогу...

Алан Беннет понял, что монотонный голос усыпляет его. Он проснулся, вздрогнув. Шри Мотилал Булоджна заметил это и строго на него посмотрел. Беннет собрался с силами, чтобы усвоить инструкции по первым двум этапам.

Первым шагом стало воздержание. Беннет не думал, что будет скучать по спиртному, так как отличался умеренностью в выпивке. Диета без мяса ему не нравилась, но он полагал, что на какое-то время сможет с ней смириться. Запрет на курение, видимо, должен был стать по-настоящему тяжелым испытанием.

Второй шаг — подготовка к дхаране, или сосредоточению внимания. Пять претендентов должны были совершенно неподвижно сидеть в течение часа. Дав эти указания, Шри Мотилал скинул тапки, подтянул свои белые брюки, сел на пол в позу лотоса, уложив ноги на бедра. С виду он теперь напоминал статую, покрашенную в коричневый цвет.

Через десять минут у Алана Беннета зачесался нос, затем левая нога, потом правое плечо. Зуд распространялся; наконец зудёл весь Алан Беннет.

Через двадцать пять минут маленький старик громко закашлялся, встал и вышел, бормоча:

— Чертова глупость!

Беннет был с ним солидарен, но не собирался уходить, пока не решит вопрос, как человек может пройти через стеклянную дверь, не открыв ее. Происшествие на некоторое время отвлекло Беннета от зуда, но вскоре ощущение вернулось.

Когда они поняли, что больше не могут это выносить, Шри Мотилал расправил ноги, поднялся и сказал:

— На этом всё, друзья. Полагаю, что увижу вас завтра вечером в это же время. Спокойной ночи.

Беннет приоткрыл рот, чтобы спросить о двери, но не решился задать вопрос йогу в лицо.

На следующий день у Беннета возникли проблемы с картинами. В этом он винил шумливую хозяйку квартиры, влажность, недостаточность света, проникавшего через застекленную крышу студии (был летний день с дождём и грозой) — и, наконец, отыскал настоящую причину: своё любопытство, связанное с происшествием со стеклянной дверью.

Он пришел к Булоджне на полчаса раньше, что звучало бы фантастически для тех, кто знал привычки Алана Беннета. Он появился первым. Булоджна предложил гостю чувствовать себя как дома и исчез в каком-то внутреннем помещении.

Затем прибыла блондинка. Она сказала:

— Здравствуйте. Я Паулин Эдж. Вас зовут Беннет, правильно?

Беннет неохотно подтвердил это.

Девушка продолжила:

— Мама сегодня пошла в какой-то там клуб, но велела мне придти сюда и запомнить всё, что скажет Булоджна.

Они поговорили о погоде, выяснили, что у них есть парочка общих знакомых, и через несколько минут болтали словно старые друзья.

Беннет спросил:

— Чем ты занимаешься, Паулин?

— Я? Я просто вожусь с собакой.

— Ты так развлекаешься?

— Господи, нет. Но я не могу заниматься ничем другим. Понимаете, мы Новые Бедняки. Вот уже десять лет. Я недостаточно красива, чтобы стать моделью. На худой конец, я бы научилась печатать на пишущей машинке, но мама не купит её, а поскольку у неё всё-таки есть

немного денег... И я сижу здесь. Вот что получается, если тебя воспитывают дебютанткой, черт возьми!

— А как вы сюда попали?

— Ещё одна мамина идея. Она заплатила за курс, поэтому по крайней мере одна из нас прослушает его. А вы?

— Я? — переспросил Беннет. — О, не знаю. Мне стало скучно с друзьями, и я подумал, что мне нужны какие-то ещё интересы, кроме картин. Поэтому я подумал — взгляну-ка, что представляет собой восточная мудрость.

— Вот идёт учитель, — сказала Паулин.

Шри Мотилал Булоджна подошёл к ним:

— Добрый вечер, друзья, — сказал он, из вежливости сделав вид, что не обращает внимания, как уменьшилась его аудитория. — Сегодня я расскажу вам кое-что ещё об идеологической подоплеке йоги, чтобы вы поняли: это не фокус-покус. Сейчас мы можем вести себя менее формально, поскольку материалисты отселились; так всегда и происходит.

Позы хатха-йоги, известные как асаны, помогают возвысить трансцендентальные элементы вашего характера и обрести контроль над материальными элементами. Поднявшись над дхараной, дхайаной и самадхи, вы научитесь владеть не только своими телами, включая так называемые «непроизвольные» функции, но и силами природы, и, в конечном счете, достигнете единства с духом Вселенной...

К этому времени Беннет начал терять нить разговора. Он не мог решить: то ли он настолько глуп, что не понимает всей этой метафизики, то ли Булоджна просто обманывает его.

Беннет страстно жадно хотел курить. Он прервал поток метафизики, чтобы поинтересоваться:

— Извините, но как долго мне ещё нельзя курить, пить и тому подобное?

Шри Мотилал с жалостью взглянул на него:

— Эти привычки — всего лишь первые пункты в списке вещей, от которых вы откажетесь.

— Что? Вы имеете в виду, будет ещё что-то?

— Именно так. Конечно, поскольку ни один из вас не состоит в браке, мне даже не придется упоминать об одном из этих пунктов.

Тут в горле у Паулин Эдж что-то булькнуло; она старалась подавить смех. Йог очень строго на нее посмотрел:

— Не вижу здесь ничего смешного, мисс Эдж. Не похоже, что вы понимаете жертву, на которую я иду, предлагая вам себя в качестве гуру. Я живу в логове материализма; унижаюсь, принимая *деньги*, — но откуда вам знать? Вы не можете знать, что ставите меня в невыгодное положение в овладении высшей степенью йоги — йогой патанджали, йогой бездействия. Вы просто никогда не испытывали этого. Это моя ошибка. Я должен был вам сказать, что, чем дальше вы продвигаетесь в наших занятиях, тем меньше у вас будет материальных удовольствий. Если вы достигните самадхи, ваше отношение к материальным вещам станет совершенно безразличным; может, они даже станут для вас отвратительны.

Беннет сказал:

— Зачем всё это?

— В этом вся суть. Сложно объяснить необъяснимое, но я попытаюсь. Буддизм, который в некотором смысле является еретическим ответвлением йоги, объясняет всё так: все пять состояний восприятия — это боль. Причина боли — страстное желание, которое ведет к перерождению. Прекращение боли зависит от прекращения страстного желания, которое достигается разделением пяти состояний, составляющих личность. Наша доктрина немного отличается от этой, но подобное изложение

может вам дать представление... — Шри Мотилал снова был где-то далеко, его пальцы рисовали изысканные узоры в воздухе, а глаза его сфокусировались на чём-то нездешнем.

— А теперь, — сказал он, — давайте попробуем принять позу лотоса. Вам было бы неразумно находиться в ней более пятнадцати минут материального времени при первой попытке. Снимите обувь.

Паулин не составило труда принять позу. Беннет сделал это только после болезненного ворчания и треска суставов. Булоджна сказал:

— Нет, не кладите правую руку на колено. Это еретический буддийский вариант, — и он умчался.

После нескольких минут тишины Алан Беннет застонал. Неописуемый звук, который он издал бы, если бы не пытался сохранить медитативную тишину, мог означать только одно: «Ради Бога, выпустите меня!»

Он сделал несколько движений, попытавшись выбраться из позы лотоса, но безуспешно. Он застрял. Беннет почувствовал себя крысой в ловушке, и от того, что ловушку поставил он сам, возникшее ощущение становилось ещё более отвратительным. Беннет тянул и толкал ноги, но это только обостряло боль.

Паулин взглянула на него, а затем тревожно закричала:

— Помогите! Мистер Булоджна!

Йог просочился сквозь сплошную стену комнаты. Беннет позабыл о своем мучении, а Паулин таращилась на индуса, а Шри Мотилал дотронулся до некоторых мышц Беннета. Ноги Беннета вновь выпрямились.

Он спросил:

— Как... как вы это сделали?

— Как я... а, вы имеете в виду моё перемещение. Я же говорил вам, что мы достигаем контроля над силами природы.

— Так же вы вчера прошли сквозь дверь?

— Да. Боюсь, я слишком неосторожен. Вы сильно задержали мое продвижение, так как сущность этих сил состоит в том, что человек должен сохранять предельное равнодушие к материальному миру, чтобы использовать их. Вы можете встать?

Беннет попытался. После двух следующих попыток он наконец-то сумел встать на ноги, но мог стоять только прямо.

Паулин поддерживала Алана Беннета на лестнице и на улице. Она с волнением спросила:

— Как ты себя чувствуешь, Алан?

— Думаю, я повредил спину, — ответил Беннет.

— Ох, бедный мальчик! Тебе нужен кто-то, кто позаботится о тебе!

— Спасибо, — сказал Беннет. — Но прямо сейчас мне нужно выпить.

— Замечательная идея. Но... как же правила мистера Булонджны о воздержании?

— К черту их, вместе с мистером Булоджной.

— Тем не менее, Аллан, думаю, в нём что-то есть, с этим его умением просачиваться сквозь стены.

— Может быть. Но, что касается меня, я не стану в этом разбираться. Я художник, а не комитет по психическим исследованиям. Так как насчет выпивки?

На следующий вечер Беннет понял, что может ходить почти нормально. Паулин позвонила ему:

— Аллан, тебя всё ещё интересует восточная мудрость?

— *Nem!* Ну, может быть, немного, но не до такой степени, чтобы завязывать себя в узлы. А что, Полли?

— Думаю, я нашла того, кто не будет завязывать тебя в узел.

— Нашла кого? Еще одного йога?

— Не совсем. Этот называет себя философом-ведантистом. Его зовут Шри Рамануджа Бамх. Он заве-

ряет, что даст тебе всю восточную мудрость, какую ты пожелаешь, без сложных поз и дыхательных упражнений. Хочешь сходить к нему?

Беннет захотел.

Шри Рамануджа Бамх жил на востоке Пятьдесят девятой улице всего в нескольких кварталах от Шри Мотилала Булоджны. Сам Шри Рамануджа Бамх оказался персонажем более ярким, чем йог — высокий, могучего телосложения, с длинной, серой бородой и густыми бровями. Его аудитория была того же сорта, какую Беннет увидел у Булоджны в первый раз, только обширнее.

Беннет опоздал, как обычно. Он пришёл, когда Бамх говорил:

— ...поэтому личность — это не общность неуклонно растущего и меняющегося психического опыта. Личность во сне без сновидений не может удовлетворить наши нужды, так как она пуста и является простой абстракцией. Истинная личность — это всеобщее сознание, существующее внутри и для себя. Три состояния души — бодрствование, мечтание и сон — входят в четвёртое — турию — интуитивное сознание, где нет знаний об объектах внутренних или внешних. Оно неизменямо и подлинно и находится в середине всех изменений...

Беннет не понял этого, но его художественному чувству была близка прекрасная картина, которую представлял Шри Рамануджа со своим тюрбаном, бородой и движущимися руками.

— ... что приводит нас к доктрине *Майа* о мировой иллюзии. Каждый объект стремится перейти от себя к чему-то другому. Категории времени, пространства и разума, которые ограничивают опыт, сами себе противоречат. Наше знание мира несовместимо....

— Надо поинтересоваться, может ли он мне позировать, — думал Беннет. — Как раз нужен раджа для рекламы новой хлебной водки...

После того, как занятие закончилось, Беннет сказал своей подруге:

— Боюсь, я не всё понял.

— Как и я, — ответила Паулин. — Но какой он колоритный! Думаю, я буду ходить на все оставшиеся в курсе лекции; они не так уж дороги.

Она ходила, и Беннет, чьи подружки вышли замуж или разъехались пару лет назад, тоже ходил. К третьей лекции он начал беспокоиться.

Когда аудитория начала расходиться после лекции и обычная группа стала забрасывать Шри Рамануджа вопросами о нравственных загадках или ложной учености, Беннет громко сказал Паулин:

— Полли, всё, что я слышу, это слова, слова, и ничего больше. Не думаешь ли ты, что мы могли бы получить больше восточной мудрости за эти же деньги от кого-то другого?

Паулин стало неловко. Прежде чем она ответила, Шри Рамануджа Бамх уже стоял рядом с ними:

— Друзья мои! — искренне сказал он. — Мой духовный взор был обращен на вас какое-то время, — затем, более громким голосом. — Не хотите ли вы присоединиться к нашему Внутреннему Кругу?

— Такой есть? — спросил Беннет.

— Да, несомненно. Нельзя раскрыть древнюю мудрость таким незрелым детским умам, как эти, без подготовки.

Беннет поинтересовался:

— Означает ли это, что необходимо отказаться от материальных удовольствий?

— Нет, нет, никакого глупого аскетизма. Мы просто проникаем в реальность, которая лежит в основе мировой иллюзии. Пойдёмте, я попрошу за вас.

Они пошли.

Во Внутреннем Круге состояло ещё трое. Все, к удивлению Беннета, оказались хорошенёкими девушками.

Комната была тёмной, с высоким потолком. В дальнем конце комнаты стояла маленькая статуя со множеством рук, подсвеченная красным.

Шри Рамануджа переоделся в длинную мантию. Он торжественно изрёк:

— Сегодня, в пять тысяч сорок третий год Кали-юги, мы собирались во имя Ардха-нарисса, чтобы изобразить единство Майи, или космической иллюзии, с Пракрити, или пластичным веществом, и таким образом проникнуть к начальному источнику земных вещей.

Далее последовали несколько метафизических изречений, которых Беннет совсем не понял. Он почувствовал какое-то смутное беспокойство.

Бамх продолжал:

— Первая *мантра*, или слово силы, которое мы сегодня должны выучить, это...

В конце этого предложения Бамх округлил губы, также, как мы, когда говорим «о», но не раздалось ни звука.

— Прошу прощения? — сказал Беннет.

Бамх улыбнулся:

— Я забыл, что вы немного отстаёте от остальных. Знайте, что *мантры*, которые глупые йоги неправильно употребляют в качестве гипнотического средства, в реальности являются идеальными неслышными звуками, составляющими один из аспектов Вселенной. Если их записать, то они образуют вселенскую терминологию. Вы говорите по-французски?

— Эээ... немного, — взволнованно ответил Беннет.

— Тогда вы поймёте, что эта мантра, если бы она звучала, произносилась бы как звук «о» во французском слове «bon». Это одна из самых мощных мантр, представляющая тройное устройство космоса. Составные части «а», «оо» и «мм» представляют, соответственно, Абсолют, Относительное и отношения между ними. Теперь скажем...

— ... — промычал Беннет.

Шри Рамануджа улыбнулся:

— Немного тренировки, и получится отлично. Это защитные мантры; только продвинутым ученикам я открываю наступательные мантры. Следующее слово силы — это...

— Что? — сказал Беннет.

— ... — вежливо не произнёс Бамх. — По буквам произносится А-в-е-л-о-к-и-т-е-ш-в-а-р-а, а если произнести, получится Авелокитешвара. Скажите...

— ... — повторили ученики.

Бамх пояснил:

— Мантра ... удостоверяет, что если вы встретитесь с роковой случайностью во время практики, то вы переродитесь в одной из десяти точек космоса.

Он продолжил обучать учеников идеальным, неслышимым звукам. Беннет понимал, что ему всё сложнее и сложнее оставаться в сознании. Он не совсем спал, но его разум, казалось, погружался в неясное, похожее на транс, состояние.

Беннет старался сконцентрироваться на указаниях Бамха, но вышло только хуже. Он попытался вспомнить таблицу умножения, но безуспешно. Он не волновался: ему было просто любопытно, и он немного раздражался, как в тот раз, когда обнаружил, что напился сверх своей скромной меры, и его мозг действовал не так, как хотелось бы.

У него в голове снова промелькнула мысль: какую шикарную картину можно нарисовать с этого парня! В тот же миг туман немного рассеялся. В разумной части мозга возникло ощущение облегчения. Если избавиться от этого так легко, то волноваться не о чём. Он позволил себе ещё ненадолго впасть в транс. Он заметил, без особого интереса, что все четыре девушки наклонились вперед, глаза у них остекленели.

Шри Рамануджа Бамх выпрямился:

— Довольно наставлений, — сказал он. — Теперь мы готовы к кульминации нашего собрания; завершению нашего контакта с реальностью, для которого мировая иллюзия всего лишь тень; культу женского созидающего источника!

Это заставило крошечный, всё ещё функционирующий кусочек разума Беннета насторожиться. Что бы ни значил «женский созидательный источник», Алану Беннету не нравилось, как это звучало.

Но думать было так трудно, и его тело полностью отказывалось подчиняться простейшим командам тех двух процентов мозга...

Бамх осмотрел аудиторию, остановившись на Паулин Эдж.

— Ты, — выдохнул он. — Как новая участница нашего круга, должна совершить богослужение в этот раз!

Беннет изо всех сил пытался сосредоточиться на своих художественных познаниях. Освещение и композиция — и получилась бы шикарная обложка для журнала...

Его разум медленно пробуждался, словно к онемевшей руке приливалась кровь.

Беннет вытолкнул себя из кресла — медленно, дюйм за дюймом. Он прохрипел:

— М-м-минуточку...

Шри Рамануджа обернулся:

— Что такое? Ты прерываешь Учителя? — Он сделал два шага вперёд и не произнёс *мантру*: — ...

Беннет отшатнулся назад, словно от порыва ветра. Бамх наступал на него:

—!

Беннет почувствовал, что пол уходит у него из-под ног.

— !

Сильный порыв ветра сдувал Беннета. Он скользил к двери, быстрее и быстрее, вниз по лестнице, сквозь стеклянную дверь у выхода из здания. Он прошёл сквозь стекло не с помощью какого-то мистического озарения, а с громким шумом и звоном.

Он поднялся. На запястье остался маленький порез. Несколько прохожих смотрели на него. Беннет ринулся обратно к двери. Как только он ступил внутрь, ветер, который, казалось, дул только на него, подхватил Алана, и пол ушёл у него из-под ног.

Он проиграл этот бой. Нужен огонь, чтобы сразиться с Дьяволом. А лучший торговец огнём жил всего лишь в нескольких кварталах.

Шри Мотилал Булоджна размотался и посмотрел на задыхающегося Беннета, когда последний ворвался в комнату без стука. Йог сказал с легким оттенком раздражения:

— Вы прервали мою концентрацию. Зачем?

Беннет всё рассказал.

— Ну что ж, — сказал Булоджна. — Могу сообщить вам, что Бамх тайный тантрист, и притом тантрист самого сомнительного толка. Если бы вы продолжили изучение йоги и приобрели бы хоть частицу моих сил, то могли бы совладать с ним.

— А вы можете? — спросил Беннет.

— Да. Точнее, я мог до прошлой недели.

— Вы имеете в виду, что забыли, как? — закричал Беннет.

— Конечно, нет. Всё дело в том, что я овладел йогой Патанджали, великой йогой бездействия. Я должен вернуться в Индию и посвятить себя высочайшей форме моей философии, то есть ничегонеделанию.

— Но... но вы же не хотите, чтобы этот парень Бамх... эээ... сделал, что он там собирается сделать?

— Я не хочу ничего. Мир, и всё, что в нём есть, глубоко мне безразличны.

Беннет пританцовывал от неистовой тревоги:

— Но... но...

Булоджна задумчиво сказал:

— Я могу сделать одну вещь. Я лично не могу помешать этому тантристу, так как это подразумевает действие. Но я призову знатока, который, может быть, сможет помочь тебе, хоть он и еретический махайанец.

Булоджна прикрыл глаза. Он застыл на минуту и даже не дышал; наконец Беннет начал беспокоиться.

С одной стороны комнату озарил свет. Сквозь стену прошёл маленький жёлтый мужчина в очень грязном жёлтом одеянии. Он сидел в воздухе в позе лотоса.

Булоджна сказал скучным, равнодушным голосом:

— Алан Беннет, это Пан-чен-рин-по-чо, иногда его называют Таши Лама. Он уже знает вашу историю. Он может помочь вам.

— О, я? — пропищал маленький желтый мужчина. — Я преодолел путь от Ташилхунпо, чтобы спасти ничтожную жертву мелкого тантриста? Обычно вы мыслите здраво, Шри Мотилал. Кроме того, не уверен, что мои принципы позволят мне сделать это.

— Почему?! — завопил Беннет.

— Может случиться так, что тантрист лишится жизни. А мне не дозволено отнимать жизнь ни при каких обстоятельствах. Например... — он протянул вперед руку. Беннет внимательно посмотрел, что лежит у йога в горсти, а потом чуть не свалился на спину. Он застыл с открытым ртом.

— Видите? — сказал Лама. — Мне нельзя убивать моих маленьких шестиногих друзей или даже лишать их теплого и уютного дома. Поэтому убийство тантриста не обсуждается.

Беннет спросил:

— Вы не могли бы научить меня, что сделать? Тогда вина будет на мне.

— Нет. Она по-прежнему будет моей, хотя и менее значительной.

У Беннета появилась ужасная идея. Он вытянул руку; его пальцы ухватились за кожу Ламы там, где теснились членистоногие.

— Сейчас, — прохрипел он, — у меня между большим и указательным пальцем четверо или пятеро твоих маленьких шестиногих друзей...

— Убийца! — закричал Лама. — Сейчас же верни моих друзей!

— Если только ты расскажешь мне, как справиться с Бамхом. Но если ты этого не сделаешь, я сожму и раздавлю...

— Хорошо, хорошо! — задыхался Таши Лама. — Я сделаю это! Пожертвовать одной жизнью, чтобы спасти пять — надеюсь, это не помешает мне войти в ряды Бодхисаттв.

Булоджна сказал:

— Ты можешь вернуть паразитов Пан-чен-рин-почо, Алан Беннет. Если он сказал, что сделает — значит, он всё сделает.

Это казалось правдоподобным, с учетом фантастической щепетильности Ламы на предмет убийства. И у Беннета не было коробки, чтобы держать там друзей Ламы. Он подчинился.

Когда операция была выполнена, Таши Лама научил нетерпеливого Беннета нескольким *мантрам*. Беннет беспрепятственно покинул здание.

Он запрыгнул через разбитую дверь в особняк, где обитал Шри Рамануджа Бамх. Ветер накинулся на него и задержал.

—! — не сказал Беннет. Ветер стих так внезапно, что Алан чуть не свалился вперёд.

Он вбежал по лестнице. Когда лестница стала скользкой, Беннет не сказал «... ...!» Когда его тело утратило вес, другая *мантра* помогла вернуть утраченное обратно.

Почти сразу же новый звук достиг слуха Беннета. Очевидно, в студии Бамха, что-то делало «твидал-твида-твии» в воздухе. Бамх, казалось, исчерпал свои запасы или отказался от *мантры* дальнего действия; вход во Внутренний Круг не искривлялся, не сопротивлялся и не вытворял ничего оригинального. Вход был открыт.

Шри Рамануджа делал «твидал-твинг». Он оделся как Кришна и тяжело дышал; ноги его подкашивались, когда тантрист выделывал особо замысловатые танцевальные па. Казалось, у него появилось большое количество лишних рук, одна из которых и вытворяла «твинг-твинг». На полу перед тантристом сидела Паулин Эдж со скрещёнными ногами и поднятыми вверх руками. Позади неё сидели три девушки в таких же позах. Все они распевали гимн, который был поистине прекрасен, несмотря на тот, что не раздавалось ни звука.

Беннет бросился через всю комнату и указал на Шри Рамануджа:

—!

Тантрист отшатнулся от такой атаки, но нанёс ответный удар:

—!

—! — ответил Беннет.

— ...!

—!

— ...!

Шри Рамануджа отказался от дуэли *мантры* и испробовал другую форму военных действий. На глазах у Беннета он вырос и превратился в высокую чёрную фи-

туру с десятью руками. Каждая рука сжимала смертоносное оружие. Он наступал на Беннета.

Но когда тантрист изменил форму, четыре девушки сразу же вышли из транса. Они посмотрели друг на друга, а потом на то, чем стал Шри Рамануджа. Одна из них вскочила на ноги и кинулась к двери; другая сидела на том же месте и кричала; третья пыталась спрятать лицо, прижавшись к полу.

Паулин Эдж лучше всех поняла ситуацию. Она взяла один из стульев, забралась на другой, и первым стулом ударила десятирукое кошмарное создание по клыкастой, пучеглазой голове.

Стул сломался, и чудовище пошатнулось. Беннет, находившийся, как он полагал, на последнем издохании, проклял Таши Ламу за то, что тот не предвидел ничего подобного, прыгнул вперёд и выхватил копьё из одной из десяти черных рук. Он вонзил копьё в страшную фигуру и почувствовал, как острие пронзает врага.

Затем он погнал существо вниз по лестнице на Пятьдесят девятую улицу. Было очень поздно, поэтому там оказалось мало людей. Ближе всех находился горожанин по фамилии Паскарелла, который занимался вооружёнными ограблениями финансовых учреждений. Мистер Паскарелла, увидев десятифутового и десятирукого индусского демона, несущегося на него, вытащил пистолет, выстрелил один раз и упал замертво от остановки сердца.

Существо тоже упало, забилось в конвульсиях и превратилось обратно в Шри Рамануджу Бамха. Пока толпа, напуганная выстрелом, собиралась вокруг тел банковского грабителя и мужчины с бородой и в тюрбане, Беннет и Паулин Эдж ускользнули. Они нашли уютную нишу, в которой спрятались и несколько минут просто стояли и дрожали.

Потом, когда они смогли говорить, Беннет произнёс:

— Полагаю, мы должны вернуться к Булоджне и рассказать ему, что случилось.

Паулин кивнула.

Они обнаружили йога в позе ещё более сложной, чем они могли себе представить. Булоджна заметил их, частично распутался и грубо сказал:

— А, это снова вы. Что такое?

Беннет рассказал ему, что случилось.

Шри Мотилал задумался:

— Ошибкой Бамха было то, что он прибегнул к материальной форме, а если бы принял трансцендентальную, то мог бы, на худой конец, исчезнуть, сохранив жизнь. Он забыл, что причудливая форма, которую он принял, не обладала ни большим умом, ни отвагой, ни силой духа, на которые способен обычный человек. Он заплатит за свою ошибку, перевоплотившись в червя, без сомнений.

Беннет спросил:

— Парень из Тибета исчез? Я хотел поблагодарить его.

— Это неважно. Такие вещи ему глубоко безразличны, как и мне. Я немедленно отправляюсь в Индию.

— О, так скоро? Мы с Полли подумали... ээ... что мы немного опрометчиво сбежали от вас. Может быть, вы подумаете, и дадите нам ещё несколько уроков?

— Нет. Я достиг уровня, на котором моя польза как *гуру* закончилась, что доказывает моя неудача с вами двумя. Кроме того, я вижу, что у вас имеется немало материалистических интересов, несовместимых с развитием в йоге. Ты собираешься просить эту женщину выйти за тебя замуж, не так ли, когда наберешься смелости?

Беннет покраснел, затем ответил:

— Да, собираюсь.

— Отвратительно. Я ухожу, — не прощаясь, Шри Мотилал Булоджна, по-прежнему сохраняя сложную позу, поднялся со своего места и пронёсся сквозь стену. Он удалился.

МИСТЕР ПЛАМЕН

Когда Клем Бакминстер, продавец из И.Д.О.М. в Бронксе, положил слегка нагревшуюся телефонную трубку, начальник взглянул на него и спросил:

— Это Опасный Датчанин?

Бакминстер хихикнул:

— Да, это был Гриннинг. Он чем-то взволнован. Хочет, чтобы я приехал...

— Он снова хочет изменить курс? — поинтересовался менеджер по продажам округа Нью-Йорк.

— Нет; по крайней мере, он этого не сказал. Он бы не сказал...

— Я говорил тебе раньше, Клем, — продолжил Эндрюс, — что надо прекращать записывать Гриннига каждый месяц на новый курс. Дай ему закончить один из старых. Он начинал курсы по... дай посмотреть... кондиционированию воздуха, дорожной технике, строительному черчению, садоводству, сварке и нефтяному бизнесу и никогда не продвигался дальше первого урока.

— Но, — ответил Бакминстер, — каждый раз, когда он заканчивает первый урок, он звонит мне и говорит: «К черту этот, дай мне другой». Извините, мисс Коуп, — последнее относилось к секретарше Эндрюса. — И что мне делать?

— Позволь ему уйти. Он не из того типа людей, кто может извлечь пользу из заочных курсов.

— Но мне надо зарабатывать на жизнь. Привет, Гарри! — это относилось к Гаррисону Гэлту, продавцу из И.Д.О.М. в Бруклине, который только что зашел, чтобы забрать ежедневный список запросов от будущих студентов своего округа, присланный из головного офиса в Патерсоне.

Эндрюс неумолимо продолжал:

— Знаю, ты хочешь свою половину от десятидолларового задатка. Но я получил специальные указания из головного офиса прекратить записывать тех легковесов, которые просто не умеют сопротивляться продажам. Они подсчитали, что ведение их курсов стоит больше, чем их плата. Кроме того, это плохо отражается на Институте Домашнего Обучения Меркьюри.

— Во всяком случае, — надулся Бакминстер, — я никогда не записывал Эрла Броуда, как сделал один из наших конкурентов.

Эндрюс, как педантичный человек, проигнорировал это замечание. Он спросил:

— Что на счет Гриннига? Он хочет перейти с нефти на пчеловодство?

— Он не на нефти, — ответил Бакминстер. — Он на новом курсе, некромантии.

— Что?

— Да, ты не помнишь? Новая задумка Школы Профессиональной Практики. У нас даже нет книг по курсу, но когда Гриннинг увидел его в нашей рекламной листовке, он просто захотел на него попасть. Поэтому я написал в Петерсон и попросил: не могли бы они послать Гриннигу первую учебную брошюру, как только она выйдет из печати.

Гэлт вставил слово:

— Кстати о Школе Профессиональной Практики; один из моих клиентов сказал мне, что думал — придётся иметь дело с юридическими махинациями, например, с подделкой чеков. Поняли? Он думал, что я имею в виду недобросовестную практику!

— Ха-ха, — развеселился Бакминстер. — Некоторые парни говорят на таком диалекте, что удивляешься, как они сами себя понимают. Что ж, пока, мистер Эндрюс, мне надо...

— Запомни, Клем, больше никакой замены курсов! — перебил его Эндрюс. — Что это за некромантия, кстати? Что-то, связанное с расовыми отношениями?

Бакминстер пожал плечами:

— Понятия не имею. Как и Гринниг. Поэтому он и хотел туда.

— Он сумасшедший, — сказал Эндрюс. — Как и начальство в Петерсоне, полагаю. Некромантия! С тех пор, как Старик заболел, головным офисом фактически руководит Сертл.

Джулиан Сертл был главой Школы Профессиональной Практики.

— Пока, Клем, — сказал Гэлт. — Когда-нибудь Опасный Датчанин вспомнит обо всех задатках, на которые ты его раскрутил, и пырнёт тебя.

— С Гриннигом всё нормально, — ухмыльнулся Бакминстер. — Он ввязывается в драки, потому что он всего лишь ребёнок, который не смог вырасти. Да, так и есть, взрослый ребёнок. Но мы с ним хорошо ладим. Пока.

И Клем Бакминстер, непримечательный субъект лет сорока с густыми, но седеющими волосами, вышел, тихо напевая:

— Мы с Гарвардом и Йелем покончим,
Обучение по почте получим...

Сначала Бакминстер искал Карла Гриннига на обычном рабочем месте, поняв из его дикой речи, что Карл звонил оттуда. Но директор магазина компании «Союз Нефтяных Горелок» сообщил Бакминстеру, что компания работает, но странного механика нет на месте по причине болезни.

Поэтому продавец из И.Д.О.М. двинулся к Ист Тремонт Авеню, а потом повернул на север, к пансиону, где жил Гриннинг. Это было большое деревянное, каркасное

здание с подъездом и деревянным орнаментом в виде завитков.

На первом перекрестке полицейский остановил машину Бакминстера решительным знаком: «Другой дорогой, приятель!» Бакминстер и сам видел позади копа спины небольшой группы людей, а над их головами верхнюю часть пожарной машины, стоявшей напротив дома Гриннига. Он повернул машину к обочине, припарковался и направился к месту действия, заметив, что несколько окон в доме разбиты, и темные полосы дыма поднимаются вдоль деревянных стен.

— Мистер Бакминстер! — послышался голос. Это был Карл Гриннинг, здоровенный, сильный, белокурый молодой человек с чёрными глазами и парой багровых пятен около челюсти. Он ухватил Бакминстера за предплечье огромной рукой.

— Да? — сказал Бакминстер, подавив желание поморщиться от боли. — Был пожар?

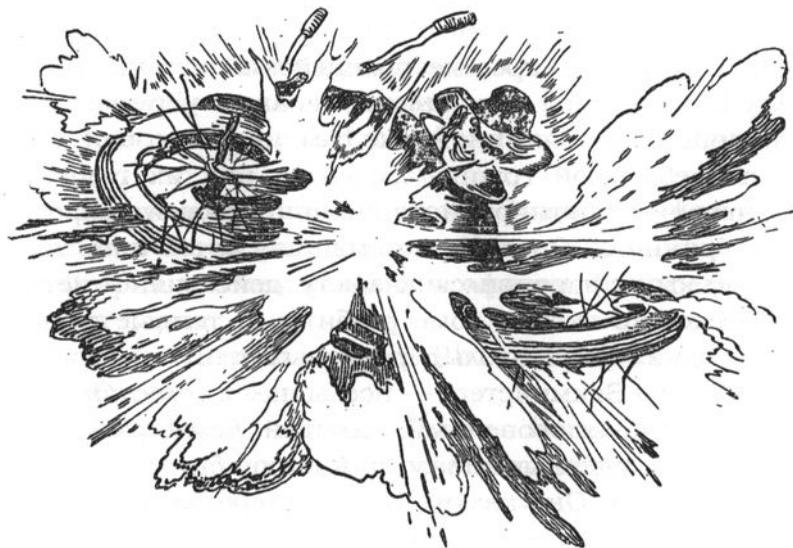
— Пожар? Подождите, я расскажу вам...

Объяснение Гриннига потонуло в череде звуков: выкрики из толпы, сдавленные проклятия пары пожарных, которые побежали от дома к пожарной машине, откуда они извлекли несколько химических огнетушителей, а потом бросились обратно. Люди показывали на вихрь дыма, который внезапно вырвался из одного из разбитых окон. Бакминстер слышал, как люди бегают по дому; вскоре дым прекратился.

Крепкий, встревоженный штатский вышел из дома, и протиснулся сквозь толпу. Бакминстер узнал мужчину, это был владелец дома Гриннига. Гриннинг выкрикнул:

— Эй, мистер Фелдмэн! Что там на сей раз?

Фелдмэн сделал движение, как будто вырывал несуществующие волосы:

— Книга! Книга упала со стола, я поднял, обычная книга; а когда я открыл ее, из неё вырвалось пламя! Прямо рядом с джентльменом из страховой компании. Он не поверил собственным глазам! Я... я схожу с ума!

— Владелец дома удалился, совершенно сбитый с толку.

— Видите, мистер Бакминстер? — прогромыхал Гриннинг. — И так всё утро. Сначала календарь на стене подлетел, уух. Потом матрас загорелся. Эта книга — двадцатый чёртов пожар. После того, как пожарная служба приехала в пятый или шестой раз, они просто оставили здесь пожарную машину и посадили парней с химическими огнетушителями в каждую комнату.

— Ты не пострадал во время пожаров? — спросил Бакминстер, осмотрев лицо механика.

— Не, это после драки с парочкой матросов. Пустяки, их было всего трое. Но мне надо было увидеть тебя как можно скорее.

— Что я могу сделать с... — начал продавец курсов по почте, но Гринниг предупреждающе шикнул на него.

— Поговорим в другом месте. Пошли, может быть, никого нет в гараже старика Фелдмэна, — и Гринниг почти насильно потащил Бакминстера к дороге, рыча:

— Прочь! Вы, детишки, — на пару маленьких мальчиков, которые наблюдали за этими событиями с крыши двухместного гаража. Он втолкнул продавца внутрь.

— Понимаете, мистер Бакминстер, — сказал механик, — это всё тот курс некромантии, который вы мне продали.

— Что? — спросил Бакминстер.

— Из-за него все пожары. Но вы об этом ничего не сказали, — угрожающе добавил он.

— Я не знал, — поспешил заявить Бакминстер. — В конечном счете, нам тоже надо защищать репутацию. Но как курс мог вызвать пожары? Не неси чушь. Если он тебе не нравится, почему бы не сменить его?

— Я хочу не сменить курс, а остановить пожары! — настаивал Гринниг.

— У нас есть шикарный новый курс по авиационной механике, — сказал Бакминстер. — Хочешь стать авиа-механиком? Большое будущее; не то что возиться с этими вонючими нефтяными горелками. Ты мог бы делать реальные деньги на...

— Послушайте, — проговорил Гринниг с неестественным спокойствием. — Каждый раз, продавая мне новый курс, вы говорите, что он обогатит меня. И что же? Я не богат. Если они так хороши, почему вы не возьмете один? Почему вы всё ещё продаете их за комиссию и питаетесь кофе и пончиками?

Бакминстер печально потряс головой:

— Для меня слишком поздно. Надо было начинать, когда я был молодым парнем, как ты, вместо того, чтобы играться и тратить деньги. Мое будущее в прошлом

(всё это было близко к правде). Теперь, поговорим о том ави...

— Заткнись! — заорал Гринниг. — Не хочу ничего слышать о новых курсах.

Крупный механик выудил из кармана брошюру формата шесть на девять с толстой обложкой из зеленой бумаги.

— Посмотри на это!

Бакминстер прочитал:

Институт Домашнего Обучения Меркьюри

Некромантия

Джулиан А. Сертл

(Глава Школы Профессиональной Практики)

Книга 1. Заклинание Сагане

Он перевернул страницу и посмотрел на начало текста, в котором говорилось:

«1. *Что такое некромантия.* Наука некромантия была определена много лет назад Парацельсом (П.А.Т.Б. фон Гугенгейм) как вызов, контроль и экзорцизм (изгнание) основных духов земли, воздуха, огня и воды, в целом называемых Сагане. Со временем Парацельса знания об этой науке были утеряны, поэтому сегодня многие считают её простым суеверием. Это неверно. Если использовать должные знания и осторожность, то эта наука может быть так же полезна для современных специалистов, как и любые другие. Таким образом, данный курс был составлен на основе недавних исследований некоторых малоизвестных рукописей Парацельса и его современников.

2. *План курса.* Первые три книги рассказывают, соответственно, о вызове, контроле и изгнании основных духов. Мы предупреждаем студентов не пытаться использовать какие-либо экспериментальные заклинания,

пока они не овладеют, по крайней мере, тремя частями, и не сдадут экзамен в конце каждой книги. Последующие книги посвящены более продвинутым сторонам некромантии и смежным предметам: гидромантии, волшебству и чародейству...»

Бакминстер заметил:

— Теперь я знаю, что в головном офисе все спятили. Что случилось?

— Что ж, — сказал Гриннинг, — я чувствовал себя не очень хорошо, когда закончил с теми матросами, понимаете? Должно быть, съел что-то не то. Поэтому я позвонил в магазин, и они сказали: конечно, я могу взять выходной. И я подумал, не проверить ли, действительно ли этот курс может делать те вещи, о которых говорится в книге. Поэтому я полистал книжку и нашёл ритуал по вызову саламандры. Ты знаешь, кто такая саламандра? Маленькая, красная и похожа на ящерицу.

Бакминстер прервал его:

— Здесь же сказано: не использовать заклинания, пока не закончишь первые три урока.

— Да, знаю, но неужели ты думаешь, я собираюсь заплатить за весь курс, не зная, сработает ли это? Кроме того, я считал, что те ящероподобные существа не опасны.

— И она вызвала пожар? Да ладно!

— Не саламандра; я имею в виду, я вызвал не саламандру, а что-то типа огненного шара. Он быстро нырнул в мои рабочие штаны, которые висели на двери, и поджёг их. Я сдернул штаны с крючка, чтобы сбить огонь, и огненный шар выскочил сквозь щель в двери так быстро, что я едва разглядел его. И он летал по дому всё утро, поджигая вещи.

— Да ладно! — повторил Бакминстер. — Ты уверен, что один из тех матросов не ударил тебя куском трубы, или вроде того?

— Нет, — ухмыльнувшись, ответил Гриннинг. — Я видел то, что видел. Я понял, что мне нужна третья книга курса, в которой рассказывается, как избавиться от всего этого.

— Откуда? — ответил продавец. — Должно быть, второй том только вышел, а третий даже не напечатан. В любом случае, думаю, ты всё это выдумал. Пойдем на угол улицы, я куплю тебе пива и расскажу, каково это — быть авиационным механиком.

— Я не выдумывал, — настаивал Гриннинг.

— Хорошо, тогда покажи, как ты это сделал.

— Ладно, умник, я тебе покажу. Дай книгу, — Гриннинг выудил огрызок карандаша, посмотрел на диаграммы и медленно нарисовал несколько сложных линий на бетонном полу гаража. Он вытащил свечу, не длиннее большого пальца руки, зажёг ее и поставил на пол. Затем он пробормотал длинный ряд звуков, которые напомнили Бакминстеру журчание ручья; монолог прерывался время от времени, когда Гриннинг рисовал в воздухе карандашом невидимые фигуры.

Гриннинг закончил разглагольствовать и захлопнул книгу:

— Хорошо, мистер Бакминстер, теперь смотрите сюда, Фома неверующий!

Над одной из диаграмм, примерно в десяти футах от мужчин, что-то быстро материализовалось. Сначала появился дым и запах двуокиси серы, затем тусклокрасный свет, потом превратившийся в оранжевый. Потом они оказались лицом к лицу с чем-то, напоминавшим нагую, железную, раскаленную добела статую прекрасно сложенного мужчины. Жар, исходивший от видения, ударил по ним, словно жар из открытой печи, и они начали потеть.

Огненный мужчина осмотрел Бакминстера и Гриннига. Когда он заговорил, у него оказался глубокий, грубый голос с сильным акцентом:

— Где... моё... второе... существо?

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — сказал Гринниг, его бледная кожа стала ещё белее.

— Пожалуйста, мистер, уходите, — добавил Бакминстер. — Всё это ошибка!

— Ха! — заскрежетал незнакомец. — Ошибка. Ошибка. Но в вашем деле ошибок быть не должно. Где моя саламандра?

Гриннинг слегким движением головы отрицательно покачал:

— Вы имеете в виду ту огненную штуку? Она в большом доме позади вас.

Гость повернул свою массивную голову и пронзительно свистнул. Почти мгновенно появился шар из дрожащего оранжевого пламени, размером с бейсбольный мяч; шар заплясал вверх-вниз перед своим хозяином и, наконец, уютно устроился у него подмышкой.

Пылающая голова немного поднялась, и мужчины скорее почувствовали по увеличению температуры, чем увидели устремлённый на них взгляд:

— А теперь, — сказал огненный мужчина, — говорите, почему вы нарушили Договор?

— Какой договор? — спросил Гриннинг.

— Ты не знаешь? Ха! — видение вытянуло руку, чтобы коснуться ей деревянной стены гаража. В тот же миг от места, которого коснулась рука, повалил дым.

— Эй! — завизжал Бакминстер.

Огненный мужчина убрал руку с легкой, зловещей улыбкой, оставив на дереве обугленный след в форме пятерни.

— Что, теперь знаете? — спросил он.

— Н-не много, — задрожал огромный Гриннинг. — Я просто получил эту маленькую книжицу из Института Домашнего Обучения Меркьюри и захотел испытать её. Поэтому немного поколдовал. Пожалуйста, дружище, скажи, кто ты, и когда ты нас отпустишь отсюда? Здесь чертовски жарко!

Существо улыбнулось еще шире:

— Ты даже не знаешь моего настоящего имени? Ты не можешь меня контролировать?

— Я не дошел до той части курса...

— Ха! Редкая удача, в самом деле, что Договор нарушила парочка таких безмозглых растяп, как вы! Вот что я вам скажу: я из расы салдинов, которых надоедливый Парацельс по невежеству называл Роламандрами; одно маленькое существо из огненного мира, даже такое маленькое, как саламандра — самый опасный зверь в мире. Когда мой питомец исчез, я ожидал каких-нибудь глупых действий в вашем мире и ждал следующего открытия двери — вот и дождался. Ха! Теперь огонь вступит в свои права!

— Что это значит? — пискнул Бакминстер.

— Я вам покажу, что это значит! Дайте мне книгу!

Гриннинг протянул обучающий буклет и отдернул руку назад, когда раскаленная рука потянулась за томом, тотчас сгоревшим в огне.

— Потушите его! — закричал огненный мужчина. — Я должен был вспомнить о непрочности вашей бумаги. Где мне достать такую же книгу?

— Не знаю, — лепетал Бакминстер. — Если только не поехать прямо в Петерсон.

— Куда?

— Петерсон, Нью-Джерси, там находится головной офис. У них есть полный курс.

— Тогда вперёд. Погодите! Я не могу выйти наружу без одежды, не привлекая всеобщего внимания.

— И в одежде не получится, — пробормотал Бакминстер. — Вы привлечёте внимание всего мира.

— Тогда, дай мне свою одежду.

— Эй! — пронзительно закричал продавец. — Она будет тебе мала, и всё равно сгорит, если ты её наденешь!

— Действительно, — проворчал салдин. — Придумал! В вашем мире существует материя, известная до Договора как кожа саламандры, которая, по правде сказать, всего лишь ткань, сотканная из нитей некого волокнистого камня. Немедленно принесите мне костюм из неё!

— Он имеет в виду асбест, — пояснил Гриннинг.

— Да, но как...

— Достаньте! — прогремел Салдин. — Или я нашлю на вас моего питомца!

Он выдернул саламандру из подмышки и шепнул ей что-то. Она промелькнула рядом с мужчинами и угрожающе зависла над ними. Они ощущали её жар даже в такой накалённой атмосфере.

Создание добавило:

— Но только один из вас; тот, что поменьше. Второй останется как заложник, и в случае тревоги или опасности, я сделаю вот что! — Он дьявольски ухмыльнулся, и выкрутил воображаемое полотенце своими огромными огненными руками.

— Хорошо, — сдался Бакминстер. — Есть деньги, Карл?

Гриннинг молча протянул свой бумажник. Огненный мужчина стоял в стороне, пока Бакминстер, вздрагивая от палящего излучения, выбегал из гаража. Салдин позвал саламандру к себе и встал в дверном проёме в позе статуи, скрестив руки на могучей груди и расставив ноги.

Карл Гриннинг, увидев, что единственный выход заблокирован, тяжело опустился на бетонный пол. За время ожидания он снова обрёл некоторую уверенность в себе. Хоть он и не ощущал себя прежним Опасным Датчанином, но был слишком большим и крепким, чтобы долго бояться.

Он заметил:

— Ты не говорил, кто ты на самом деле и чего хочешь.

— Ха! — рявкнул салдин и снова замолчал.

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Пламен.

— Пламен? — ухмыльнулось создание. — Хорошее имя, несомненно. Ты ещё даже не знаешь, насколько хорошее.

— Почему ты так смешно говоришь?

— Смешно говорю? — нахмурился Пламен. — Что ты имеешь в виду? Поистине, я говорю на самом лучшем английском, который был во время Договора, в год 1623. Я понимаю, что язык мог ухудшиться с того времени.

Гриннинг снял промокшую рубашку. Пачка сигарет выпала из нагрудного кармана; он вынул одну и прикурил, задув спичку.

— Ты! — внезапно закричало существо, и угрожающе шагнуло вперед. — Что ты хотел показать, уничтожив Огонь в моем присутствии?

— Н-но... я просто задул спичку. Ты же не хочешь, чтобы я обжёг пальцы? Или хочешь? — Гриннинг прижался к задней стене гаража, когда жар стал невыносим.

— За это, — прогремел Пламен, — я должен... но не сейчас, ты нужен мне в качестве заложника. Такое подлое поведение отличает тебя и весь твой вид! Кроме того, я знаю, что вы создаёте целые общества мужчин, которых обучают тушить огонь!

— Ты имеешь в виду пожарные части? — тяжело вздохнул Гриннинг. — Да, когда горит дом, они пытаются потушить его, естественно.

— Бесчеловечное, безответственное варварство! — закричал Саддин. — Когда придут мои собратья... — он с треском захлопнул рот и удалился, оставив раскрасневшегося Гриннига в полуобморочном состоянии от полученных ожогов.

— Эй, мистер Гриннинг! — кричал Клем Бакминстер снаружи. — Скажите ему, что я достал эту штуку!

Пламен отошёл в сторону, чтобы впустить продавца с охапкой материала, похожего на брезент.

Бакминстер пояснил:

— Я достал это в компании, занимающейся пожарным оборудованием, здесь тот самый асбестовый костюм. Нашёл обувь и перчатки. Я позаимствовал ножницы по металлу, немного проволоки и подправил шлем так, что он почти похож на шляпу. Посмотрите. Потратил все наши деньги, хоть он и подержанный.

Пока Бакминстер хихикал, с наивным удовольствием потешаясь над своей изобретательностью, создание надевало костюм. Когда Пламен закончил с этим и натянул переделанный шлем, он выглядел почти как человек, за исключением оранжевого румянца на лице, который поблескивал из-под края шляпы. С другой стороны, он мог быть сборщиком золы или выполнять другую тяжелую работу в таком костюме. Двое мужчин с облегчением вздохнули, когда опаляющие жаркие лучи временно угасли.

— Пойдёмте! — приказал Пламен. — В Петерсон, о-о, Джерси! — он грубо вытолкал их из гаража, потом по дороге остановился, чтобы бросить взгляд на пансион Фелдмэна.

Пожарная машина уехала с тротуара, хотя пара пожарных еще осталась. Несколько человек складывали мебель на заднем дворе. Никто не обращал внимания на троицу, так как в ярком солнечном свете даже румянец на лице Пламена был незаметен, если не смотреть в упор.

Салдин пробормотал:

— Как хорошо всё устроил мой маленький питомец! И у него ещё будет возможность закончить начатое. Если бы я мог сам сделать это! Идите вперёд, вы, двое!

— Эй! — заныл Бакминстер. — Мы будем идти всю дорогу?

— Наверняка, если вы не сможете обеспечить средство передвижения.

Продавец посмотрел на то место, где была припаркована его машина, она едва виднелась за углом.

— У меня есть машина, но...

— Но что?

— Там не будет места для нас троих, коме того, вы её сожжёте!

— Ха! — решительно воскликнул Пламен.

Он огляделся. В противоположной стороне, в квартале от них, на тротуаре стоял грузовик с углем. Пламен указал на него:

— Это одно из ваших транспортных средств?

— Да, он ездит, если это что-то значит.

— Тогда возьмём его. Кажется, он сделан из жаропрочного материала.

— Но он не наш! Ты не можешь просто так украсть грузовик!

— Да что ты говоришь? — рыкнул огненный человек.

Он взмахнул руками, и появилась саламандра, подпрыгивая вверх-вниз на ладони его вытянутой руки.

— Мне наслать своего питомца...

— Нет, нет, — быстро сказал Бакминстер.

Когда они подошли к грузовику, сердца мужчин упали — они заметили, что в грузовике никого нет.

— Большой, — произнес Пламен, — полезет со мной в задний отсек транспортного средства. Второй поведёт.

Гриннинг достаточно долго не мог решиться, поэтому существо сделало вид, что хочет схватить его и бросить в грузовик; тогда механик сам быстро забрался наверх. Пламен не спеша следовал за ним. Рессоры грузовика заскрипели, как будто на них давил огромный вес.

Когда Бакминстер, нервно дрожа, уселся на водительское сиденье, салдин постучал по задней стенке кабинки:

— Ты меня слышишь? — прогремел он.

— Да, конечно.

— Хорошо. В Петерсон, Джерси, и быстро!

Чтобы привыкнуть к тяжёлой машине, Клему Бакминстеру потребовалось несколько миль, а затем он приблизился к одному из подступов к мосту Джорджа Вашингтона. Как раз перед этим ему пришло на ум, что, возможно, грузовикам нельзя въезжать на мост. Пока он тормозил грузовик, разрываясь между страхом перед Пламеном и страхом перед законом, его посетила вторая мысль: быть схваченным — как раз то, что ему нужно. Во время всей поездки от Восточной Тремонт-авеню он не видел ни одного полицейского, которые относились к той породе, которая исчезает как снег весной, если она кому-то действительно нужна.

Иногда в кабину проникал запах — несомненно, думал Бакминстер, выжженной краски. В конце концов, асbestosый костюм должен нагреться до такой же степени, как и обнаженный Пламен. Клем вдавил педаль газа в пол, когда грузовик пересек середину моста, и бросился вниз по длинному спуску к пунктам оплаты, установленным со стороны Джерси.

Он начал медленно тормозить, когда в поле зрения появилась фигура сборщика платы в синем плаще. Затем раздался стук по кабине, который означал, что Пламен хочет поговорить с ним.

— Скорее! Не тормози!

Бакминстер продолжал жать на тормоз, когда услышал крик Гриннига. Пламен сорвал перчатку и поднёс огненную руку совсем близко к лицу несчастного механика.

Клем Бакминстер снова нажал на газ, отыскивая кабинки, перед которыми не было машин. Потом, к своему разочарованию, он заметил одну. Что ж, может быть, грузовик слишком велик, чтобы притиснуться в узкий

проезд; тогда он застрянет между бетонными столбами. Если бы у него была склонность к суициду, он мог бы рискнуть нарочно протаранить препятствие, но Клем был не таким человеком. Он, как мог, нацелился в середину проезда и проскочил ровно по центру, даже не покрашав краску.

Он находился посреди запутанной эстакады к западу от моста, когда вдалеке услышал приветственное «у-и-и-и-у» сирен. Теперь ему *придется* остановиться. Когда он затормозил, вдоль грузовика проехал мотоциclist. Коп показал:

— Туда!

Бакминстер направился к более свободному участку, на который ему указали; он свернул на обычную улицу, где и остановился. Коп припарковал мотоцикл перед грузовиком и вернулся назад. Вытащив свой блокнот, он посмотрел в кабину с выражением, больше похожим на жалость, чем на гнев. Он спросил:

— Скажи, дружище, ты *что-нибудь* знаешь о правилах дорожного движения?

Когда ответа не последовало, полицейский добавил:

— Такой взрослый человек, как вы, должен бы знать, что нельзя водить грузовик по мосту со скоростью пятьдесят...

— Это не мой грузовик, — прохрипел Бакминстер.

— Послушай, дружище, не важно, кто нанял тебя водить...

— Я украл его, ясно? — сказал продавец.

После этого у полицейского просто пропал дар речи, и он стоял с открытым ртом, пока движение в задней части грузовика не привлекло его внимание. Это Пламен спустился с грузовика и направился прямо к мотоцикли. Создание с интересом склонилось над транспортным средством:

— Эй, не трогай его! — закричал коп, когда Пламен в порядке эксперимента покрутил ручки.

Салдин проигнорировал приказ и снял перчатки для более тесного контакта. Когда полицейский направился к нему, Пламен опустил свои раскаленные руки на раму, поднял мотоцикл и, со скрипом сминая металл, спокойно скрутил его.

Бакминстер видел, как краска начинает скручиваться и дымиться. Покрышка загорелась. Затем с громким «бах» взорвался бензобак, и Пламен полностью скрылся в огромном облаке огня и дыма. Коп отпрыгнул назад и ударился локтем о решётку грузовика.

Когда дым рассеялся, а огонь поутих, Пламен стоял в маленьком море горящего бензина и всё ещё держал полыхающий остов мотоцикла. Он не изменился, только его асbestosовый костюм стал ещё более грязно-серым, чем прежде.

— Этого не... не может быть, — сказал коп самому себе, потирая локоть.

Теперь существо посмотрело на полицейского со зловещей улыбкой на лице. Когда тот сделал первый шаг, салдин повыше приподнял мотоцикл над головой. Коп прокричал что-то (Бакминстер ничего не слышал), а затем вытащил пистолет. Он сделал три выстрела с расстояния, с которого невозможно промахнуться. Каждый выстрел сопровождался металлическим звоном, как после попадания в цель в тире. Пламен ухмыльнулся ещё шире и швырнул мотоцикл. Коп увернулся, но ручка стукнула его по голове, и он упал на бетон, когда мотоцикл просвистел мимо окна кабины.

Пламен неторопливо вернулся обратно и забрался в грузовик. В конце улицы несколько человек стояли и смотрели, но никто не выражал желания что-то разузнать.

— Трогай! — заревел салдин позади кабины.

Заводя грузовик, Клем Бакминстер в первый раз за несколько лет молился.

Прежде чем грузовик въехал на мост через реку Пас-саик, жар и зловоние, которые Бакминстер теперь автоматически связывал с присутствием Пламена, стали слишком сильны даже внутри кабины. Взгляд в зеркало показал, что облака дыма приличных размеров вырываются из кузова грузовика. Когда продавец снова начал тормозить, раздался глухой взрыв, потом вспышка пламени. Температура стремительно поднялась.

Бакминстер потянул ручной тормоз и свернул с дороги в траву. Он выскочил до того, как двигатель заглох, и обнаружил, что задняя часть грузовика объята огнем, а Гриннинг и существо уже спустились на землю. На механика было жалко смотреть, руки у него покрылись волдырями, брови обгорели, а сам он покернел от угольной пыли.

— Далеко ёщё? — проворчал саддин.

— Несколько миль, — покорно ответил Бакминстер.

— Хорошо. Дальше мы пойдём пешком! — и Пламен, подгоняя людей впереди себя, двинулся скорым шагом.

Когда они отошли на несколько сот ярдов от пожарища, остановилась машина, чтобы осмотреть горящий грузовик, потом вторая, и вскоре на том участке дороги образовалась пробка. Завыла полицейская сирена.

— Продолжайте идти, — отрезал Пламен. — Назад не смотреть!

Они прошли участок дороги, который как раз расширяли — в тот момент поблизости не было рабочих. Кое-какая рабочая техника стояла на новой полосе, прикрытая брезентом.

— Транспортные средства! — пробормотал Пламен. — Давайте прихватим одно для личного использования, путешествие становится утомительным.

— Эй! — заныл Бакминстер. — Бензобаки взорвутся, если ты залезешь в кузов, как и у того грузовика!

— Это, — гадко ухмыльнулось существо, — уже ваши проблемы! — Он внимательно осмотрел бульдозер. — На водительское сиденье, мелкий!

— Ничего не получится, мистер Пламен, — заявил Бакминстер. — Топливный бак пуст. Видите эту шкалу?

— Тогда в другой, — фыркнул Пламен.

Но во всех остальных машинах баки тоже были пусты, подрядчик из экономии опорожнил их, прежде чем оставить машины на время.

Двумя последними машинами оказались дорожные катки; один — современный бензиновый, второй — стамодный паровой каток с вертикальным котлом.

Пламен сказал:

— Я начинаю понимать принцип действия этих приборов. Этот, кажется, отличается своей природой от остальных. Какова основа его действующего устройства?

Гриннинг хриплым голосом рассказал о составляющих системы парового двигателя.

— Ха! — ухмыльнулся Поджог. — Ему надо немного тепла для работы системы, и я, несомненно, это тепло обеспечу!

Он открыл дверцу топки, поднялся повыше, снял болтники и сунул раскаленную ногу в отверстие. После нескольких минут ожидания существо воскликнуло:

— Почему это средство передвижения не заводится? Я теряю терпение! Глупцы, задумали обмануть меня?

— Нет, нет! — пролепетал Бакминстер. — Посмотрите на шкалу: давление пара в любой момент может подняться!

Они замолчали, ожидая развития событий. Бакминстер надеялся, что каким-то чудом Армия Соединенных Штатов придет на выручку ему и его ученику и утихомирит мистера Пламена, если понадобиться, с помощью тяжелой артиллерии. Но ничего подобного не случилось; автомобили равнодушно катились мимо. Бакминстер был достаточно умен, чтобы догадаться, что крик «На помощь!», обращенный к одному или двум непонятливым и неловким прохожим, просто сделает плохую ситуацию еще хуже.

Наконец давление возросло. Бакминстер потянул дроссель, и покрутил рулевое колесо, соединенное с ведущим механизмом с помощью червячной передачи и цепи. С быстрым «поп-поп-поп» машина, сотрясая землю на незаконченном участке дороги, покатилась вперед, по направлению к Петерсону.

Бакминстер остановил каток и указал на группу слегка обветшавших зданий, которые образовывали один из дальних кварталов Петерсона.

— Это он, — пояснил Бакминстер, — Институт Домашнего Обучения Меркьюри.

Когда компания приблизилась к ближайшему зданию, Бакминстер погрузился в размышления. Неясные угрозы Пламена определенно означали, что огненный человек задумал недоброе. Продавец предположил, что салдин хочет захватить весь набор буклетов по этому курсу, чтобы вызвать побольше своих друзей. Но если он, Клем, сможет достать один из этих буклетов первым, особенно тот, который рассказывает о контроле и изгнании духов, возможно, удастся опередить Пламена.

Поэтому Бакминстер в состоянии крайнего беспокойства подошел к зданию типографии Меркьюри. Он повернулся к Пламену и сказал:

— Все книги здесь. Подождите здесь, и я...

— Ха, думаешь, я такой болван? Иди вперёд, а я следом.

— Но вы подожжёте это старое здание...

Мощный толчок направил шатающегося Бакминстера к ближайшей двери. Он толкнул её и вошёл, Гриннинг и Пламен шагнули за ним. Дух оставлял чёрные угольные следы на старом деревянном полу.

Вдоль одной из стен типографии стоял ряд планшетных прессов, примерно половина из которых работала; их основания раскачивались взад-вперёд под цилиндрами, непрерывно грохоча. На другой стороне прохода, вдоль прессов, находились низкие ручные тележки, в каждой из которых лежала кипа больших белых листов, от фута до четырех в высоту. Некоторые кипы были новыми, предназначеными для печати, другие отпечатали только с одной стороны, третья — с обеих сторон, и они ожидали загрузки в фальцовочные машины в переплётной мастерской, которая занимала вторую часть здания. В дальнем конце переплётной мастерской имелось множество других ручных тележек, на которых лежали сотни готовых зеленых обучающих буклетов «Меркьюри» и горы рекламной литературы. Первый выпуск первого тома по некромантии, скорее всего, был здесь, если только его не унесли в здание школы, откуда буклеты отправляли по почте студентам, и где происходила проверка экзаменационных работ.

Бакминстер медленно зашагал вдоль ряда тележек, на которых лежали большие квадраты бумаги. Он подавил крик, когда нашёл то, что искал: кипу напечатанных листов, на каждом листе помещалось сорок восемь страниц текста, а на первой странице виднелся заголовок:

«Некромантия
Том 2. Контроль над Сагане»

Бакминстер пробежал глазами этот лист, но столкнулся с трудностью. Страницы размещались на листе не в том порядке, в котором их можно было бы читать, а так, чтобы страницы расположились в нужной последовательности после того, как лист положат в фальцевальную машину, сложат, обрежут, сошьют и снова подрежут.

Тем не менее Бакминстер быстро прочитал страницы, не обращая внимания на тот факт, что половина из них оказалась на верхней стороне листа, а другая половина на нижней. Конечно, ему на глаза попался подзаголовок:

«12. Контроль над Трифертами (Огненными Духами). Саламандра, будучи трифертом относительно низкого интеллекта, достаточно легко управляема...»

— Извините, — прозвучал голос позади него. — Но получили ли вы, джентльмены, разрешение из офиса на осмотр типографии?

Бакминстер почувствовал себя виноватым, а потом узнал мастера из типографии. Он сказал:

— Здравствуй, Джим; помнишь меня? Клем Бакминстер из Нью-Йоркского офиса.

— П-привет, — сказал мастер растерянно. — Время идёт к закрытию, понимаешь, и вам придётся...

— Можешь дать мне карандаш, Джим? — быстро спросил Бакминстер.

Мастер протянул ему карандаш, и Бакминстер, вернувшись к напечатанному листу, начал рисовать фигуры на полу.

— Хо! — внезапно пробормотал Пламен. — Что ты делаешь, негодяй?

Мастер в первый раз повнимательнее взглянул на духа и отшатнулся в тревоге, когда заметил оранжевый свет лица Салдина, сильно бросавшийся в глаза в помещении.

— Эй! — сказал он. — Кто это?

— Мистер Пламен, познакомьтесь с мистером Слезаком, — пробормотал Бакминстер.

— Но... что с ним такое?

— Он загорел на солнце, на пляже Джонса, — пояснил продавец, хмурясь, так как понял, что ему придётся вернуться к листу, чтобы получить информацию для завершения ритуала.

— Я бы сказал, сгорел, — заметил Слезак. — Вам надо быть осторожнее. У меня есть хорошее масло от загара, которое...

— Понял! — взревел Пламен. — Ты готовишь заклинание для меня, да? Ба! — Дух стащил перчатки, зажал их в зубах и начал хватать стопки бумаги пылающими руками. Верхние листы тотчас же загорелись. Пламен сбрасывал их огромными горстями, мял и бросал горящие листы направо и налево.

Крики тревоги разнеслись по типографии, когда повалил дым и куски горящей бумаги начали разлетаться во все стороны. В этот момент прозвенел пятичасовой звонок. Типографы выключили прессы и бросились к дверям. Бакминстер и Гриннинг были среди них. Всю середину типографии теперь занимала масса пылающей бумаги, в центре которой демонически хохотал невидимый Пламен.

Бакминстер ухватился сзади за ремень Гриннинга, чтобы не потеряться в толпе. Когда они оказались на достаточном расстоянии от дымящегося здания, то оглянулись. Рабочие рассеялись по прилегающей территории; служащие и преподаватели высыпали из здания школы. Среди них Бакминстер рассмотрел маленькую группу мужчин в галстуках; это была администрация института.

— Пойдём, — сказал он Гриннингу. — Если я смогу найти Сертла, может быть, мы сумеем уничтожить Пламена.

Полицейский расчищал путь для пожарных машин. Бакминстер и Гриннинг проложили дорогу в обход очищенной территории — туда, где стояли администрации. Продавец сказал:

— О, мистер Сертл!

Джулиан Сертл, декан Школы Профессиональной Практики Института домашнего обучения Меркьюри, выглядел в точности как шимпанзе с белыми усами, если вообще человек может быть похож на шимпанзе с усами. Но это был мудрый старый преподаватель технических наук, чьи курсы (тексты ко многим из них он написал сам) поднимались выше уровня стандартов колледжа и действительно помогли многим амбициозным молодым людям на пути к успеху. По крайней мере, так гласили объявления.

Он разговаривал с вице-президентом по продажам, который замечал:

— ... конечно, всё застраховано, но это отразится на нашем расписании выпуска продукции, не говоря уже о перерыве во множестве курсов. В Институте Повсеместного Образования обрадуются, когда услышат о случившемся.

Сертл вздохнул:

— Да, да. Боже мой! Может быть, нам удастся убедить Международную торговую палату помочь нам; они довольно порядочные ребята... — Он увидел Бакминистера и сказал: — Да? Да? Вы... постойте... Бакмастер из офиса в Филадельфии, не так ли?

Продавец поправил его и сказал:

— Могу я отнять у вас минуту времени...

— Не сейчас, не сейчас, мой дорогой друг. Это очень важно. Продолжайте, тяните шланги в здание, вы... лентяи! — Последняя фраза, произнесённая тихим голосом, относилась к работавшим вдалеке пожарным.

Появился полицейский с блокнотом в руке. Он сказал:

— О, мистер Сертл...

— Да? Да? О, здравствуй, Билл. Что...

— Был послан сигнал тревоги о группе пироманов, которые терроризируют северную часть Нью-Джерси, — сказал коп. — Они сожгли грузовик и пару домов и ударили копа так, что он потерял сознание на мосту Джорджа Вашингтона. Я хочу выяснить, не могли ли они сделать что-то здесь...

— Да. Нет. Господи, я не знаю! Я слишком расстроен, офицер.

— Хорошо, мистер Сертл, — сказал коп и отошел.

Затем из толпы внезапно послышались крики. Пожарный расчёт продвигался ко входу со шлангом; наконец они просунули шланг в дверной проём. И тут огромная фигура в бесформенных серых одеждах вышла из горящего здания. Струя воды из шланга ударила прямо в фигуру, но вместо того, чтобы отлететь назад в здание, существо, издав пронзительное шипение, превратилось в обильное облако пара. Некоторые свидетели этого, включая Клема Бакминстера, увидели, как серая фигура вылетает из клубов пара, и исчезает за углом здания.

— О Боже! — воскликнул Сертл. — Что...

Бакминстер закричал:

— По этому поводу я и хотел с вами поговорить, мистер Сертл! Это Карл Гриннинг, который получил первый урок вашего нового курса!

— О, — понимание блеснуло в глазах Сертла, и он без колебаний последовал за продавцом.

Когда они отошли на достаточное расстояние от толпы, Бакминстер быстро рассказал о случившемся.

— Это ужасно! — произнёс Сертл. — Вы не должны были использовать заклинание, прежде чем...

— Откуда я мог знать, — возразил Гриннинг.

— Вы не могли; это и моя вина тоже. Я не должен был выпускать этот курс. Единственная причина, почему я это сделал: я не мог видеть, как великие научные знания пропадают зря; а я действительно хотел выпустить курс раньше конкурентов. Я достал копию *«Ex Libris de Nymphis, Sylvanis etc.»* Парацельса, не в сокращенном варианте, опубликованном в 1566 году Ниссенсом из Данцига, в котором пропущены все подлинные заклинания, а оригинал... Что ж, это всё дело прошлое; вопрос в том, что нам делать?

— Я об этом и хотел вас спросить, — заявил Бакминстер.

— Да, да, полагаю, так... Это сложная задача. Из того, что вы мне рассказали, я понял, что Роламандера нельзя уничтожить физическими средствами; вода и пули совсем не причинят ему вреда.

— Может быть, заморозить его? — спросил Гринниг.

— Не знаю; думаю, вам придётся полностью превратить его в айсберг. Он получает энергию из огненного мира.

Здесь Бакминстер предположил:

— Может быть, мы сможем заманить его в большой холодильник и закрыть дверь!

— Невозможно, он слишком хитёр.

— Мы можем вызвать армию, — с надеждой сказал Гринниг. — Они сбросят на него бомбу.

— Возможно; но пока мы их убеждаем, он найдёт способ привести в этот мир своих собратьев-шалунов.

Бакминстер спросил:

— Зачем ему это?

— Чтобы сжечь всё горючее, полагаю. И не спрашивайте меня, почему они хотят всё сжечь. Они просто хотят...

— Безрассудные ребята, — сказал продавец.

— Не обязательно; их шкала моральных ценностей полностью отличается от нашей. Мы не можем их понять. Огонь — хороший слуга, но плохой господин, знаете ли. Давайте подумаем; печатного курса некромантии больше нет; все экземпляры первых двух томов были в типографии, кроме копии Гриннига, и те, которые не сгорели в огне, будут повреждены водой. Думаю, рукопись, которая была в машинном бюро, тоже пропала. Остается только моя копия. Ни мы, ни мистер Пламен не желаем её уничтожения; она нужна нам, чтобы изгнать его, а ему — чтобы призвать своих братьев Роламандеров. Но если он отыщет у нас эту рукопись, то заставит нас произнести заклинание под угрозой ужасной смерти, так как сам не может держать бумаги, не спалив их.

Бакминстер сказал:

— А мы не можем притвориться, что совершаем призывающее заклинание, а на самом деле произнести изгоняющее?

— В этом и проблема; он сразу же узнает, если мы попытаемся обмануть его, и представьте, что случится — учитывая его жёсткий нрав. Эти заклинания — не просто слова. «Фокус-покус» — и дух испарится; так не бывает, знаете ли. Поскольку он вырвался из-под контроля Гриннига, сначала нам нужно вернуть Пламена в поработённое состояние, хотя признаюсь, не уверен, как это следует сделать. Господи, господи! О, что на нём надето?

— Асbestosовый костюм пожарного, — ответил Бакминстер.

— Ага, теперь, возможно... — Сертл оборвал речь и посмотрел куда-то в сторону; на его лице отразился ужас.

— Ха! — резкий возглас и повышение температуры подсказали Бакминстеру и Гриннигу, что враг стоял позади них. — Глупые людишки, я устаю от этих игр. Сейчас же отдайте мне оставшиеся книги!

Серпл заговорил:

— Я... Мне жаль, мистер Пламен, но все они уничтожены. Нет, нет, не вините нас, старина; вы сами всё спалили!

— Да, я это сделал, — ухмыльнулся Поджог. — Но я кое-что знаю о ваших привычках времён «холодной войны». Не пытайтесь убедить меня, что все копии ра-

боты сгорели; где-то спрятана запасная. Отведите меня к ней и не пытайтесь схитрить — например, поджечь её, — если не хотите умереть быстрой, но мучительной смертью.

— Клянусь, больше копий нет! — закричал Сертл, но Пламен просто ухмыльнулся ещё шире, и начал многоизначительно перебрасывать свою саламандру из руки в руку.

— Последний раз спрашиваю, вы отведёте меня к ней? — рыкнул дух.

— Я говорю вам, её не сущ... — всё, что успел сказать Джулиан Сертл, так как саламандра накинулась на него и подожгла один конец потрясающих усов. Сертл, издав короткий крик, хлопнул рукой, чтобы потушить огонь. Когда он убрал руку, правая сторона усов осталась нетронутой, но от левой половины сохранилась только короткая чёрная щетина над верхней губой. Саламандра вилась маленькими кругами вокруг головы декана.

— Хорошо, — вздохнул Сертл. — Следуйте за мной.

Он вёл их несколько кварталов по грязному району, в домах которого в основном продавали сырьё, химикаты, сельскохозяйственную и промышленную технику. На унылой улице на глаза попалось лишь несколько человек, большинство работали по соседству и сейчас возвращались по домам на обед.

— Быстрее! — рыкнул Пламен. — Начинает темнеть, а я не могу шататься по этой деревне ночью, когда у меня лицо светится как маяк.

Действительно, его лицо становилось всё заметнее, хотя солнце ещё не село.

Сертл становился перед старым деревянным зданием с табличкой:

Уильямс и Гиббон

Сварочное оборудование и расходные материалы

Бакминстер едва не спросил, какого чёрта Сертл хранит запасную копию рукописи в таком месте, но передумал. Сертл сказал:

— Подождите здесь, мистер Пламен, я принесу бумаги.

— Ха, что придумали. Я пойду с вами...

— О, нет, не пойдёте, если не хотите сжечь и этот дом! Тогда действительно не останется ни одной копии.

— Хорошо! — заворчал огненный дух. — Я возьму этих двоих в заложники. Если ты попытаешься колдовать за моей спиной, я узнаю, и они умрут самой страшной смертью!

Сертл помчался к зданию; он закричал: «Том!» — и взбежал по лестнице.

Бакминстер и Гриннинг неохотно остались с Пламеном, который неподвижно застыл у входа. Бакминстер был сильно напуган; он был уверен, что Сертл придумал какую-то уловку, которая может не сработать, и Пламен отыграется на нём и Гринниге. Может быть, старик уничтожит рукопись, что предотвратит появление духов в будущем, но оставит неуязвимого и мстительного Пламена в нашем мире. Бакминстер сжал зубы, чтобы они не стучали.

Наверху заскрипели ставни. Гриннинг просто изнывал от нетерпения, стараясь рассмотреть, что там творится. Клем Бакминстер поступил бы так же, но в кризисные мгновения его средние в общем-то умственные способности просыпались, и появлялась сверхъестественная смекалка. Он пытался контролировать глаза и лицо, чтобы не выдать своего знания — он догадался, что происходит на втором этаже.

Появилась сверкающая близкой вспышка света.

Позже несколько человек утверждали, что видели всё случившееся, но они находились на расстоянии квартала

ла или даже больше, и ничего не замечали, пока процесс не зашёл слишком далеко. Они рассказывали истории, которые сильно отличались друг от друга и от версии Джулиана Сертла, выдающегося и уважаемого гражданина — посему этим рассказам не очень-то доверяли.

Источником пламени стала зажженная магниевая лента, подведённая к ведру серого пороха, которое Сертл и его приятель, Том Гибbon, опускали на проволоке из окна, пока оно не оказалось в футе, или около того, от головы ничего не подозревающего Пламена. Сразу после вспышки дно ведра отвалилось, и водопад слепящего раскаленного вещества обрушился на Пламена, когда он только взглянул вверх, чтобы выяснить, что происходит.

Бакминстер и Гриннинг отшатнулись назад, закрывая лица от опаляющего жара и слепящего света. Бакминстер несколько секунд щурился, прежде чем смог что-то разглядеть.

Там, где стоял Пламен, теперь находилась бесформенная штуковина, примерно напоминавшая половину статуи мужчины. Статуя оседала, падала и растекалась по тротуару и водосточному желобу, распространяя сверкающую белизну на расстояние двадцати футов. Ослепительный блеск поблек, сменившись простым желтоватым светом, на который можно было смотреть без всякого вреда для глаз, и Джулиан Сертл крикнул из окна:

— Пожар! Ты, Бакмастер, бей тревогу!

На самом деле, фасад здания «Уильямса и Гиббона» начал гореть; маленькие языки пламени деловито бежали по двери.

Тревогу уже подняли. Через несколько минут пожарная машина подтягивала лестницу к окну. Сертл и Гибbon спустились вниз, перепачканные сажей, но невредимые.

— Нет, нет, нет, спасибо, — сказал Сертл тем, кто помогал ему слезть с лестницы, и спрашивал, не нужна ли госпитализация. — Я не ранен, правда. Возможно, тот, который пытался поднять нам лестницу... — Он указал на Гриннига, у которого осталось несколько ожогов с прошлого раза.

— Так, — сказал Гринниг. Он ухмыльнулся и оттащил Сертла и Бакминстера в сторону. — Эй, док, — сказал он первому. — Что вы сделали с парнем?

— Я расплавил его, — сказал Сертл.

— Как?

— Термит! Пламен думал, что он горячий, но он не так горяч, как термит! Я знал, что у Уильямса и Гиббона есть термит, и я попросил Тома Гиббона помочь мне с ведром и фитилем.

Вот и всё, если вы, ребята, примете мой совет — не говорите никому о Пламене или курсе некромантии — который всё равно пропал — и о ваших сегодняшних приключениях. Я собираюсь забыть про этот курс и выбросить рукопись. Закину её в сейф на бессрочное хранение.

— Понял, босс, — сказал Бакминстер. — Слушай, Карл, может, нам надо остановиться у аптеки, и смазать дубильной кислотой твои ожоги?

Гриннинг посмотрел на свои чёрные руки:

— Первое, что мне нужно — это помыться.

— Хорошо, где-то здесь должна быть уборная. И пока мы приводим тебя в порядок, я расскажу о нашем новом потрясающем курсе авиамеханики. Нам надо перевести тебя на новый курс, а ты же хочешь делать настоящие деньги, не так ли? Хорошо. Эй, что такое, Карл? Что я такого сказал?! ПОМОГИТЕ!

Хрясь!

КА УЖАСНЫЙ

Пробегая по улицам Тифона, Гезун из Гэдеры вспоминал слова авзонийского адепта, которого повстречал в Максии:

«Тифон возносился во мраке и пурпуре над потаёнными границами Моря Теш, среди огромных гробниц королей, которые правили Сетешем, когда великий Торрусеш был всего лишь глухой деревенькой, а золотой Керне — пустынным берегом. Ни один человек не ведает всей истории Тифона, не знает лабиринтов его улиц и секретных проходов, не сочтёт сокровищ его правителей и тайных сил его магов...»

Сейчас Гезун с удовольствием отдал бы все сокровища, собранные правителями Сетешана, лишь бы убраться подальше от этого проклятого места. Для девятнадцатилетнего юноши он немало повидал с тех пор, как работогорцы похитили его из дома в продуваемом всеми ветрами Лорске в Пусадиане, или Посейдонисе, как называют тот край люди запада. Но он никогда не видел города, где люди пытались разорвать человека в клочья только за то, что он убил кошку.

Он свернулся за угол, когда за спиной засвистели брошенные камни. Если бы там было лишь несколько тифониан, то он не стал бы бегать. По правде сказать, он уложил двоих своим посохом прежде, чем толпа стала слишком многочисленной; теперь, даже несмотря на то, что Гезун ростом почти вдвое превосходил местных жителей, ему пришлось спасаться.

Да, сетешане были людьми маленькими, тёмными, стройными, с вытянутыми лицами, почти безбородыми, а Гезун — типичным уроженцем Лорска: выше шести футов, широкоплечий, грузный, с большим острым носом, тяжёлыми бровями, и квадратными, выступающи-

ми челюстями, как почти все мужчины у него на родине. Кожа у Гезуна была почти такой же темной, как кожа сетешан. Густые темные волосы слегка курчавились; несмотря на молодость, Гезун отрастил уже весьма внушительную бороду. Девочка в Яване сказала ему, что он похож на бога — не того мрачного бога, который размышляет о грехах людей и вершит суд ударами молний, а того, который бродит по земле, обучая людей делать вино и отыскивая подходящих смертных девиц для сотворения полубогов.

На открытой местности он оставил бы позади почти всех сетешан. Но на этих кривых улочках он постоянно путался, останавливался на поворотах — и преследователи наверстывали то, что проигрывали на прямых отрезках пути. Кроме того, в такой многочисленной толпе нашлись и хорошие бегуны. Они приближались. Их зубы сверкали, глаза ярко светились, и пена капала с их подбородков. Они держали ножи, камни, кирпичи — всё, что успели подхватить. Их прерывистое дыхание звучало как шипение тысячи змей.

Гезун мчался мимо таверны, у дверей которой бездельничали лучники короля Зеремаба. Он притормозил и указал назад, на толпу.

— Они.... Вот...помогите мне, — задыхаясь, пробормотал он.

Солдаты переглянулись. В толпе завопили: «Убейте убийцу кошки! Сожгите богохульника! Снимите кожу с мерзкого чужака!»

Солдаты снова посмотрели друг на друга. Один закричал: «Убейте дьявола!» и потянулся к кинжалу.

Гезун ударил его в ухо своим посохом и свалил на землю. Другой лучник рванулся вперед, но споткнулся о своего компаньона и упал. Гезун помчался дальше, полы плаща развевались позади него как флаг.

Минуя лавку гончара, он обрушил гору готовых горшков так, чтобы она рухнула поперек улицы; весь

проход заняли подпрыгивающие, вертящиеся и бьющиеся горшки. Препятствие не остановило толпу. Самые первые перепрыгнули через горшки. Остальные просто прокатились по ним. Некоторые упали, но остальные топтали упавших и перелезали через них, не задумываясь о том, сколько костей соплеменников они переломают — для них важнее всего была поимка ненавистного чужака.

Ещё один поворот. Рот Гезуна приоткрылся; беглец тоже начал задыхаться. Его посох, казалось, становился всё тяжелее с каждым шагом. Может, стоило выбросить или сохранить для последнего боя? Под плащом у него висел короткий бронзовый таргесский меч, но с посохом он мог удержать толпу на расстоянии вытянутой руки. Меч, хотя и более опасный, позволил бы им повиснуть на нём, подобно гигантским пиявкам моря Тритонов, и повалить на землю.

Рванув побыстрее, Гезун сумел оторваться от погони — он отыскал следующий поворот прежде, чем толпа вылетела из-за угла. Выбравшись на улицу и не увидев Гезуна, преследователи заколебались, а потом разделились на две группы — словно отряды муравьев поползли в разные стороны.

Гезун сделал ещё один поворот и оказался в глухом переулке, в котором вряд ли бы смогли разойтись двое мужчин, если бы они не посторонились, уступая друг другу дорогу. Переулок был таким извилистым, что Гезун мог видеть лишь на несколько шагов вперёд. С обеих сторон возвышались массивные стены из камня или кирпича, без окон; время от времени попадалась крепкая деревянная дверь. Гезун уже достаточно хорошо изучил нравы сетешан и потому не ожидал никакой помощи.

Переулок закончился. Гезун натолкнулся на другую стену. Он оказался в тупике. Стены окружали его со всех сторон, лишь в одном месте между зданиями обнажалась узкая проходка.

ружилась щель — может, в один шаг шириной. До высоты человеческого роста проход был завален кучей щебёнки, оставшейся от какого-то более старого сооружения; мусор просто свалили между зданиями, когда строительство закончилось. Человек мог взобраться по осыпавшейся каменной кладке, но за ней возвышалась стена ещё одного дома. Так что, между зданиями просто появился еще один маленький тупик, отклонявшийся от основного.

Шум толпы, на время затихший, теперь снова усиливался. Люди, очевидно, направлялись в переулок, чтобы проверить, не укрылся ли он там. Толпа снова протягивала щупальца во все стороны, отыскивая добычу в разных укромных уголках. В таком узком месте они могли нападать на него лишь по одному или по двое. Если это бы были простые воины, то он смог бы сдерживать их, по крайней мере, пока не свалится от усталости или пока кто-нибудь не притащит лук, чтобы его пристрелить.

Но он имел дело с толпой фанатиков; те, которые окажутся позади, будут подталкивать передних гораздо быстрее, чем Гезун сможет с ними расправляться. В общем, конец всё равно один — они всей толпой навалятся на него, орудуя зубами и пальцами; здесь негде было размахнуться оружием. Зубами и пальцами тоже можно убивать — не хуже, чем мечами и копьями и вдобавок куда мучительнее.

Гезун постучал в ближайшую дверь. Медная заслонка, которая прикрывала глазок изнутри, слегка отодвинулась. В отверстии показался чёрный глаз сетешанца.

— Впустите меня! — воскликнул Гезун. — Меня преследуют!

Заслонка вернулась на место. Гезун яростно стукнул по ней посохом, но металл выдержал. Гезун нисколько не удивился. Шум толпы становился всё слышнее.

Груда щебня могла бы стать более подходящим местом для последней битвы, чем сам переулок. Промежуток между зданиями был гораздо уже, вдобавок, если он заберется повыше, преследователям придётся карабкаться наверх; тогда с ними будет легче справиться.

Гезун прыгнул в узкий проход и начал подниматься на кучу щебня, когда услышал голос: «Сюда, чужеземный дьявол!»

Между грудой щебня и стеной стоявшего справа дома появилось отверстие. Оттуда выглянуло лицо, остававшееся в густой тени.

— Поторопись! — сказал неизвестный.

Голоса толпы звучали так громко, как будто преследователи находились прямо за поворотом.

Гезун опустил длинные ноги в отверстие и протиснулся внутрь. Его ступни коснулись земляного пола.

— С дороги, дурак! — воскликнул его спаситель. Неизнакомец оттолкнул Гезуна и прикрыл отверстие старой прогнившей доской. Стало гораздо темнее, но, поскольку дерево неплотно прилегало к стене, немного света в туннель всё же проникало. Да и в самом туннеле не было совсем уж темно. Отблески света виднелись где-то за поворотом.

— Идём! — произнес человек. Это был невысокий смуглый сетешанец в длинной, грязной одежде. Гезун разглядел заострённые, неправильные черты лица и кривые зубы. Его спаситель был лысым, за исключением пучков седых волос, торчавших над ушами.

Старик пошёл по туннелю, бормоча: «Скорее, варвар! Они могут обыскать всё вокруг и найти мой туннель. И береги голову».

Последний совет несколько запоздал; Гезун только что врезался лбом в поперечную балку. Туннель был построен для сеташан, а не для высокого пусадианца. Крышу укрепили кривыми досками; чтобы пройти по туннелю, следовало наклоняться и изгибаться на каждом шагу.

Гезун шёл, согнувшись едва ли не вдвое; голова у него звенела. Он всё ещё задыхался после долгой пробежки; его туника пропиталась потом.

За углом стояла девушка-сетешанка, державшая слабый фонарик. Она шла впереди мужчин, прикрывая свет рукой. Туннель сворачивал то в одну, то в другую сторону; казалось, он уходил куда-то в глубину. Земля, которая у поверхности была сухой, как порошок, стала влажной, когда они спустились. Пылающий жар сетешанского лета сменился восхитительной прохладой.

Туннель постоянно разветвлялся. Гезун попытался запомнить дорогу, но вскоре сдался.

Туннель превратился в основательный каменный коридор, как будто они достигли склепа под каким-то большим зданием. Они остановились там, где туннель переходил в ряд комнат. Девушка зажгла ещё два небольших светильника. Гезун увидел, что она красива — тонкие, птичье черты лица, в которых тем не менее было некое сходство с мужчиной. У неё были иссиня-чёрные волосы и оливковая коричневая кожа.

— Садись, — сказал мужчина.

Гезун опустился на скамью и сбросил плащ. Он сидел, запрокинув голову и вдыхая прохладный воздух. Потом он чихнул, вытер пот с лица краем плаща и спросил:

— Почему ты спас меня?

— Я видел начало погони, — сказал человек. — Я ушёл в свои туннели и позже услышал звуки толпы у другого входа. Вы, должно быть, мчались по кругу и вернулись почти на прежнее место.

— Я не очень хорошо знаю Тифон.

— Вижу. Кто ты?

— Гезун из Гедэры.

— Где это?

— Далеко на западе. Я родился в Посейдонисе.

— Об этом я слышал; земля, скрывающаяся в море.

— Кто вы, сир?

— Угаф, сын Шепсаа. Это — моя дочь Ро. Что ты делаешь так далеко от дома?

— Мне нравится странствовать. Я зарабатываю на жизнь волшебством.

— Ты — волшебник? Ха!

— Я был учеником великого Санчета Сара.

— Я никогда о нём не слышал, и если он не был сете-шанцем, то вряд ли мог добиться чего-то особенного.

Гезун пожал плечами.

— Мои клиенты довольны.

— Когда ты сюда приехал?

— Вчера. Я прогуливался, обдумывая свои дела...

— Помедленнее, а то я не понимаю. Ты варварски коверкаешь наш язык.

— Я думал о своих делах и наслаждался городскими достопримечательностями, когда эти люди попытались меня убить.

— Что заставило тебя сотворить такое безумство — убить кошку?

— Я купил на обед хлеб и рыбу в агоре. Потом я пошёл в таверну возле агоры. Я купил ячменного пива, и трактирщик приготовил мою рыбку. Я обедал за столом возле таверны и только повернул голову, чтобы взглянуть на симпатичную девушки, как эта несчастная кошка прыгнула на стол и умчалась с моей рыбой. Я стукнул ее посохом и убил; я как раз счищал грязь со своей рыбы, когда толпа начала вопить и бросать камни. Ради коней Лира, почему?

— Кошки священны для Шехемет. Им никто не препятствует, и они берут всё, что пожелают.

— Почему же вы меня не убиваете?

Угаф захихикал.

— Я не испытываю любви к официальным культурам. Жрецы преувеличивают силы своих богов, чтобы внушить страх глупым верующим. Я зачастую сомневаюсь, существуют ли боги.

— В самом деле? В Гадэре я знал философа, который говорил, что не существовало ни богов, ни духов, но я видел слишком много сверхъестественных существ, чтобы согласиться с подобными крайними утверждениями.

Угаф взмахнул рукой.

— О, духи существуют. Даже у меня, поскольку я ба-
луясь колдовством, есть свой собственный дух-
помощник. Но что касается богов — ну, есть разные
теории. Некоторые говорят, что они созданы верой лю-
дей.

— Так давайте перестанем верить в них, чтобы они
не взяли над нами власть. Но что же насчет меня?

— Я могу использовать тебя, молодой человек.

— Для чего?

— Ты когда-нибудь охотился на летучих мышей?

— Нет. А зачем надо охотиться на летучих мышей?

— Мне они нужны. Моя дочь добывала их для меня,
пока я занимался своим делом.

— И каким же делом?

— Я — коллекционер. Как я говорил, Ро добывала для
меня летучих мышей, но мне нужна ее помощь в делах.
Кроме того, ей лучше бы искать себе богатого мужа в
городе, чем шататься по пыльным коридорам.

— Понимаю.

— Вдобавок некоторые конкуренты иногда пытаются
отобрать у меня часть этих туннелей, которые я исполь-
зую в собственных целях. Поэтому мне нужны сильные
руки и острый меч, чтобы отгонять врагов. Так что если
ты станешь моим учеником, я тебя спрячу, укрою и
обеспечу защиту от суеверной толпы.

— А вы накормите меня и выдадите мне новую одеж-
ду, когда эта износится?

— Конечно, конечно.

— Тогда давайте начнем. Я был голоден, когда толпа
лишила меня обеда; сейчас я по-прежнему голоден.

Угаф наморщил нос.

— Ты не робкого десятка. Ро, раздобудь Гезуну чегонибудь поесть.

Девушка вышла в смежное помещение. Гезун сказал:

— Я не знаю, как вы можете называть своё занятие деловым. Я слышал о людях, которые потратили так немало металла, но никогда слышал о людях, которые на этом заработали.

— Всё просто. Я — благодетель народа Тифона.

— Вот как?

— Видишь ли, эти храмы полны награбленного добра, которое жрецы забрали у народа, играя на его страхах. Я возвращаю это украденное богатство и ввожу его в обращение. Вот так. — Угаф показал на кучку золота, серебра и драгоценных камней. Куски металла, казалось, были выломаны или срезаны с каких-то больших сооружений.

Гезун посмотрел на мужчину с большим уважением. Самой трудной была работа тех воров, которые имели дело с храмами; если такого грабителя поймают жрецы — они могут сделать с ним всё что угодно. А жрецы Тифона особенно прославились изобретательностью в приспособлении человеческих жертв. Ро принесла тарелку еды.

— Спасибо, красавица, — сказал Гезун.

Угаф заметил:

— Даже не смотри в эту сторону, мастер Гезун. Дочь Сетеша не для чужих дьяволов. Это и безнравственно, и незаконно. Даже не думай устраивать шашни у меня за спиной — у меня есть волшебные силы. Я буду издалека следить за каждым твоим движением.

— Итак? — проговорил Гезун с набитым ртом.

На следующее утро Гезун отправился в общественные конюшни, где он оставил осла — следовало забрать имущество. Угаф придал ему сходство с сетешанами. Как и все простые обитатели Тифона, он носил только

сандалии и льняную клетчатую юбку. Вся его голова и лицо были выбриты, за исключением короткой, плетёной косички сзади и узкой небольшой козлиной бородки на подбородке. Он оставил меч и посох в туннелях, прежде всего потому, что простому человеку не разрешали носить оружие; а вдобавок из-за них какие-нибудь участники вчерашней погони могли опознать Гезуна.

Забрав свои вещи и заплатив за корм для осла, Гезун вернулся к Угафу и его дочери. Угаф сказал:

— Я отнесу твои сумки в наше жилище, пока Ро показывает тебе, как ловить летучих мышей.

Гезун заколебался — расставаться с сумками не хотелось, но Ро могла стать кем-то вроде заложницы. Сама Ро несла две сумки, одну пустую и другую — с едой и светильниками.

— Позвольте мне помочь вам, — сказал Гезун.

— Вижу, что в твоем племени варвары балуют женщин, — сказал Угаф. — Прощайте.

Ро повела Гезуна на запад, прочь от берега, отыскивая дорогу в лабиринте изогнутых улиц. Тифон, подумал Гезун, вонял ещё хуже, чем Торрутсеш. После часовой прогулки они добрались до городских ворот. За стеной город превращался в нагромождение хитжин. За этими пригородами находились поля, пересечённые ирригационными канавами. За полями, на горизонте, массивные, огромные силуэты возносились над песками пустыни. Гезун видел их на пути к Тифону.

— Что это такое? — спросил он.

— Могилы наших королей, — ответила Ро.

Некоторые из сооружений казались настоящими пирамидами, другие — усеченными, третьи — ступенчатыми. Самая высокая из полных пирамид возносилась на сотни футов. Некоторые строения казались новыми, их окружали стены, дворы и храмы; другие были древними; прилегающие к ним сооружения разобрали, да и сами пирамиды по краям уже осыпались.

Когда они приблизились к гробницам, Гезун заметил, что самые новые сооружения обитаемы. Солдаты охраняли внешние стены, а во внутренних дворах он заметил жрецов.

— Кто эти люди? — спросил он.

— Стражи королей этой династии, предков короля Зеремаба, с которым да пребудет жизнь, здоровье и сила.

— А что насчет более древних могил — тех, которые, кажется, разваливаются?

— Короля Зеремаба не интересуют призраки королей прежних династий. Поэтому все их могилы разграблены и открыты для нас.

— И мы туда идём?

— Да. Полагаю, нам надо испробовать гробницу короля Хефру. В ней очень много проходов, где летучие мыши прячутся днём.

— И для чего же, во имя семи врат ада, вашему отцу нужны летучие мыши?

Ро улыбнулась.

— Его двойник очень любит вкус крови летучих мышей.

— Вы имеете в виду двойника-демона?

— Да, Тети. Вот и гробница Хефру.

Она привела его в разрушенный внутренний двор, где песок покрыл большую часть мостовой и наполовину засыпал уцелевшие статуи. Изначальный вход в пирамиду был завален гранитными блоками, но воры давно проделали дыру совсем рядом, в мягком известняке.

— Иди осторожно, — сказала Ро, перескакивая через первые ряды камней. — А ты, и правда, умеешь управляться с огнём?

— Лучше не бывает. — Гезун вытащил коробку с трутом и кресалом и через четверть часа разжёг огонь. Ро привела его в коридор, который вёл вниз и разветвлялся. При свете свечи Гезун увидел следующие развилики.

— Клянусь бородой Короля! Это место похоже на кроличий садок, — сказал он.

— Не так громко; ты напугаешь летучих мышей.

Они ползли вперед, говоря шёпотом. Потом Ро указала на маленькое чёрное пятно на потолке прохода. Она подкралась и схватила существо. Летучая мышь рванулась и запищала, но Ро засунула её в сумку.

— Теперь твоя очередь, — сказала она.

В первый раз Гезун не добился успеха; проснувшаяся летучая мышь, треща крыльями, умчалась в темноту. Посыпался писк и шелест.

— Неуклюжий чурбан! — прошептала Ро. — Теперь нам придется ждать, когда они снова успокоятся.

— Жуткое место! Можно подумать, здесь обитают призраки.

— Кое-какие водятся. В гробнице короля Аментика обитает смертоносный демон с крыльями, клювом и когтями. Троє мужчин, которые вторглись туда, были разорваны в клочья.

Гезун потянулся за другой летучей мышью и поймал её. Летучая мышь укусила его за палец, но её крошечные зубы не смогли проткнуть кожу.

Свернув в один из боковых проходов, они достигли места, где с потолка обрушился большой блок. Гезун наступил на что-то твёрдое и посмотрел вниз. На полу лежали человеческие кости, некоторые были придавлены рухнувшим камнем.

— Короли устраивают подобные вещи в гробницах, чтобы помешать грабителям, — сказала Ро. — Ты наступаешь на какой-нибудь камень и — бум! — тебе на голову обрушивается потолок или ты падаешь в люк. Я знаю много таких ловушек, некоторые ещё не сработали.

— Гммм... Вижу, ваш отец не слишком тревожится о том, что со мной случиться, если я пойду охотиться на летучих мышей в одиночестве.

— О нет! Мы не хотим, чтобы ты погиб — ведь ты всё
ещё нужен нам!

— Как любезно с вашей стороны!

— Не бойся; я буду говорить тебе, где охотиться.

После нескольких часов охоты сумка для летучих мышей была плотно забита добычей — мыши пищали и трепыхались, мешок извивался как живой.

— На сегодня достаточно, — сказала Ро. — Давай вернемся к выходу и поедим.

— Надеюсь, что вы знаете дорогу через этот лабиринт. Зачем короли прорыли все эти туннели в своих гробницах? Чтобы запутать воров?

— Отчасти да; но ещё для того, чтобы здесь собирались верующие и чтобы было где хранить сокровища, архивы и мумии членов семей. Впрочем, теперь тут вряд ли можно найти сокровища.

У выхода они открыли сумку с едой. Когда Гезун поел и попил, он внимательнее рассмотрел Ро. Она была невысокого роста. Как и большинство женщин Тифона, она носила обтягивающее, короткое платье, которое прикрывало её тело от колен до живота. Узкая лента тянулась впереди, между обнаженными грудями, и обвивала шею.

Гезун провёл рукой по телу девушки. Та стукнула его по пальцам:

— Отец тебя предупреждал! Тети может увидеть.

Гезун не стал настаивать. В конце концов, возможности у него ещё будут.

Вернувшись в обиталище Угафа, Ро перерезала горла летучих мышей и собрала кровь в чашу, в то время как Угаф жёг ладан и пел заклинания. Когда Ро закончила, в чаше оказалось немногим больше столовой ложки крови. Что-то появилось в волшебном круге, который нарисовал Угаф.

Поначалу Гезун думал, что это была кошка, но на самом деле появилась какая-то маленькая лиса со вздёрнутым носом и огромными ушами. Она пробежала по внутренней стороне круга и заскулила. Угаф приподнял чашу, спросив:

— Что нового, Тети?

Дух заговорил — как будто залаял:

— Рубин в левом глазу статуи Ипа, в храме Ипа, держится неплотно.

— Не очень полезно, поскольку статуя выше человека и находится за ограждением. Что ёщё?

— Передняя перекладина кресла верховного жреца в храме Неба тоже еле держится. Я не думаю, что ты сможешь её выломать без инструментов, но позолота треснула, и ее легко оторвать...

После нескольких подобных ответов Тети произнёс:

— Я тебе всё сказал. Где моя кровь?

Угаф поставил чашу в круг. Зверь выпил кровь и исчез.

— Что это? — спросил Гезун.

— Фенек, — ответил Угаф. — Теперь, когда ты стал опытным охотником на летучих мышей, я могу взять Ро с собой. Я попробую заняться этим рубином в храме Ипа. Если она сможет отвлечь внимание — к примеру, упадёт в обморок — я вышибу камень твоим посохом и затолкну его в щель у основания статуи. Там изысканная отделка и очень много укромных мест. А потом, через несколько дней, я вернусь и возьму рубин.

— Хо! — воскликнул Гезун. — Вы ёщё не можете послать меня охотиться на летучих мышей в одиночку. Думаете, я хочу, чтобы меня сожрал какой-нибудь демон? Или желаю провалиться в ловушку?

— Ро может объяснить тебе, что делать.

— Я не стану делать это один.

— Ты должен!

— Не буду!

- Я натравлю на тебя толпу.
- Попробуйте. Их заинтересует ваша небольшая коллекция украденных святынь.
- Ну что ж... И когда ты сможешь охотиться?
- Потребуется много дней заниматься под руководством Ро.
- Он прав, отец, — сказала Ро. — Если мы потребуем от него слишком опасных вещей, то он сбежит.
- Ну хорошо, хорошо. Хотя до сих пор ты был совершенно бесполезен, а ешь ты за троих.

На следующий день Угаф, все ещё ворча, отправился по своим делам, а Гезун и Ро вернулись к гробницам. Гезун снова попытался подступиться к девушке — и снова потерпел неудачу. Когда он обнял Ро, она разрыдалась, бормоча что-то об отце и его демонах. Гезун отпустил её, не потому что он боялся Угафа и Тети, но потому, что он был слишком добр и не хотел, чтобы девушка страдала.

Так продолжалось до тех пор, пока луна не вошла в первую четверть. Гезун переходил в наступление и получал отпор, пока однажды Ро не начала плакать раньше, чем он к ней подступил.

— Что такое? — спросил он.

— Ох, Гезун, разве ты не видишь? Я и вправду люблю тебя; всё, что я могу — это удерживать тебя. Когда ты смотришь на меня этими огромными карими глазами, все силы покидают меня. И всё же, если ты сделаешь мне ребёнка, то отец меня убьёт.

— Я позабочусь о нём.

— Ты говоришь ерунду. Он может перерезать нам шеи в любую ночь, пока ты хранишь как медведь.

— Тогда давай не будем возвращаться в ваши катакомбы. Давай сбежим в Хам.

— Отец подаст на тебя в суд и обвинит в похищении, и колесницы короля Зеремаба настигнут нас на дороге.

— Так что, мне перерезать горло твоему отцу?

— Нет, только не это! Я буду навеки проклята.

— Ну брось, ты же во всё это не веришь. Твой отец скептик.

— Я не знаю, во что верить. Он не заботится обо мне. Всё, чего он хочет — сохранить мою девственность, пока он не продаст меня богатому мужу. Как будто один из лордов Тифона пожелает жениться на дочери храмового вора! Но я не хочу его смерти; тем более, что Тети может предупредить его и даст ему возможность удастся первым.

Вернувшись в убежище, они увидели бледного и дрожащего Угафа.

— Сегодня я был на грани, — сказал он. — Совсем рядом. Я занялся тем рубином в глазу Ипа и оказался на волосок от гибели. Меня едва не схватили.

— Что случилось? — спросил Гезун.

— Я начал тыкать посохом в глаз, и вдруг откуда-то появился жрец. Он назвал меня грабителем и богохульником. Он выдал бы меня солдатом, если б я не ублаготворил его большим пожертвованием и рассказом о том, что я хотел получить магическую силу от статуи. Теперь мне придётся скрыться на какое-то время. Этот жрец предложит своим собратьям следить за мной.

— Давай я приготовлю тебе ужин, — сказала Ро. — Тогда тебе станет получше.

— Это всё твоя вина; всё из-за того, что ты не пошла со мной. Я — бедный старый благотворитель человечества, но никто не дает мне шанса. Если бы боги существовали, они не позволили бы творить такие несправедливости во Вселенной.

На протяжении всего ужина Угаф хныкал, рассуждая о том, как к нему несправедлив весь мир. После ужина, сыграв в шашки с Гезуном, он сказал:

— Пожалуй, вы, чужаки, правы насчёт сетешан.

— Почему так?

— Они — злые, неблагодарные существа, слепо унижающиеся перед самыми жестокими и мрачными богами, которых могут представить их жрецы, и отвергая просветителей, подобных мне.

— Весёлые ребята!

Угаф, который редко смеялся и никогда не замечал шуток, продолжал:

— Клянусь зелёным гиппопотамом, мои добродетели не вознаграждены! И какая это жизнь для моей дочери! Как она сможет отыскать богатого мужа, скрываясь в этих склепах?

— Почему бы вам не изменить образ жизни?

— Что я могу сделать? Не существует наград за разоблачение суеверий. Кто бы ни придумал какое-то новое кровожадное божество — он тут же наживает состояние. А я голодая в нищете...

— Почему бы не заработать состояние тем же способом?

Угаф умолк на полуслове, словно ухватившись за идею:

— Мой мальчик, прости мне случайные резкие слова. Это было предложение, достойное гения.

— Мы сделаем нашего бога самым ужасным. Он должен ненавидеть всех и преследовать жертв до третьего и четвертого колена, если его не успокоить огромными приношениями.

— Именно так! Он должен требовать человеческих жертв, которые следует приносить, сопровождая это отвратительными пытками.

— А зачем нужны человеческие жертвоприношения?

— На Тифоне любят зрелища.

— Ну... — с сомнением произнёс Гезун. — Я не возражаю против того, чтобы обчищать тифониан, но это заходит уже слишком далеко.

— Таков местный обычай.

— Вот как? и как же этим делом заняться?

— Нужно получить лицензию.
— Но кого приносить в жертву?
— Можно покупать рабов или похищать чужаков на улицах. Никто не станет возражать, если похищенные не из тех стран, с которыми король заключил соглашения.

— Хотите сказать, что меня здесь могла схватить какая-то банда? И меня могли затащить в храм, чтобы там зарезать?

— Разумеется. Кого заботит жизнь чужаков-демонов?

— Ну, меня данный конкретный демон очень заботит; и я не стану поощрять обычай, которые могут привести к моей собственной гибели. Кроме того, это не в обычай пускадианцев. Если вам нужна моя помощь, то давайте оставим эту тему.

Угаф поспорил, надулся и наконец сдался. И когда луна вошла в следующую четверть, крестьянин в предместьях Тифона, мотыжка свой участок, обнаружил бронзовую табличку.

— Хвала Неб! — закричал он, выкопав находку и стряхнув с неё грязь. Табличка была покрыта буквами, хотя крестьянин не мог их читать. Она весила около фунта.

Приблизились двое мужчин, которые как раз проходили мимо по дороге: сетешанец средних лет с кривыми зубами и огромный молодой чужестранец.

— Что такое? — спросил старший из мужчин.

— Я не совершил ничего дурного, мои господа, — сказал крестьянин. — Я нашёл это только сейчас. Оно лежало на моем участке, которым я владею по праву собственника, и потому принадлежит мне.

— Что ты сделаешь с этой вещью?

— Продам ее скупщику металлов, мой господин.

— Гммм... Давай-ка посмотрим...

Крестьянин спрятал табличку за спину. Он не сунул находку под одежду, потому что никакой одежды не носил.

— Нет, нельзя, сир. Вы схватите её и убежите, и что тогда мне делать

— Хорошо, ты будешь держать свою драгоценность и позволишь мне взглянуть на неё.

Некоторые крестьяне с соседних полей подошли посмотреть, что происходит. Некоторые путешественники, шедшие по дороге, тоже остановились — теперь вокруг Угафа, Гезуна и фермера собралась целая толпа. Угаф наклонился над дощечкой и громко прочёл:

— "Я, Ка Ужасный, древнейший прародитель богов, создатель и господин семи вселенных, скоро прибуду, дабы поселиться в Тифоне на земле Сетеш. Горе грешникам Тифона! Теперь взор мой будет устремлён на вас. Ибо я — великий, жестокий бог-ревнитель, при звуке имени которого содрогаются иные боги. Они били вас плетьми, я буду бить вас палками; они поражали грешника, а я уничтожу всю его семью, соседей и друзей. Покайтесь, пока не поздно! Так сказал я, Ка Ужасный.

Угаф сказал:

— Это, конечно, интересное дело. Приятель, я дам тебе половину веса этой таблички серебром — столько металла ты не видел за всю жизнь. Потом я отвезу её в город и узнаю, что скажут мудрые жрецы Тифона.

— Да, возьми её! — воскликнул крестьянин.

Несколько дней спустя, когда разнёсся слух о находке таблички, Угаф появился на агоре. Он был раздет, лицо его покрывали красные полосы, а тело было вымазано пеплом. У него шла пена изо рта (Угаф жевал кусок мыла). И вообще он с виду был самым святым из всех подвижников, которых тифониане видели за долгое время. Он размахивал табличкой, громко повторяя написанные на ней слова, и требовал, чтобы люди покаялись. Гезун

шёл позади, держа в руках корзину, чтобы собирать кольца и слитки металлов, которые бросали собравшиеся.

— Храм для Ка Ужасного! — вопил Угаф. — Что он подумает, когда прибудет в Тифон и не отыщет дома бога? Что он сделает? Что он сотворит с нами? Это — наш последний шанс...

Гезун сдерживал улыбку. Это он сочинил речи Угафа — талантов самого Угафа на это дело не хватило. С другой стороны, отыскав человека, который вложил ему в рот подходящие слова, храмовый вор превратился в замечательного пророка; особое впечатление производило мрачное и напыщенное выражение лица.

Прошло ещё несколько дней. Они сидели в укрытии и пересчитывали свои богатства. Ро сортировала металлы, а Угаф и Гезун взвешивали их. Угаф, получивший кое-какое образование, производил подсчёты, выводя цифры на каменной стене обожжённой палкой. Он сообщил:

— Мы получили гораздо больше, чем я заработал за всё то время, когда занимался коллекционированием. Почему я не додумался до этого раньше?

— Потому что раньше я этого не предлагал, — усмехнулся Гезун. — А знаешь, каким будет моё следующее предложение?

— Каким?

— Мы сложим эти вещи в крепкие сумки и уйдём из Тифона. Мы можем отправиться в Хам. Тебе хватит твоей доли на весь остаток жизни, а я потрачу свою часть, чтобы побывать в тех местах, которых я ещё не видел.

— Ты с ума сошёл, парень?

— О чём ты?

— Это мелочь по сравнению с тем, что мы соберём, когда построим наш храм.

— Ты хочешь сказать, что доведёшь дело до конца? Ты не ограничишься одними словами?

— Разумеется! Я уже встречался со строительным подрядчиком Сентиу и посетил художника Екатари. Он спроектирует наш храм и статую бога.

— Тогда отдай мне мою половину и оставайся здесь со своей.

— Нет! Нам понадобятся все деньги. И даже не думай втихомолку стащить свою долю. Помни, это не я убил священную кошку.

Гезун вспыхнул, но сдержался. Может статься, Угаф и прав: у него побольше опыта в таких вещах.

Вскоре на территории храма начались строительные работы. Люди возводили стены, настилали полы, а посреди всего этого великий Екатари трудился над статуей вместе со своими учениками. Он собирался создать внушительную скульптуру из позолоченной бронзы, изобразив Ка с головой стервятника и со множеством крыльев и рук; бог разбрасывал молнии и размахивал оружием.

Когда рабочие собрались пообедать, Гезун направился в тень, к основанию стены храма, где Екатари и его ученики поглощали скучную пищу в тени.

— Приветствую, великий художник, — сказал Гезун.
— Можете ли вы объяснить мне одну вещь?

— Какую именно?

— Что это такое — огороженная секция в задней части храма? Её не было на плане, — показал Гезун.

— Ты, должно быть, говоришь о стойле.
— Стойло?

— Ага. Угаф купил колесницу и пару лошадей и хочет, чтобы для них оборудовали помещение в основании храма.

— Да какой же идиот... — начало Гезун, когда топот копыт заставил его обернуться. Появился Угаф, он стоял в отделанной золотом колеснице, запряжённой парой белоснежных лошадей. Он держал поводья, ругаясь, по-

тому что лошади то и дело взбрыкивали, а рабочие потешались над его неопытностью. Гезун шагнул вперёд и заговорил:

— Что это за глупость? И чего ты хотел добиться, решив расширить храм и не сказав мне об этом?

Угаф помрачнел.

— Потише, парень, а то я заговорю очень громко. Я мог бы даже поговорить о кошках.

Гезун едва не прыгнул на Угафа, но справился со своим гневом и произнёс:

— Мы ещё к этому вернёмся. — Затем он удалился.

В ту ночь в подземных покоях произошла серьёзнаяссора. Гезун стучал по столу и кричал:

— Ты — транжира, старый дурак! Мы уже по уши в долгах, этого хватит, чтобы мы до конца дней остались в долговом рабстве.

— А кто тебе объяснил, как вести религиозные дела? Ты думаешь, что парень вроде тебя, втрое моложе меня и вдобавок варвар, может обучить меня этому искусству?

— Я могу понять, когда дела идут плохо! Вместо того чтобы бегать, вымашавшись краской и пеплом и выманивать побольше золота у тифониан, ты здесь красуешься в расшитых золотом одеждах и катаешься на своей безвкусной игрушке.

— Это доказывает твоё невежество. Толпа увидит, какого успеха мы добились — и так мы докажем людям, что наш бог по-настоящему велик.

— Ты словно пьяный мужлан, который, упав в колодец, сказал: как я умен, я больше никогда не захочу пить! Я хочу свою долю наших доходов — и немедленно!

— Ты не можешь забрать деньги. Они вложены в храм.

— Продай мою долю или возьми в долг. Но я хочу получить деньги.

— Это невозможно, грязный варвар! Когда мы заработаем состояние, ты можешь попросить свою долю.

— Я пойду в суд и потребую раздела.

— Посмотрим, как далеко зайдёт дело, когда судья слышит, что ты — убийца кошек!

Гезун начал привставать, и в глазах его пылала жажда убийства. Но тут Ро схватила его за руку, вскрикнув:

— Гезун! Успокойся! У него есть сила!

В углу послышался писк, и все обернулись. Там сидел Тети — демон, похожий на лисёнка.

— О хозяин! — заскулил лис. — Вы уже давно не кормили меня. Что я могу для вас сделать?

— Ничего, — сказал Угаф. — Убирайся прочь и не тревожь меня больше.

— Умоляю, хозяин! Мне нужна кровь летучих мышей! Я погибаю, мне не хватает тайного состава.

— Прочь! — завопил Угаф и произнёс заклинание, изгоняющее нечистую силу. Демон исчез.

Гезун немного успокоился, и драки удалось избежать. В течение нескольких дней Угаф провозглашал мрачные пророчества на агоре, в то время как Гезун собирал дань. Гезун заметил, что доходов становится всё меньше.

— Клянусь ногтями на ноге Неб, скоро всё это будет бессмысленно, — ворчал Угаф однажды вечером. — Все тифониане уже слышали нашу весть, и теперь они ждут чего-то нового. Нам нужно поскорее закончить храм.

— Сколько времени это займёт? — сказал Гезун. — Судя по словам Сентиу, всё уже должно быть готово, но крыши до сих пор нет.

— Так ведут дела строители. Я вижу, где мы совершили ошибки, но когда мы построим наш великий храм, их можно будет исправить.

— Что за великий храм?

— О, это ведь только начало. Наша паства увеличивается, и вскоре в этом здании наши верующие уже не поместятся. Мы построим великолепный храм, ничуть не меньше храма Шхемет.

— Угу. То есть уже после того, как ты выплатишь мою долю.

— Почему тебе так не терпится уйти?

— Я устал от Тифона. Здесь ненавидят иностранцев; такого можно ожидать в зачуханной деревне у атлантов, а не в большом городе. Кроме того, здесь слишком жарко, а блохи и мухи мешают жить.

Угаф пожал плечами.

— Каждому своё. Завтра я прослежу, как установят крышу.

На следующее утро, после того как Угаф ушёл, Гезун бездельничал и смотрел, как Ро моет посуду. Тут появилась Тети и начал скулить:

— Добрый чужеземный дьявол, мой хозяин гонит меня и не заботится обо мне. Я жажду крови летучих мышей.

— Это грустно, малыш, — сказал Гезун.

— Ты ничего не сможешь сделать для меня?

Гезун хотел было ответить «нет», а потом усмехнулся и обратился к Ро:

— Красавица, те охоты на летучих мышей были забавными. Давай устроим ещё одну.

— Но придётся так далеко идти! И по такой жаре!

— Мы возьмём колесницу. Она наполовину моя. А в гробницах прохладно.

— О, благодарю тебя, великодушный смертный! — воскликнул Тети.

Несколько часов спустя они оказались глубоко в недрах пирамиды короля Хефру. Когда сумка наполнилась добычей, они направились к выходу и поели. Потом Гезун притянул Ро к себе и поцеловал. Она сопротивля-

лась, но не слишком сильно, так что начавшаяся игра превратилась в настоящий любовный поединок.

Немного спустя, Гезун спал у входа в туннель, оглушительно хранил, а Ро оплакивала свою утраченную невинность и покрывала его лицо нежными поцелуями.

Угаф бродил вокруг храма, пока у Екатари не началась истерика. Он проклинал Угафа и всех его предков, потому что, по его словам, Угаф вечно стоял на дороге и отвлекал художника своими идиотскими предложениями, не понимая, что душа художника чище и прекраснее, чем души обыкновенных людей.

Рассерженный Угаф направился в конюшню, в которой держал свою колесницу. Он рассердился ещё больше, узнав, что напарник забрал роскошную повозку. Хмурясь, Угаф зашагал во дворец и, в конце концов, проник в приёмную Регистратора Лицензий. Он попросил лицензию на человеческую жертву.

— Вам известны правила? — спросил Регистратор.

— Конечно, конечно, милорд. Пусадианцев нет среди защищённых законом чужаков, не так ли?

— Каких пусадианцев?

— Варваров с дальнего Запада. Так всё в порядке?

— Жрецы Неб, Шхемет и других богов возмущены вашими действиями, но мы не можем оскорблять ни одного бога. Поэтому вот ваша лицензия.

— Я нижайше благодарю вас, мой господин. Приходите на одно из наших богослужений.

Угаф отступил, кланяясь. Затем он пошёл в квартал воров — в полуразрушенную часть города, где люди были или слишком бедны, чтобы сбежать, или наоборот, бежали туда, скрываясь от солдат короля Зеремаба и от чиновников. Угаф отыскал мускулистого головореза по имени Эха, которого неплохо знал в свои воровские деньги. Угаф спросил:

— Не хочешь поработать, старый приятель?

Эха усмехнулся и напряг мускулы.

— Могу и поработать, если бы это означает достаточно металла и не слишком много труда.

— Мне нужно несколько крепких ребят, чтобы помочь в делах храма: подметать пол, ловить грабителей и всё прочее. Есть ли у тебя друг, которому я мог бы доверять?

— А что насчёт того чужеземного дьявола, твоего напарника?

— Думаю, он недолго будет путаться у нас под ногами. Ты готов к серьёзному делу?

— Ты меня знаешь, Угаф.

Эха привёл своего друга, молчаливого здоровьяка по имени Маатаб. Угаф отвёл их в храм и поручил им кое-какую мелкую работу — например, перенос вещей из убежища в храм, когда были достроены жилые комнаты. Гезун почти не возражал против найма этой парочки, потому что Угаф объяснил — троим не справиться со всеми делами культа. Гезун погрузился в мечты — ему казалось, что он снова влюблён. Угаф, который, как можно было предположить, заметил знаки, которые подавали друг другу Гезун и Ро, казалось, не обратил на них внимания.

Настал день, когда высох последний кусок штукатурки, была нарисована последняя фреска и прибит последний лист золота. Угаф созвал Гезуна, Ро, Маатаба и Эху на совет. Он сидел во главе стола в расшитой золотом одежде из какого-то яркого восточного материала и высокой остроконечной шляпе. Угаф сообщил:

— Завтра ночью состоится освящение. Храм будет заполнен. Я для начала купил жертвенного вола. Но наше будущее зависит от того, насколько гладко пройдёт эта церемония — ведь нужно добиться от наших набожных дураков самых больших пожертвований. Давайте убедимся, что все мы выучили свои роли...

Когда они всё отрепетировали, Угаф сказал:

— Гезун, мы с Маатабом и Эхой заберём нашего вола. Я оставляю тебя здесь, чтобы охранять храм. Мы вернёмся через час.

Он увёл обоих воров. Гезун посмотрел на Ро. Он не оставался с ней наедине ни разу с того дня в гробнице Хефру. И всё-таки теперь он колебался — прощальные слова Угафа походили почти что на приглашение. Но такой юный и энергичный человек, как Гезун, вряд ли мог долго колебаться, что ему следует делать — удовлетворить вожделение или проверить подозрения. Выбор был известен с самого начала — и сделан очень быстро.

Угаф отвёл Маатаба и Эху в главный зал храма. Стоя перед статуей Ка, Угаф спросил:

— И как ваша храбрость?

Маатаб рассмеялся, а Эха продемонстрировал свои мускулы.

— Хорошо, — пробормотал Угаф. — Я изложил вам план. Тот молодой пёс думает, что всё пойдёт по этому плану. Но на самом деле мы сделаем вот что: Он будет прихорашиваться в начале обряда у себя в комнате. Он выйдет, думая, что должен пойти в главный зал и убить вола освящённым топором. Но вы двое...

Эха прервал Угафа:

— А мудро ли так прямо говорить об этом, стоя возле него? — он жестом указал на огромного идола.

— Ха! Это всего лишь статуя из бронзы и древесины. Я придумал её, и Екатари её сделал; ведь это я выдумал Ка и весь его культ. Если мы не верим в бога, то он не может существовать. — Угаф плонул на статую. — Если вы боитесь...

— Мы? Боимся? — в один голос воскликнули воры.

— Что ж, тогда слушайте. Когда Гезун выйдет из своей комнаты, вы двое должны схватить его. Не убивайте его и постарайтесь оглушить его не слишком сильно. Я

не хочу, чтобы он оставался без сознания во время жертвоприношения; толпе нравится, когда жертвы кричат. Свяжите его запястья и лодыжки покрепче и отнесите его в главный зал. Положите его на алтарь, а я сделаю остальное...

Сидя в своих покоях, Гезун мог слышать хор голосов верующих — они повторяли за Угафом слова гимна, а Ро играла на лире. Гезун вносил последние штрихи в свой костюм: клетчатая юбка до колен, обшитая золотой нитью, позолоченные сандалия, и роскошная коническая шапка — почти как у Угафа, но не такая высокая. Гезун прислушивался — он ждал, когда настанет его очередь. Выбрав подходящий момент, он ступил в дверной проём. Гезун уже протянул руку, чтобы отодвинуть занавес — и тут услышал писк. Появился Тети.

— Гезун! — сказал дух.

— Что такое?

— Есть одна вещь, которую тебе надо знать...

— Нет времени! Расскажешь после богослужения, —

Гезун снова шагнул к занавесу.

— Это дело жизни и смерти.

— Клянусь святым крокодилом Гайдеса! Эха и Маатаб сейчас поведут вола. Отложим дело на потом.

— Но это твоя смерть! Они убьют тебя вместо вола.

Гезун замер:

— Как это?

Тети сообщил о приказах Угафа.

— Я невидимым проник в храм и теперь явился предупредить тебя — из-за этой крови летучих мышей.

— Но зачем Угафу убивать меня?

— Чтобы стать единственным господином, устроить для жителей Тифона кровавое представление, и убедиться, что ты не станешь возражать против таких жертв в будущем.

Гезун понял, какого дурака он свалил. С приглушённым проклятием он прыгнул к куче своих пожитков и вытащил кривой таресский меч.

— Мы ещё посмотрим, кто кого принесёт в жертву!

— Не ходи в большой зал!

— Почему нет?

— Я не знаю, но в мире духов начинается великая буря. Произойдёт что-то ужасное.

— Гм! В любом случае спасибо тебе, маленький дьявол.

Гезун подобрался к двери на цыпочках. Он встал немного в стороне и отдернул занавес. Заметив движение в тёмном коридоре, он ухватил чью-то мускулистую руку и сжал её. Одним резким движением он втащил в комнату Эху. Тот набросился на Гезуна с маленькой дубинкой.

Эха потерял равновесие, и поэтому не смог нанести точный и прямой удар. Он сбил с Гезуна ритуальную шапку и задел его бритый скальп; в глазах у варвара застывали звёзды. И Гезун вонзил меч в шею Эхи.

Тот упал на четвереньки, захрипев и выронив дубинку. В комнату вломился Маатаб. Гезун попытался забрать меч, но не успел, Маатаб обрушился на него.

Они откатились в середину комнаты, пихая друг друга ногами, колотя кулаками, пытаясь выдавить противнику глаза или оторвать уши. Маатаб засунул большой палец в нос Гезуну, но Гезун пнул Маатаба в промежность, и сетешанец со стоном отлетел назад. Они вновь сцепились, упали и покатались по полу. Гезун почувствовал, что рука его коснулась дубинки. Он поднял её и набросился на Маатаба. Удар попал вору в плечо. Маатаб отскочил и вырвал меч из тела Эхи.

Они снова сошлись — оба делали обманные маневры, уворачивались и наносили удары. Оба прыгнули одновременно, чтобы ударить наверняка; Маатаб вцепился в запястье Гезуна, а Гезун — в запястье Маатаба. Они

пошатывались, пытаясь вырвать руки из мертвой хватки противника. Гезун почувствовал, как кто-то вцепился ему в лодыжку. Это был Эха, который еще не умер. Гезун пошатнулся и упал. Маатаб прыгнул на него, но Гезун выставил обе ноги и ударил пятками Маатаба в живот. Сетешанец отлетел назад, к стене. Он выронил меч и опустился на пол, кашляя и задыхаясь.

Гезун поднялся и рванулся к мечу. На мгновение оба запутались — они пытались поднять оружие и в то же самое время оттолкнуть в сторону или придавить руку противника. Наконец Гезун вытолкнул меч на середину комнаты. Он взялся за рукоятку и направил оружие на Маатаба, который развернулся и не то упал, не то уполз за дверь.

Чтобы убить время, Угаф тянул свою проповедь, вновь и вновь напоминая о злобности, свирепости и мстительности Ка Ужасного. И вдруг, вместо связанного Гезуна, которого должны были внести Эха и Маатаб, появился бегущий Маатаб, которого преследовал Гезун. Маатаб подбежал к статуе, пытаясь выкрикнуть предупреждение, но он слишком запыхался и не мог вымолвить не слова. И Гезун, и Маатаб были взъерошены, их клетчатые юбки разорвались, их лица и тела покрывали ушибы и царапины. Пот и кровь, смешиваясь, текли по их телам. Ро опустила лиру, резко ударив по струнам.

— Он... он... — задыхался Маатаб, прячась за Угафом.

— Я... — выдохнул Гезун.

Угаф отступил к толпе, вопя:

— Хватайте убийцу кошек! Этот чужеземный дьявол убил кошку в месяц Верблюда! Разорвите его на части!

Ропот верующих звучал всё громче. Гезун хотел увидеть, как прольётся кровь Угафа и Маатаба — но он не хотел, чтобы его самого разорвали в клочья. Люди не-

много притихли. Гезун отступил к статуе и поглядел на Ро.

Ро смотрела на то, что происходило у него за спиной, в нескольких футах от головы. Гезун обернулся. На него опускалась рука из позолоченной бронзы, которая заканчивалась когтистым пальцами, как у хищной птицы.

Гезун совершил огромный прыжок. Огромные пальцы сомкнулись совсем рядом с ним.

С громким скрипом статуя шагнула на ступени, покинув свой постамент. Угаф и Маатаб смотрели на происходящее с недоверием и ужасом, а верующие, стоявшие позади них, начали вопить и разбегаться. Угаф и Маатаб тоже хотели бежать, но к ним протянулись две длинных руки. Когтистые пальцы вцепились в людей, острые когти вонзились в их тела. Ка поднёс двух вырывающихся и кричащих мужчин к своему огромному клюву.

Гезун вцепился в запястье Ро и потащил девушку к другой двери. Оказавшись в коридоре, он рванулся к двери в конюшню. Но потом сказал:

— Жди! Держи это!

— Но, Гезун...

Он сунул ей в руки свой меч и вбежал в комнату Угафа. На полу лежал сундук, в котором хранились их доходы. Сундук был заперт и прикован цепью к кольцу в стене. Гезун приподнял его и изо всех сил дёрнул, как будто собирался бросить. С первой попытки цепь не поддалась, но со второй кольцо вылетело из стены. Гезун выскочил, обхватив сундук одной рукой.

Крики в главном зале звучали всё громче. Они начали затихать, когда Гезун втащил Ро в конюшню, подтянул упряжь, развернул колесницу и пустил коней галопом к северным воротам. На поворотах колесницу заносило.

— Что... что произошло? — спросила Ро.

— Твой отец не верил в Ка, но он убедил в его существовании столь многих, что их вера пробудила бога к жизни.

— Но почему Ка оживил статую и напал на отца?

— Ну, его описывали как жестокого и мстительного, поэтому он рассердился, когда меня не принесли в жертву как обещали. А может, он негодовал на атеизм Угафа. — Он замедлил шаг. — Давай остановимся у фонтана и приведём себя в порядок, а то охранники не выпустят нас за ворота.

Несколько минут спустя Гезун, нахлёстывая белых коней, скакал по длинной пустынной дороге в Хам, в землю Кхеру. У него за спиной над Тифоном, казалось, сгущалась мрачная тень.

— Во всяком случае, — сказал он, — я покончил с опытами, которые связаны с богами. С людьми слишком трудно иметь дело.

Источники

Тексты

L. Sprague De Camp. *The Great Fetish*. Pocket Books, 1980.

L. Sprague De Camp. *The Reluctant Shaman and Other Fantastic Tales*. Pyramid Books, 1970.

Иллюстрации

The Great Fetish:

Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, Winter 1977 & January-February 1978 — artwork by Frank Kelly Freas

The Hardwood Pile:

Unknown Fantasy Fiction, September 1940 — artwork by R. Isip

The Ghosts of Melvin Pye:

Thrilling Wonder Stories, December 1946 — artwork by Marchioni

The Wisdom of the East:

Unknown Worlds, August 1942 — artwork by Edd Cartier

Mr. Arson:

Unknown Worlds, December 1941 — artwork by Paul Orban

Содержание

ВЕЛИКИЙ ФЕТИШ.....	5
ДРЕВЕСИНА ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ.....	169
ПРИЗРАКИ МЕЛВИНА ПАЯ	208
ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ	229
МИСТЕР ПЛАМЕН.....	250
КА УЖАСНЫЙ.....	284

Готовится к изданию

Фрэнк Белнап Лонг
Собрание сочинений

Фрэнк Белнап Лонг известен читателям как писатель из круга Г.Ф. Лавкрафта, создатель эталонных произведений «мифа Ктулху». Но творческое наследие Лонга исключительно разнообразно: от «дамской готики» до фантастики ближнего прицела. Книги Лонга давно стали библиографической редкостью — а в этих книгах представлены ярчайшие образцы «темной» литературы. Ибо во всех своих проявлениях Ф.Б. Лонг — прежде всего мастер «странныго» и «ужасного». В нашей серии будут изданы лучшие романы и рассказы мастера.

Готовится к изданию

Стерлинг Ланье

Война за Удел

Этого писателя знают все любители жанровой литературы. Для многих знакомство с приключенческой фантастикой началось с романа «Путешествие Иеро». Но Стерлинг Ланье писал и другие книги. В их числе — один из замечательных образцов «недетской детской фантастики», странный, пугающий и мрачный роман, в котором средневековые легенды оживают и становятся символами зловещей реальности. Определить жанр этого произведения довольно сложно — но отрицать его влияние на фэнтези и хоррор просто невозможно...

На правах рукописи

Отпечатано в типографии «Пегана-пресс»

У этой книги необычная история.
Роман должен был стать частью
одной из первых shake-world серий -
но не стал, так как концепция
Дж Кампа оказалась неприемлемой
для НФР-проекта. Его должен был
напечатать Джон Кэмпбелл -
но в последний момент отказался;
эротические сцены показались
редактору чрезмерно откровенными.
И вот в 70-х Дж Камп переработал
эту удивительную триклическую
сатиру - и появился смешной,
циничный и в то же время
исключительно эффектный роман.
В книгу включены также
рассказы писателя, впервые
переведённые на русский.

